

ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

1 / 2016

ДОНЕЦК

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA 1 / 2016

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
гл. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – № 1. – 120 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 7 от 30 июня 2016 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Основатель и издатель Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 83001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

1 / 2016

Редакционная коллегия

Д-р филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д-р филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
канд. филол. наук, доц. А. В. Воеводина (ответственный секретарь);
д-р филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д-р пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д-р филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д-р филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д-р филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д-р филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д-р филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д-р филол. наук, проф. А. В. Петров;
д-р филол. наук, проф. М. В. Пименова; д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д-р филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д-р филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2016

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

1 / 2016

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. A. V. Voevodina (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikul'shina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica 1 / 2016

Германские языки

- Брагина Э. Р.* Продуктивность и этимология префиксов односложных терминов в терминосистеме кибернетики в английском языке..... 5
- Drozdov A. V.* Linguistic World-Image as Exemplified by a Group of Nouns in National Varieties of English Viewed Diachronically and Contrasted to the Caribbean English Mesolect..... 15
- Kishko S. N.* On Research Methodology of the Linguistic Field (on the Material of a Communicative-Pragmatic Macrofield of Moderation in Contemporary English Discourse) 28

Романские языки

- Кухарь О. В., Гапотченко Н. Е.* Прагмалингвистические особенности резюме французских фильмов..... 36

Типологические и сопоставительные исследования

- Басыров Ш. Р.* Метонимия в сфере наименования денег..... 48
- Бессонов Н. Ю.* Сопоставительная характеристика каузативных конструкций с глаголом-связкой *take* в английском языке и глаголами-связками *робити* и *примушувати* в украинском языке..... 56
- Калиущенко В. Д.* Глаголы, мотивированные этнонимами, в немецком, русском и украинском языках..... 64
- Керова Л. В.* Способы образования личных имен в антропонимических системах английского и немецкого языков..... 70
- Мохосоева М. Н.* Языковая реализация интенсивности вкуса в разноструктурных языках..... 83
- Никульшина Т. Н.* Функционально-семантическое пространство «существо ирреального мира» (на материале английского и украинского языков)..... 93
- Филатова Е. В.* Сопоставительное исследование объема синтагм в русской, украинской и английской речи..... 104

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica 1 / 2016

Studies in Germanic Languages

<i>Bragina E. R.</i> Productivity and Etymology of Monosyllabic English Terms in the Terminology of Cybernetics.....	5
<i>Drozdov A. V.</i> Linguistic World-Image as Exemplified by a Group of Nouns in National Varieties of English Viewed Diachronically and Contrasted to the Caribbean English Mesolect.....	15
<i>Kishko S. N.</i> On Research Methodology of the Linguistic Field (on the Material of a Communicative-Pragmatic Macrofield of Moderation in Contemporary English Discourse)	28

Studies in Romance Languages

<i>Kukhar O. V., Gapotchenko N. E.</i> Pragmatic and Linguistic Features of Synopses of French Films.....	36
---	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R.</i> Metonymy in Monetary Names.....	48
<i>Bessonov N. Yu.</i> Comparative Description of Causative Constructions with the Link-Verb <i>make</i> in English and the Link-Verbs <i>робити</i> and <i>примушувати</i> in Ukrainian.....	56
<i>Kaliuščenko V. D.</i> Verbs Motivated by Ethnonyms in German, Russian and Ukrainian Languages.....	64
<i>Kerova L. V.</i> Word-Building Means of Creation of Personal Names in English and German Naming Systems.....	70
<i>Mokhosoieva M. N.</i> Language Realisation of Taste Intensity in Languages with Different Structure.....	83
<i>Nikulshina T. N.</i> The Functional-Semantic Space “A Being of Unreal World” (in the English and Ukrainian Languages).....	93
<i>Filatova E. V.</i> Contrastive Study of Syntagmas Range in Russian, Ukrainian and English Speech.....	104

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111:81'373.6

© 2016 Э. Р. Брагина

ПРОДУКТИВНОСТЬ И ЭТИМОЛОГИЯ ПРЕФИКСОВ ОДНОСЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КИБЕРНЕТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом данной статьи является исследование продуктивности и этимологии префиксов односложных терминов в терминологической системе кибернетики в английском языке. В результате диахронического анализа выделяются исконно английские и заимствованные префиксы; на уровне синхронии – отглагольные, отыменные и деадъективные; однозначные и многозначные; стилистически нейтральные и стилистически маркированные префиксы. Префиксы латинского происхождения имеют самую высокую частотность употребления, а префиксы греческого и немецкого, напротив, малопродуктивны.

Ключевые слова: префикс, односложный термин, терминосистема, кибернетика, продуктивность, этимология.

© 2016 E. R. Bragina

PRODUCTIVITY AND ETYMOLOGY OF MONOSYLLABIC ENGLISH TERMS IN THE TERMINOLOGY OF CYBERNETICS

This article deals with the prefix productivity and etymology of monosyllabic English terms in the terminology of cybernetics. The following classification of prefixes has been presented: denominated, verbal, adjectival, monosemantic, polysemantic, stylistically neutral and stylistically marked prefixes. The most productive prefixes are those of Latin derivation and the least – Greek and German ones.

Key words: prefix, monosyllabic term, terminology, cybernetics, productivity, etymology.

В XXI веке отмечается неразрывная и постоянная связь языка с жизнью и деятельностью общества, которая выражается в том, что все процессы социального развития и научно-технического прогресса динамически и многогранно отражаются в лексике, и, в частности, в терминологии. Поэтому последняя находится в центре внимания современных исследований.

Актуальность терминологической проблематики связана с рассмотрением роли науки и техники в современном обществе и обусловлена как требованиями практической деятельности, так и теоретической, связанной с необходимостью осмысления особенностей номинации, происходящей в сфере науки и техники. **Актуальность** изучения терминосистем определяется в наше время и так называемым «терминологическим взрывом», то есть массовым возникновением новых терминов,

образованием и становлением новых терминосистем.

Исследованию терминообразования посвящены многие статьи, а именно М. В. Антоновой [Антонова, 1987: 184], Н. Ю. Русовой [Русова, 2001: 77], Т. В. Мартьяновой [Мартьянова, 2001: 20], Ю. С. Уткиной [Уткина, 2004: 34].

В результате терминологического взрыва происходит определенная переориентация лингвистических исследований: предметом как традиционной, так и прикладной лингвистики становится терминология специальных областей знания. **Подъязык кибернетики**, на материале которого проведено настоящее исследование, отличается широтой тематического охвата. Он, по сути, необъятен, поскольку сама наука проникла и стала неотъемлемой частью почти всех известных точных и гуманитарных наук.

В **ранний период** развития кибернетики источником исходной лексики и правил ее комбинирования служили общезыковые средства. Они удовлетворяли потребностям данной науки в означивании выявленных фактов действительности. Бурный рост знаний стал соответственно активизировать постепенное расширение возможностей процесса образования новых языковых единиц, чтобы не отставать, а поспевать за научным познанием. С развитием терминосистемы необходимость черпать языковой материал из ресурсов общеупотребительного языка уменьшается, поскольку подъязык кибернетики начинает развиваться на своей собственной основе.

На **современном этапе** кибернетика является одной из ведущих отраслей науки, которая приобретает все большее значение с каждым днем, пронизывает все виды деятельности человека (медицина, биология, психология, экономика и т.д.). Ее термины стали неотъемлемой составной словарного состава современной науки и техники. Одним из факторов **актуальности** изучения терминологии кибернетики является то, что это интенсивно развивающаяся терминология.

Ряд статей посвящен комплексному освещению проблем кибернетической лингвистики, в рамках которой рассматриваются теоретические и прикладные вопросы, связанные с представлением, переработкой и пониманием текстов на естественном языке автоматическими системами. Данные вопросы рассматриваются в статьях Б. В. Сухотина [Сухотин, 1993: 100], Я. П. Выставкина и Е. К. Гусевой [Выставкин, Гусева, 2001: 96].

Префиксация, как процесс образования новых лексических единиц, является наиболее продуктивным способом в общеупотребительной и терминологической лексике, на что указывает статья Л. И. Чернобая [Чернобай, 2000: 56].

Предметом данной статьи является исследование продуктивности и этимологии

префиксов односложных терминов в терминологической системе кибернетики в английском языке. Префиксация в данном исследовании оказалась одним из **наиболее продуктивных** способов образования новых лексических единиц.

Большое внимание в работе уделяется изучению **степени продуктивности** и значений различных префиксов, а также моделей образования новых слов. На уровне **диахронического** анализа выделяются исконно английские и заимствованные префиксы; на уровне **синхронии** – отглагольные, отыменные и деадъективные; однозначные и многозначные; стилистически нейтральные и стилистически маркированные префиксы.

В работе описание **42** префиксов терминологии кибернетики проводится в порядке возрастания частотности употребления в образовании новых терминов. В случае необходимости используются также иные способы описания префиксов. Ниже приведена таблица префиксов английского языка, выбранных из лексикографических источников.

Необходимо отметить, что в таблице 1 **bi-** выделяется как префикс **латинского происхождения**, по мнению П. М. Карашука [Карашук, 1977: 188]. Однако некоторые исследователи считают, что имеет место явление **телескопии**. Как отмечает Е. Н. Бортничук, «под телескопией понимается способ словообразования, при котором новое слово возникает из слияния полной основы одного исходного слова с усеченной основой другого или из слияния двух усеченных основ исходных слов» [Бортничук, 2000: 174]. Значение нового слова включает в себя полностью или частично значения входящих в него структурных компонентов. В литературе этот способ образования новых лексических единиц известен также под наименованиями «слияние», «стяжение», «контаминация», «вставочное словообразование», «гибридизация» и т. п.

Новообразования с первым компонентом **bi-** включаются в следующий тип сочетания, по Е. Н. Бортничук: слияние «осколка» с полной основой, которое называете и частичным телескопизмом:

biquinary = binary + quinary – двоично-пятеричный,

bidirectional = binary + directional – двунаправленный,

bistable = binary + stable – с двумя устойчивыми,

biconditional = binary + conditional – эквивалентный,

binomial = binary + nomial – биномиальный,

bivariate = binary + variate – двумерный.

Таблица 1. Префиксы в кибернетической терминосистеме

Префиксы	Продуктивность	Этимология	Словобразовательная модель	Значение	Пример
1	2	3	4	5	6
1. extra-	* 1	Лат. Comb. Form of extra = «outside, without»	extra- + N = N	Внешний, находящийся за пределами	extrapolation – экстраполяция
2. mal-	* 1	Лат. Malus = «bad»	mal- + N = N	Недостаточность, непригодность, плохое качество	malfunction – контроль неисправностей
3. mono-	* 1	Гр. Comb. Form monos = «alone»	mono- + Adj = Adj	Единичность	monostable – с одним устойчивым положением
4. mis-	* 1	Д.А. mis(se)	mis- + N = N	Ошибочность, нечто неправоподобное; значение, противоположное значению основы	mismatching – рассогласование
5. poly-	* 1	Гр. Comb. Form polys = «many, much»	poly- + N = N	Множественность, разнообразность	Polynomial – многочлен
6. post-	* 1	Лат. Comb. Form of post = «behind, later»	post- + N = N	Последовательность во времени, расположение после чего-нибудь	post mortem – пост-мортем, постпрограмма
7. en-	* 1	Лат. en-	en- + N = N	Не имеет определенного значения	encoder – кодирующее устройство
8. tri-	* 1	Лат.	tri- + Adj = Adj	Тройственность	triangular – треугольный
9. ultra-	* 1	Лат. Ultra = «beyond, on the other side farther»	ultra- + N = N	Чрезмерность, крайность	ultrastability – сверхустойчивость
10. anti-	* 2	Гр. anti.	anti- + N = N anti- + Adj = Adj	Противопоставление, противоположность	anticoincidence – отрицание; anticiratory – упрещающий
11. bio-	* 2	Гр.	bio- + N = N	Жизненный	biocybernetics – биокibernетика
12. di-	* 2	Гр.	di- + N = N di- + Adj = Adj	Двойственность	dijadic – двойчатый; divales – двузначность

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
13. iso-	* 2	Гр.	iso- + N = N iso- + Adj = Adj	Равный	isoperimetric – изопериметрический; isomorphu – изоморфия
14. по-	* 2	Лат.	по- + N = N по- + Adj = Adj	Значение, противоположное тому, что обозначено основой	no-failure – безотказность; no-address – безадресный
15. ortho-	* 2	Гр.	ortho- + Adj = Adj	Правильный, прямой	orthogonal – ортонормированный
16. pseudo-	* 2	Гр.	pseudo- + N = N	Значение, противоположное тому, что выражено основой	pseudocode – псевдокод, аб- страктный код
17. quasi-	* 2	Лат. quam = «as» + si = «if»	quasi- + N = N quasi- + Adj = Adj	Что-либо похожее, сходное с тем, что обозначено основой (ложное тождество)	quasi-optimal – квазиоптимальный; quasi- linearization – квазилинеаризация
18. eigen-	* 3	Нем.	eigen- + N = N	Собственность	Eigenvalue – собственное значение; eigenvector – собственный вектор
19. many- (mani-)	* 3 * 1	Герм.	many- + Adj = Adj mani- + N = N mani- + Adj = Adj	Множественность	manifold – многообразие, многообразный; many-valued – многозначный; many-degrees – многоступенчатый
20. micro-	* 4	Гр.	micro- + N = N	Минимальность	microcircuit – микросхема, microinstruction – микрокоманда
21. semi-	* 4	Гр. som-, sam- = «half»	semi- + Adj = Adj semi- + N = N	Половинчатость, частичность	semiclosed – полужакрытый; semi-definiteness – полуопределенность
22. a-	* 5	Гр. a-	a- + N = N a- + Adj = Adj	Отрицание	asymptote – асимптота; asynchronous – асинхронный
23. con-	** 5	Лат. co -	con- + N = N con- + Adj = Adj	Общность, совместное выполнение, одновременность	contextual – контекстуальный, контекст

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
24. tele-	** 5	Гр.	tele- + N = N tele- + Adj = Adj	Расстояние	telegraph – телеграф; telemetering – передача данных
25. bi-	** 6	Лат.	bi- + Adj = Adj	Двойственность	biquinary – двоично-пятеричный; bistable – с двумя устойчивыми
26. super-	** 6	Лат. Comb Form of super = «above, beyond»	super- + N = N super- + Adj = Adj	Расположение выше чего-либо, превышение нормы	superconsistent – сильносовместимый; supervisor – супервизор
27. de-	** 7	Лат. dis-	de- + N = N de- + V = V	Лишать того, что обозначено основой; производить действие, обратное обозначенному основой	deenergize – успокаивать; снимать возбуждение; demodulator – демодулятор
28. over-	** 7	Д. А. ofer-	over- + Adj = Adj over- + N = N over- + V = V	Превышение чего-либо, переход за пределы чего-либо	overdamping – аperiodическое демпфирование, to overflow – переполнять; to overrun – переполнить через край
29. servo-	** 7	Лат.	servo- + N = N	Служить, служащий	servomotor – сервомотор; servoscontrol – следящее регулирование
30. dis-	** 8	Лат. dis-	dis- + N = N dis- + Adj = Adj	Значение, противоположное тому, которое выражено основой	disjunction – неразделительная дизъюнкция; discontinuous – разрывной, прерывистый
31. macro-	** 8	Гр.	macro- + N = N	Максимальность	macrocommand – макрокоманда; macrocoding – макропрограммирование
32. uni-	** 9	Лат.	uni- + Adj = Adj uni- + N = N uni- + Adv = Adv	Отрицание качеств, обозначенных основой, единственность	uniformly – равномерно; unidirectional – односторонний
33. sub-	** 10	Лат. Comb Form of sub = «under, below, beneath»	sub- + N = N sub- + Adj = Adj	Расположение ниже уровня чего-либо; более мелкое подразделение	subset – подмножество; subharmonic – субгармонический, почти гармонический

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6
34. auto-	** 11	Гр.	auto- + N = N	Самостоятельность	<i>autocorrelation</i> – автокорреляция
35. inter-	** 13	Лат. inter- = «between, mutually, reciprocally»	inter- + N = N inter- + N = Adj	Взаимодействие, взаимное влияние, выполнение взаимосвязанного действия	<i>interpolation</i> – интерполяция; <i>intersystem</i> – межсистемный
36. re-	** 13	Лат. Re-, red-	re- + N = N re- + Adj = Adj	Повторность совершения действия, возвращение в исходное состояние	<i>resolver</i> – решающее устройство; <i>relocatable</i> – перемещаемый; <i>regenerative</i> – регенеративный
37. un-	** 16	Д.А.	un- + Adj = Adj un- + N = N	Отрицание качества	<i>underdamping</i> – периодическое демпфирование; <i>unstable</i> – неустойчивый
38. multi-	** 18	Лат.	multi- + N = N multi- + Adj = Adj	Множественность	<i>multiaddress</i> – многоадресный; <i>multiprogramming</i> – мультипрограммирование
39. non-	** 19	Лат. non – «not»	non- + N = N non- + Adj = Adj	Значение, противоположное тому, что обозначено основой, отсутствие качества	<i>nondestructive</i> – неразрушающий; <i>non-linearity</i> – нелинейность; <i>non-random</i> – жесткий
40. self-	** 22	Герм.	self- + Adj = Adj self- + N = N	Самостоятельность	<i>self-oscillation</i> – собственной колебательное движение; <i>self-resetting</i> – самовосстанавливающийся
41. trans-	** 32	Лат. Comb Form of trans = «across, beyond, through»	trans- + N = N	Расположение по другую сторону того, что обозначено основой, изменение формы, положения	<i>transform</i> – преобразование
42. in- (il-, im-, ir-)	in ** 33 il * 1 im * 4 ir * 4	Лат. in-	in- + N = N in- + Adj = Adj il- + Adj = Adj im- + Adj = Adj ir- + N = N ir- + Adj = Adj	Значение включения. Значение отрицания, отсутствия качества, обозначенного основой	<i>indirect</i> – не прямой; <i>insolubility</i> – неразрешимость; <i>illegal</i> – запрещенный; <i>improper</i> – несобственный; <i>impulse</i> – импульс

Результаты исследования префиксального способа терминообразования в терминосистеме кибернетики в английском языке показывают, что:

– префиксы **латинского** происхождения имеют самую **высокую частотность** употребления в создании новых лексических единиц, а префиксы греческого, древнеанглийского и немецкого, напротив, малопродуктивны в терминосистеме данного подязыка;

– **наиболее используемая модель** образования новых терминов с префиксами латинского происхождения является модель «префикс + N = N»; греческого происхождения «префикс + N = N» и «префикс + Adj = Adj»;

– крайне редко имеют место новообразования глагольного и адverbиального типов; эта особенность присуща терминам с латинской и древнеанглийской этимологией;

– **наиболее продуктивные отрицательные** префиксы (в соответствии с их этимологией) это греческие и латинские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова М. В., Лейчик В. М. Роль концептуальной структуры в формировании отраслевой терминологии // Термины и их функционирование / под ред. проф. М. Б. Борисова. Горький: Изд-во «ГГУ», 1987. 101 с.
2. Брагина Е. В. Английский толковый словарь по кибернетике и прикладной математике. Москва: Изд-во «МГУ», 2000. 300 с.
3. Бортничук Е. Н., Василенко И. В., Пастушенко Л. П. Словообразование в современном английском языке. Харьков: Изд-во «Вища школа», 2000. 261 с.
4. Выставкин Я. П., Гусева Е. Г. Формальные языковые модели диалоговых взаимодействий // Кибернетическая лингвистика / под ред. В. В. Иванова и др. Москва: Изд-во «МГУ», 2001. 119 с.
5. Мартыанова Т. В. Функционирование терминологической системы статистической радиофизики в научной речи и ее отражение в толковом терминологическом словаре // Термины в научной и учебной литературе / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2001. 116 с.
6. Карашук П. М. Словообразование английского языка. Москва: Изд-во «Высшая школа», 1977. 380 с.
7. Русова Н. Ю. Участие цифровых, буквенных и графических элементов в терминообразовании // Термины и их функционирование / под ред. проф. М. Б. Борисова. Горький: Изд-во «ГГУ», 2001. 101 с.
8. Сухотин Б. В. Моделирование грамматических категорий средствами тензорной алгебры // Кибернетическая лингвистика / под ред. В. В. Иванова и др. Москва: Изд-во «Высшая школа», 2001. 119 с.
9. Уткина Ю. Е. Терминосистема отрасли «Очистка воды» в технической литературе и англо-русских терминологических словарях // Термины в научной и учебной литературе / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2004. 116 с.
10. Чернобай Л. И. О взаимодействии терминологического и литературного словообразования (на материале неологизмов французского языка) // Термины в языке и речи / под ред. проф. М. Б. Борисова и др. Горький: Изд-во «ГГУ», 2000. 122 с.

11. Swartz S. P. Formal semantics and natural kind of terms // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 38. P. 189-197.
12. Vickel G. Contrastive linguistics and foreign teaching // *Papers in contrastive linguistics*. 1983. Vol. 4. P. 1-16.

REFERENCES

1. Antonova, M. V., Leychik, V. M. (1987). Rol kontseptualnoy struktury v formirovaniy otraslevoy terminologii [Conceptual structure role in the formation of branch terminology]. In prof. M. B. Borisova (eds.) *Terminy i ikh funktsionirovanie*. Gorkiy: Izd-vo «GGU». (In Russ.).
2. Bragina, E. V. (2000). *Angliyskiy tolkovyy slovar po kibernetike i prikladnoy matematike* [English definition dictionary of cybernetics and applied mathematics]. Moskva: Izd-vo «MGU». (In Russ.).
3. Bortnichuk, E. N., Vasilenko, I. V., Pastushenko, L. P. (2000). *Slovoobrazovanie v sovremennom angliyskom yazyke* [Word-formation in the modern English language]. Kharkov: Izd-vo «Vyscha shkola». (In Russ.).
4. Vystavkin, Ya. P., Guseva, E. G. (2001). *Formalnye yazykovye modeli dialogovykh vzaimodeistviy* [Formal language patterns of dialogue cooperation]. In V. V. Ivanova (eds.) *Kiberneticheskaya lingvistika*. Moskva: Izd-vo «MGU». (In Russ.).
5. Martyanova, T. V. (2001). Funktsionirovanie terminologicheskoy sistemy statisticheskoy radiofiziki v nauchnoy rechi i yeye otrazhenie v tolkovom terminologicheskom slovare [Terminological system functioning of statistical radio physics in science speech and its reflection in terminological definition dictionary]. In M. B. Borisova (eds.) *Terminy v nauchnoy i uchebnoy literature*. Gorkiy: Izd-vo «GGU». (In Russ.).
6. Kapashchuk, P. M. (1977). *Slovoobrazovanie angliyskogo yazyka* [Word-formation of English language]. Moskva: Izd-vo «Vysshaya shkola». (In Russ.).
7. Rusova, N. Yu. (2001). Uchastie tsifrovyykh, bukvennykh i graficheskikh elementov v terminoobrazovanii [Digital, literal and graphical elements involvement in term-formation]. In prof. M. B. Borisova (eds.) *Terminy i ikh funktsionirovanie*. Gorkiy: Izd-vo «GGU». (In Russ.).
8. Sukhotin, B. V. (2001). Modelirovanie grammaticheskikh kategoriy sredstvami tenzornoy algebry [Grammatical categories' modeling by means of tensor algebra]. In V. V. Ivanova (eds.) *Kiberneticheskaya lingvistika*. Moskva: Izd-vo «Vysshaya shkola». (In Russ.).
9. Utkina, Yu. E. (2004). Terminosistema otrasli «Otchistka vody» v tekhnicheskoy literature i anglo-russkikh slovaryakh [Terminology of water purification in technical literature and English-Russian terminological dictionaries]. In M. B. Borisova (eds.) *Terminy v nauchnoy i uchebnoy literature*. Gorkiy: Izd-vo «GGU». (In Russ.).
10. Chernobay, L. I. (2000). O vzaimodeistvii terminologicheskogo i literaturnogo slovoobrazovaniya (na materiale neologizmov frantsuzskogo yazyka) [About cooperation of terminological and literary word-formation (based on French neologisms)]. In M. B. Borisova (eds.) *Terminy v yazyke i rechi*. Gorkiy: Izd-vo «GGU». (In Russ.).
11. Swartz, S. P. (1990). Formal semantics and natural kind of terms. In P. D. Adams (ed.) *Philosophical Studies*. Vol. 38. Pp. 189-197.
12. Vickel, G. (1983). Contrastive linguistics and foreign teaching. In G. Nickel (ed.) *Papers in contrastive linguistics*. Vol. 4. Pp. 1-16.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- N – существительное
Adj – прилагательное
Adv – наречие
V – глагол

Гр. – греческий язык
Лат. – латинский язык
Д А. – древнеанглийский язык
Герм. – германские языки
Нем. – немецкий язык
**** – высокопродуктивный
*** –продуктивный
** – малопродуктивный
* – непродуктивный

Брагина Эльмира Раясовна – кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедры английского языка для экономических специальностей
(e-mail: elmirabragina1973@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Bragina Elmira R. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of English Language for Economic Specialities,
(e-mail: elmirabragina1973@mail.ru),
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 10 июня 2016 г.

LINGUISTIC WORLD-IMAGE IN NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH VIEWED DIACHRONICALLY AND CONTRASTED TO THE CARIBBEAN ENGLISH MESOLECT

The article shows the development of names of meals in British, American, Canadian, Australian, New Zealand English and Caribbean English mesolect. In British English there are two living meal-naming paradigms with a clearly-cut sociolinguistic difference between them. For naming meals different national Englishes use secondary nomination ways such as synecdoche.

Key words: *meals, primary national variety, development, paradigm, common core, borrowing, metonymy.*

© 2016 А. В. Дроздов

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С МЕЗОЛЕКТОМ КАРИБСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

*В статье показано развитие наименований приемов пищи в британском, американском, канадском, австралийском, новозеландском вариантах английского языка и в мезолекте карибского варианта английского языка. Новые наименования приемов пищи в различных вариантах английского языка образуются в соответствии с синекдохой. На основании синекдохи образовано понятие *tea* 'завтрак' в мезолекте КвА, *tea* 'ужин' – в НЗА.*

Ключевые слова: *первичный национальный вариант, парадигма, развитие, приемы пищи, общее ядро, заимствование, метонимия.*

The modern stage of linguistic development witnesses the growth of interest to such problems as diglossia, pidgins and creoles. Our time is stamped by “the expansion of a purely empirical basis of linguistics, involvement into the sphere of linguistics of data about rare and even exotic languages” [Kubryakova, 1995: 208-209]. The specifics of new varieties of English, creoles included, is considered in different research papers, viz.: [Ivankova, 2006: 124-135; Deuber, 2014; Hickey, 2013; Mufwene, 2015; Meierkord, 2012; Arends, 2015; Bickerton, 2015]. In addition to the five main national varieties of English, this work considers a mesolect – one of the Caribbean English creoles. “Mesolect is a stylistically neutral discourse of middle class” [Bickerton, 2015: 67].

This article investigates a group of nouns denoting names of meals in different primary varieties of English (British, American, Canadian, Australian, New Zealand English) and in Caribbean English mesolect. **The first publication to undertake** the consideration of the problem

in question is “The history of French” by L. Skrelina [Skrelina, 2001: 17-18]. In this book French linguist A. Dauzat explained French names of meals: *dejeuner*, *dinner*, *souper* [Dauzat, 1956: 220]. Influenced by this book we formulated the *hypothesis* that under the influence of the 19th century French in the 19-th century British English (BE) the second paradigm of naming meals came into being. *The unsolved problems* to which the article is dedicated are as follows: The problem of changes and modifications in noun paradigms denoting meals in five primary (national) varieties of English and in Caribbean creoles has not been investigated. The role of secondary nomination in the formation of lexemes denoting names of meals in different varieties of English has not been described either. The investigation *has a new value* due to the fact that it considers the problem of changing the language sign in point of spatial (territorial varieties of English) and temporal (diachronic approach to phenomena under consideration) variation of English. The present investigation is *up-to-date* due to the increasing interest to the problems of territorial and temporal variation of English, insufficient study of the diachronic aspects of territorial variation. *The aim* of the investigation is by basing on the examples of the names of meals to demonstrate the way English changes on the new territories of its expansion, discover conditions promoting the appearance of a new plane of content (PC), plane of expression (PE) being unchangeable in different varieties of English, show the way lexical innovations appear. The given aim presupposes the solution of *the following tasks*:

1. Discover changes which took place in the meaning of nouns denoting names of meals in different varieties of English and determine the sociolinguistic reasons for these changes.
2. Discover socio-linguistic reasons for the appearance of new words in the group of nouns denoting names of meals in British (BE) and Caribbean English (CE).
3. Reveal the secondary nomination ways of forming names of meals in English.

According to SOED dictionary in the 13-th c. words *dinner* (1297) [SOED, 1964: 512] and *supper* (1275) [SOED, 1964: 2085] were borrowed into English from French. First we shall consider the paradigm of French meals. In France the first meal (*breakfast*) before dawn was denoted by *diner* (Lat. **disjunare* ‘to break the nocturnal fast’). In the Frank period the second meal was called *souper*. In the 12-13-th c. in France *diner* (*breakfast*) and *souper* (*dinner*) were shifted for a later time and this change in the meaning of these words is reflected in the old French proverb: *Lever a six, diner a neuf, souper a six, coucher a neuf, font vivre d’ans nonante neuf*. From this proverb we find out that Fr. *diner* (*breakfast*) was at 9 a.m., and *souper* (*dinner*, *lunch*) was at 6 p.m.

Later under Napoleon at military schools and barracks they took meals at 10 a.m. (*desjeuner* 'the first meal, breakfast') and 5 p.m. (*diner* 'the second meal, lunch'). In the 19-th c. meal taking in France is affected by the disorderly way of life of the French aristocracy and fashionable classes. *Souper* (*supper* 'ужин после театра') depends on theatres and balls, so it gets shifted up to a later time. Correspondingly *dejeuner* (= BE *breakfast*) and *diner* (BE *dinner*) are also shifted for a later time. A gap is formed for the first meal (BE *breakfast*) and it is called *petit déjeuner* (= *breakfast*). In this way the paradigm *dejeuner – diner – souper* is superceded by *petit déjeuner – déjeuner – diner* [Skreolina, 2001:18]. In French the second paradigm is the only one living today. Unlike in French, in British English today both paradigms, between which there is sociolinguistic difference, are alive:

1. *breakfast* (1463) – *dinner* (1297) – *supper* (1275);
2. *breakfast – lunch* (1829) – *dinner*.

The problem to be investigated is whether the word *breakfast* was calqued in English from French. The old English for *breakfast* is *morganmete*, e.g.: a 1000 Sal. & Sat. lix, *On xii monðum ða scealt sillan ðinum þeowan men vii hund hlafa, and xx hlafa, buton morgenmetum, and nonmetum* [COED, 1993: 1177/496].

According to COED dictionary an archaism *disjune* [dɪs'dʒu:n] in the meaning *breakfast* was used chiefly in Scottish English and had many spelling variants: Forms: 5–7 *disione*, 6 *desiune*, *disjoin*, *-joyn*, *dischone*, 7 *disjoon*, 6–9 *disjune*, 9 *disjeune*.

Etymologically it comes from French: [a. OF. *desjun*, *-jeün* (mod. F. dial. *déjun*), f. *desjuner*, *-jeüner* (mod. F. *déjeüner*) to break fast, breakfast, f. *des-*, *dé-* (de- I. 6) + *jeün*: – L. *jējūmus* fasting]. The first meal of the day; *breakfast*, e.g.:

1491. St. Giles Charters (1859) p. xx, *And than to pas to their disione*. c 1565 Lindesay (Pitscottie) Chron. Scot. (1728) 140 *That he might go to his bed the sooner, and have his disjoin ready by four hours*. 1603. Philotus xx, *And bid your page in haist prepair, For your disjone sum daintie fair*. 1706. in Watson Collect. I. 54 *I trow ye cry for your disjoon*. 1827. Tennant Papistry Storm'd 51 *Tak' your disjeunes afore you gang!* [COED, 1993: 448/787].

According to C. T. Onions *breakfast* originated in the xv century, from the xiv c. phrase *break one's fast* [SOED, 1964:115].

So we can put forward a hypothesis that the word *breakfast* was calqued from the XV c. French loan *disjeune* borrowed into Scottish English because morpheme by morpheme translation of the borrowing *dis-jeune* gives 'de-fast, break-fast'.

Thus, on the one hand, in the history of French there were two paradigms of naming meals but only one is alive today.

On the other hand, the 19-th c. English aristocracy imitated the way of life of the French fashionable society. It is but natural that English has also got two paradigms for naming meals but unlike in French both of them are alive in English and are characterized by sociolinguistic differences. One is used for the impoverished people: *breakfast – dinner – supper* and the other paradigm is used for the rich and fashionable classes: *breakfast – lunch – dinner*.

Nowadays in Britain, the main meal of the day is *dinner* and it is usually eaten in the evening. Some people call this meal *supper*, but to others *supper* is a very small meal that is eaten just before they go to bed. Some people call this main evening meal *tea*, but to others *tea* is a small meal that is eaten in the afternoon. Some people use *dinner* to refer to the meal they eat in the middle of the day, but if you want to be clear that you are referring to this meal, use *lunch* [LDCE, 2003: 437].

American English uses lexical units *breakfast, lunch, dinner, supper, tea* to name meals. We shall supply citations for some of them from American dictionaries. Thus, *Lunch* – U.S. A light repast taken at any time in the twenty four hours [SOED, 1964: 1177].

1993. *dinner* – the principal meal of the day eaten about midday or in the evening [WTNID, 1993: 635]. The word *dinner* makes different combinations with right hand adjuncts, e.g.: *dinner alarm, dinner bell, dinner bucket/pail, dinner call, dinner card, dinner horn, hummingbird's dinner horn, dinner pot, dinner ring, dinner speech, dinner station* [Matthews, 1956: 488].

On the other hand, according to COED *Tea* (U.S.) = *supper* e.g.: 1818. H. B. Fearson Sk. Amer 44 *A mechanic...has three meals a day: coffee with fish or meat for breakfast, a hot dinner; and tea (called supper) in the evening*. 1859. Gosse Lett. Alabama 68 *The meal which we are accustomed to call 'tea' is by Americans universally I believe, called 'supper' and it is the final meal, there being but three in a day*. 1864. C. Geiki Life in Woods viii (1874) 153 *I chatted... till tea, or as they called it supper* [COED, 1993: 1967/147].

According to WNWDAE, *Supper* is a late, usually light, evening meal, as one eaten after attending a theatre [WNWDAE, 1986: 1345]. It is expedient to compare this American meaning of the word *supper* with the meaning of the French word *souper*. *Souper* – repas qu'on fait dans la nuit a la sortie d'un spectacle, au cours d'une soiree [NPL, 1970: 961]. '*Supper*' – a meal taken at night after attending a theatre'.

According to COED, *Supper* – formerly the last of the three meals of the day (*breakfast, dinner* and *supper*); Now applied to the last substantial meal of the day when *dinner* is taken in the middle of the day, or to a late meal following an early evening dinner (*breakfast, lunch,*

dinner, supper). *Supper* is usually a less formal meal than late *dinner* [COED, 1993: 1967/147]. In AE the word *supper* makes the following word combinations – *basket / Dutch / church supper* [Matthews, 1956: 84].

From the above we can formulate the following conclusion:

1. In AE they use three meal-naming paradigms: 1. *breakfast – lunch – dinner* (*supper* being an evening meal eaten after attending a theatre). 2. *Breakfast – dinner – tea*; (*supper* being an evening meal eaten after attending a theatre). 3. *Breakfast – dinner – supper*.

2. In AE from XIX up to XXI c. the lexeme *supper* has been used in a specific meaning – 1.b. a late, usually light, evening meal, as one eaten after attending a theatre [WNWDAE, 1986: 1345]. This meaning came to AE from the XIX c. French.

3. A feature of AE is that the word *lunch* besides the meaning ‘second meal in the middle of the day’ can also denote ‘a meal taken at any time of the day’.

At the end of XIX c. in Canadian English there were three meals, viz. *breakfast – dinner – supper* e.g.:

Pemmican 1886. Scudder Winnipeg country 87: *But pemmican for breakfast, pemmican for dinner, pemmican for supper is beginning to pall* [Avis, 1991: 555].

Now we shall consider illustrations for each meal name in CnE.

1957. *Wolfishly, with small grunts of contentment, they breakfasted on the flaky, smoking-hot bass, with big chunks of bread and mugs of coffee* [Carter, 1957: 132].

It is worth mentioning that the CnE word-combination *lumberjack’s breakfast* denotes a remarkably big *breakfast* [Avis, 1991: 451].

1965. Victoria Daily Times 20 July 13/2: *Monday was Canada Day at the village and so after the Maple Leaf was hoisted and a “lumberjack’s” breakfast dispatched, they went outside* [Avis, 1991: 451].

The second meal at midday is called *lunch* in CnE. This can be illustrated by the following examples: 1957. *Dan had planned to take his young friend to C. Maneff’s for lunch* 1957. *I want to see him. But not today. I don’t feel like a big lunch* [Carter, 1957: 87].

Dinner is the meal eaten in the evening, e.g.: 1963. *Papa came home. They had dinner. All through the meal Jones sat planning to leave at eight thirty* [Leacock, 1963: 28].

The meal taken late in the evening is called *supper*. This stems from the following examples: 1848. Lanman Adventures 143: *The supper was laid on the table at ten o’clock and consisted principally of dried beaver-tail and caribou meat, fried and boiled salmon, rye bread, maple molasses and tea* [Avis, 1991: 463].

1957. *Supper for her boarders was cooking on the big stove* [Carter, 1957: 103].

1956. *At supper one of the cowboys said, "There was a great row among the cattle in the north canon this morning* [Seton-Thompson, 1956: 29].

To conclude, CnE meal-naming paradigm makes up a common core with the BE one.

In Australian English (AuE) there is the following paradigm of taking meals: *breakfast – dinner – tea*. Here is a citation from Ramson's AND. 1977. *Our midday meal was called dinner and the more substantial evening one was known as "tea". It still is in many parts of Australia* [Ramson, 1997: 205].

In AuE in connection with *tea* being an evening meal and name of a drink, transference of meaning from a part (*tea* as a drink or part of the whole) on the whole (*tea* as an evening meal, i.e. the whole) is available. This is a typical case of synecdoche. With the help of diagnostic formula suggested by Starichenok V., we shall determine the linguistic status of the above secondary nomination trope. If this be synecdoche, the relation of the whole (C) and its part (P) can be demonstrated with the help of the following formula: $P + (C - P) \text{ is } C$ [Стариченок, 2008: 544].

With this purpose in mind having substituted the symbols of the above formula for the above lexical meanings, we shall obtain what follows: 'tea' drink + ('tea' evening meal) – 'tea' drink) = 'tea' evening meal.

All the operations in accordance with the above formula having been performed, we shall obtain the equation: 'tea' evening meal = 'tea' evening meal. So the equation has been retained and in the above case we deal with synecdoche.

Ramson's AND explains the midday meal in the following way: *dinner* – a meal eaten at midday, but not the principal meal of the day; *lunch* [Ramson, 1997: 205].

On the other hand AuE also uses the word *lunch* to designate a meal in the middle of the day, e.g.: *lunch* – the meal eaten in the middle of the day [Moore, 1999: 800].

Supper – 1) a light evening snack or meal 2) a light evening meal taken as part of or following a social event [Moore, 1999: 1348].

So, in AuE there are two paradigms of noun sets denoting meal taking:

1) *breakfast – dinner – tea*; 2) *breakfast – lunch – dinner* (– *supper* – after any social event). The first AuE paradigm coincides with AE meal taking paradigm. The second AuE meal taking paradigm coincides with that of modern BE.

In accordance with H. W. Orsman dictionary New Zealand English [NZE] paradigm of taking meals is as follows: the first meal includes *early cup, early morning (cup of) tea* – a cup of tea given to a guest on waking which is a former New Zealand rural and hotel tradition

[Orsman, 1999: 238]. Some of the examples cited show the time of this meal, viz.: 1875. *The early cup came as I expected was at half past six. Breakfast is followed by morning tea – a mid-morning break for tea, coffee* [Orsman, 1999: 238].

From the examples cited by Orsman we shall select distinctive features characterizing this meal, e.g.: 1953 ... *An entertainment common throughout NZ ... They call it morning tea and serve it about 10* [Orsman, 1999: 823].

From yet another example it follows that *morning tea* is not only a beverage, but it can be eaten, e.g.: 1987. *I'd better put on some tights... and buy some morning tea (which we'll eat, not drink) and pay for it* [Orsman, 1999: 823].

The next NZE meal name to be studied is *dinner*. The Orsman DNZE gives the following definition: *dinner*. a) The midday meal whether the main meal of the day (as often in rural New Zealand) or not (as is usual in towns); b) As elsewhere and esp. in urban use, a main meal taken at evening [Orsman, 1999: 210].

The third (evening) meal in NZE is called *tea*.

Tea – Formerly most frequent in rural use, the main evening meal, always substantial, often cooked [Orsman, 1999: 823], e.g.: 1990. *In the end they stayed the night, after an enormous seven o'clock tea of roast lamb, fresh garden vegetables, and Hokey-pokey ice-cream* [Orsman, 1999: 823].

In NZE the evening meal can also be called *supper*. But it is obsolescent in NZE use [Orsman, 1999: 823], e.g.: 1856. *The supper consisted of roast meat, boiled mutton, steak and kaka pies, foweles, tongues, Scotch whiskey in abundance* [Orsman, 1999: 823].

In this way in NZE the evening meal can be called *tea*, *supper* (obsolete), *dinner* (typical for urban use). But the word *tea* is most commonly used, e.g.: 1987. *My girlfriend almost did get presented with a plate (empty) when she asked me to meet some folks at her place for dinner – whoops, sorry, tea* [Orsman, 1999: 210].

To sum it up, the word *dinner* denotes the midday meal whether the main meal of the day (as often in rural New Zealand) or not (as is usual in towns) [Orsman, 1999: 210], while the word *supper* – is obsolescent.

Of great importance is the citation for NZE word *dinner* referring to 1927, which enumerates all the meals taken during the day in rural NZ.

1927. *Before milking they made a hearty meal of cups of tea and bread and butter and cake. After milking they made a hearty meal of breakfast, porridge with cream then ham and eggs, about half past 10 in the forenoon, a jug of hot tea and a basket of scones was always taken cut into the paddock as a refresher. And at mid-day they had a 3-course dinner. Then at 4*

in the afternoon, afternoon tea was served. At 6 the family sat down to tea. Then supper at 9 o'clock and they were ready for bed [Orsman, 1999: 210].

From the above example it follows that in rural New Zealand the following meals are taken: 1) *cup of tea* – before breakfast (they eat bread, butter, cakes); 2) *breakfast* – *the first meal* (porridge with cream, ham and eggs); 3) 10.30 – *morning cup of tea* (jug of hot tea and scones); 4) (*3 course*) *dinner* – at midday; (the midday meal whether the main meal of the day (as often in rural New Zealand) or not (as is usual in towns); 5) 16.00 – *afternoon tea*; 6) 18.00 – *tea*; (Formerly most frequent in rural use, the main evening meal, always substantial, often cooked); 7) *supper* – 21.00 – ‘a light evening meal’ (obs.)

Caribbean English (CE) paradigm used for naming meals includes the following items: *tea – breakfast – dinner*.

From plantation practice of taking a hot drink before sunrise to start the day's work, the first solid meal being delayed until the first break, often among older people, esp. in the rural Caribbean *tea* is the first meal of the day; *breakfast* e.g.: *Me drink me tea when me cum back from de mountin an den cum school* – (StKt) [Allsopp, 1996: 550].

Besides, in CE any hot drink or beverage was called *tea*, e.g.: *Speaking of 'roses'; it is true of most of the Bahamas, and not only Bain Town, that any flower was a 'rose' and any hot drink was 'tea'* [Allsopp, 1996: 550].

This accounts for naming different kinds of tea in CE, viz.: *bush-tea, chocolate-tea, cocoa-tea, coffee-tea, green-tea* [Allsopp, 1996: 550].

It is worth while mentioning that *chocolate-tea* (ECar) [IF] // *creole cocoa* [Trin] // *cocoa-tea* [CarA] // *country chocolate* [Jmca] is a hot *breakfast* made by boiling a chocolate stick or the powder from ground cocoa beans, and adding milk and sugar [Allsopp, 1996: 153].

One should remember that in the Caribbean in slavery times tea leaves used nowadays to infuse *tea*, were a luxury, not enjoyed by the slaves of the area. Instead early in the morning before starting work on the plantation the slaves took a cup of hot water which they called *tea*.

So, CE *tea*, being the first meal of the day, corresponds to BE *breakfast*.

In CE the meal in the middle of the day is called *breakfast*. This name is obsolescent, but still often used among rural or older folks; *lunch* e.g.: *They had been sitting together ever since the meal which they took at midday and which was called breakfast* [Allsopp, 1996: 115].

The name of this meal is from the habit of starting plantation work very early, before sun-up, with a large drink of tea as a boost, and going steadily until the heat of the day forced a stop for the first meal, or *breakfast*, which in the circumstances had to be a very large meal.

In CE mesolect – one of the CE creoles, *ball* (Guyn) [AF] is a meal, esp. the midday meal, e.g.: *Eleven o'clock now, when time for me go home for me ball, you know, he cum to dun mew at me workplace* [Allsopp, 1996: 74].

In CE mesolect a person's main meal or means of sustenance is called *ball of cou-cou* [Allsopp, 1996: 74], e.g.: *Mr. Chairman, the hon member for St Michal West would advocate that we do away with the ball of cou-cou that we get in here on Tuesdays* [Allsopp, 1996: 74].

It cannot be too highly emphasized that *ball* and *ball of cou-cou* besides names of meals denote names of dishes. Cf. Phrase *ball of cou-cou* (Bdos) – a meal of *cou-cou* made ready to serve in the shape of a ball. *Ball* (CarA) – a sweet somewhat bigger than a drop, made of the boiled-down or stewed pulp of some fruit, rounded by hand and rolled in sugar, hence, *limeball*, *pawpaw ball*, *tamarind ball* [Allsopp, 1996: 74].

From the above CE mesolect examples it follows that the names of dishes or dainties and the names of meals are semantically related due to synecdoche, the semantic relation being “a part for the whole”.

Dinner in CE in former times and still in some rural areas is the third and usually the largest meal of the day [Allsopp, 1996: 192].

Conclusion

1. In British English there are two living meal-naming paradigms: 1) *breakfast – dinner – supper*; 2) *breakfast – lunch – dinner*. There is a clearly-cut sociolinguistic difference between them. The first one is obsolescent and it enjoys popularity with the impoverished strata of society and the latter is for fashionable aristocratic circles.

2. For naming meals English uses secondary nomination ways. In BE the word *lunch* is formed on the basis of metonymy (etymologically speaking: *lunch* < *lump* of bread, meat). *Tea* is the New Zealand English for ‘the evening meal’. *Tea* is the Caribbean English for the first meal of the day, that is BE and CE acrolectal *breakfast*. This is a case of synecdoche when a part is used instead of the whole.

3. The hypothesis that under the influence of the 19th century French the second paradigm of naming meals (*breakfast – lunch – dinner*) came into being in the 19-th century British English has found its confirmation in the article.

4. In American English they use three meal-naming paradigms: 1) *breakfast – lunch – dinner* (*supper* being an evening meal eaten after attending a theatre); 2) *breakfast – dinner – tea*; (*supper* being an evening meal eaten after attending a theatre); 3) *breakfast – dinner – supper*.

In AE from XIX up to XXI c. the lexeme *supper* has been used in a specific meaning – a late, usually light, evening meal, as one eaten after attending a theatre. This meaning came to AE

from the XIX c. French. A feature of AE is that the word *lunch* besides the meaning 'second meal in the middle of the day' can also denote 'a meal taken at any time of the day'.

5. In the Canadian English of the XX–XXI c. just like in BE there are two meal naming paradigms: 1) *breakfast – dinner – supper*; 2) *breakfast – lunch – dinner*. In this way, CnE meal-naming paradigm makes up a common core with the BE one and has no special features.

6. The Caribbean English paradigm of nouns denoting meals is as follows: a) CE acrolect paradigm is *breakfast – lunch – dinner*; b) An obsolescent acrolect paradigm of meals for older generation in the rural area is *tea – breakfast – dinner*. This paradigm reflects the social conditions of the working day structure in the slave-trade period in the West-Indies as well as peculiarities of meal times adjusted to such a working day; c) CE mesolect paradigm is *tea – ball – ball of cou-cou*.

REFERENCES

1. Доза А. История французского языка / пер. с фр. Е. Н. Шор; под ред. М. С. Гурычевой. М.: ИИЛ, 1956. 471 с.
2. Иванкова Т. А. Китаизированный английский язык как новый китайский пиджинизированный английский язык // Культурно-языковые контакты. Владивосток, 2006. Вып. 9. С. 124-135.
3. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Рос гос гуманит ун-т 1995. 432 с.
4. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М.: Гнозис, 2006. 304 с.
5. Скрелина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М.: Высшая школа, 2001. 463 с.
6. Arends J. Genesis and development of the equative copula in Sranan // Substrata versus Universals in Creole genesis. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1986. P. 103-129.
7. Bickerton D. Creoles and West African languages: a case of mistaken identity? // Substrata versus Universals in Creole genesis. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 1986. P. 25-41.
8. Deuber D. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. New York: Cambridge University Press, 2014. 239 p.
9. Hickey R. Standards of English: Codified varieties around the world. New York: Cambridge University Press, 2013. 193 p.
10. Jenkins J. World Englishes: A Resource Book for Students (Routledge English Language Introductions). London; New York, 2009. 272 p.
11. Meierkord Ch. Interaction across Englishes: Linguistic choices in local and International contact situations. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 264 p.
12. Mufwene S. The Universalist and substrate hypotheses complement one another // Substrata versus Universals in Creole genesis. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2015 P. 129-162.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 2008. 811 с.
2. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. OUP, 1996. 697 p.
3. Avis W. S. A dictionary of canadianisms on historical principles. Toronto, Ontario, 1991. 927 p.
4. Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. N.Y.: Published in the USA by Oxford University Press Inc., 1993. 2572 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 2003. 1949 p.
6. Matthews M. A. Dictionary of Americanisms on historical principles. Chicago, 1956. 1946 p.
7. Moore B. The Australian Oxford Dictionary. Oxford University Press, 1999. 1597 p.
8. Nouveau Petit Larousse. Dictionnaire encyclopedique pour tous. Librairie Larousse, Paris, 1970. 1793 p.
9. Orsman H. W. The Dictionary of New Zealand English. A Dictionary of New Zealandisms on historical principles. OUP. Auckland, 1999. 965 p.
10. Ramson W. S. The Australian National dictionary. A dictionary of Australianisms on historical principles. Melbourne, 1997. 814 p.
11. Shorter Oxford English dictionary on historical principles / C. T. Onions (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1964. 2515 p.
12. Webster's New World Dictionary of American English / Eds. V. Neufeldt, D. B. Guralnik. New York, 1986. 1574 p.
13. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged / Editor-in-chief Philip B. Gove PhD and the Merriam-Webster Editorial Staff. Cologne, 1993. 2662 p.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Carter D. Fatherless sons. M.: Foreign Languages Publishing House, 1957. 606 p.
2. Leacock S. Perfect Lover's Guide and other stories. Moscow, 1963. 343 p.
3. Seton-Thompson E. Lobo, the king of Currumpaw and other stories. M.: Foreign Languages Publishing House, 1956. 391 p.

REFERENCES

1. Dautat, A. (1956). *Istoriya francuzskogo yazyka* [History of the French Language]. M.: Izdatelstvo inostrannoy literatury. (In Russ.).
2. Ivankova T. A. (2006). Kitaizirovannyy angliyskiy yazyk kak novyy kitayskiy pidzhinizirovannyy angliyskiy yazyk [Sinified English as New Chinese pidgin English]. In *Kulturno-yazykovye kontakty*. Vladivostok. Vol. 9. Pp.124-135. (In Russ.).
3. Kubryakova, E. S. (1995). Evolutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of XX-th century (An experience of paradigmal analysis)]. In Yu. S. Stepanov (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. M.: Ros. gos. humanit. un-t. Pp. 144-238 (in Russ.).
4. Rylov, Yu. A. (2006). *Aspekty yazykovoy kartiny mira: italyanskiy i russkiy yazyki* [Aspects of linguistic world image: Italian and Russian]. M.: Gnozis. (In Russ.).
5. Skrelina, L. M., Stanovaya, L. A. (2001). *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French Language]. M.: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Arends, J. (1986). Genesis and development of the equative copula in Sranan. In P. Muysken & N. Smith *Substrata versus Universals in Creole genesis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. Pp. 103-129.

7. Bickerton, D. (1986). Creoles and West African languages: a case of mistaken identity? In P. Muysken & N. Smith *Substrata versus Universals in Creole genesis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. Pp. 25-41.
8. Deuber, D. (2014). *English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad*. New York: Cambridge University Press.
9. Hickey, R. (2013). *Standards of English: Codified varieties around the world*. New York: Cambridge University Press.
10. Jenkins, J. (2009). *World Englishes: A Resource Book for Students (Routledge English Language Introductions)*. London; New York.
11. Meierkord, Ch. (2012). *Interaction across Englishes: Linguistic choices in local and International contact situations*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Mufwene, S. (2015). The Universalist and substrate hypotheses complement one another. In P. Muysken & N. Smith *Substrata versus Universals in Creole genesis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co. Pp.129-162.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Starichenko, V. D. (2008). *Bolshoy lingvisticheskiy slovar* [Big linguistic Dictionary]. Rostov na Donu: Feniks.
2. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. OUP.
3. Avis, W. S. (1991). *A dictionary of canadianisms on historical principles*. Toronto, Ontario, 1991. 927 p.
4. *Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically*. N.Y.: Published in the USA by Oxford University Press Inc., 1993.
5. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Longman, 2003.
6. Matthews, M. A. (1956). *Dictionary of Americanisms on historical principles*. Chicago.
7. Moore, B. (1999). *The Australian Oxford Dictionary*. Oxford University Press.
8. *Nouveau Petit Larousse*. Dictionnaire encyclopedique pour tous. Librairie Larousse, Paris, 1970.
9. Orsman, H. W. (1999). *The Dictionary of New Zealand English. A Dictionary of New Zealandisms on historical principles*. OUP. Auckland.
10. Ramson, W. S. (1997). *The Australian National dictionary*. A dictionary of Australianisms on historical principles. Melbourne.
11. *Shorter Oxford English dictionary on historical principles* / C. T. Onions (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1964.
12. *Webster's New World Dictionary of American English* / Eds. V. Neufeldt, D. B. Guralnik. New York, 1986.
13. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged* / Editor-in-chief Philip B. Gove PhD and the Merriam-Webster Editorial Staff. Cologne, 1993.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Carter, D. (1957). *Fatherless sons*. M.: Foreign Languages Publishing House.
2. Leacock, S. (1963). *Perfect Lover's Guide and other stories*. Moscow.
3. Seton-Thompson, E. (1956). *Lobo, the king of Currumpaw and other stories*. M.: Foreign Languages Publishing House.

ABBREVIATIONS

AE – American English; AF – Antiformal; AuE – Australian English; Bdos – Barbados; BE – British English; CarA – Caribbean Area / Region; CE – Caribbean English; CnE – Canadian English; COED – Compact Oxford English Dictionary; Guyn – Guyana; IF – Informal;

L – Latin; LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English; NZE – New Zealand English; NPL – Nouveau Petit Larousse; OF – Old French; SOED – Shorter Oxford English dictionary on historical principles; TRIN – Trinidad; WNWDAE – Webster’s New World Dictionary of American English; WTNID – WEBSTER’S Third New International Dictionary of the English Language Unabridged.

*Дроздов Алексей Владимирович –
преподаватель кафедры языковой подготовки
(e-mail: drozdov.av1988@gmail.com),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия»
83049, Донецк, Лебединская, 9*

*Drozdov Alexey Vladimirovich –
Lecturer of Language Training Department
(e-mail: drozdov.av1988@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donbass Law Academy»
9 Lebedinskaya Str., Donetsk, 83049*

Поступила в редакцию 16 июня 2016 г

**ON RESEARCH METHODOLOGY OF THE LINGUISTIC FIELD
(ON THE MATERIAL OF A COMMUNICATIVE-PRAGMATIC
MACROFIELD OF MODERATION IN CONTEMPORARY
ENGLISH DISCOURSE)**

The focus of the article is on the content and the expression planes of the communicative-pragmatic macrofield of Moderation (CPMFM) viewed as a form of organization of the respective communicative-pragmatic category. Methodologically the research integrates functional and synergistic approaches to language and communication. The article also explores the possibilities of applying the concepts of the invariant / variant to communicative categories, of which moderation is one, as well as to dynamic adaptable self-organizing functional communicative systems, characterized by active interaction of the components both within the system and between the system and its environment.

Key words: *moderation, communicative-pragmatic (macro / micro) field, nucleus, periphery, communicative-pragmatic category, invariant, variant.*

© 2016 С. Н. Кишко

**К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАКРОПОЛЯ
МОДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ)**

В статье рассматриваются особенности плана содержания и плана выражения функционально-прагматического макрополя модерации (ФПМПМ). Концепция ФПМПМ как формы организации соответствующей коммуникативно-прагматической категории основывается на интеграции принципов функциональной и синергетической исследовательских парадигм. Дальнейшее развитие получают положения о инвариантности / вариантности в отношении коммуникативных явлений, к которым принадлежит модерация, а также о языковой системе как открытой изменчивой функционально-адаптивной системе, которая самоорганизуется в результате активных внутренних и межсистемных связей.

Ключевые слова: *модерация, функционально-прагматическое макрополе модерации, ядро, периферия, коммуникативно-прагматическая категория, инвариант, вариант.*

Methodology is known to shape the researcher's vision of his/her research object, the correlation between the subject and the object of research, as well as the general strategy of their analysis. Contemporary linguistics is characterized by a complex interdisciplinary approach to the object of study enveloping both theoretical and practical findings from other related fields. Though some linguists believe that an interdisciplinary approach can lead to an undesirable blurring of boundaries between different methodological criteria [Yavorska, 2006: 47], we consider that researchers only benefit from an opportunity to "filter" their basic concepts from different angles,

broaden the scope of their research techniques and exploratory potential, which would eventually contribute to a deeper understanding of the object of scrutiny [Tarasova, 2000: 3].

The **object** of the present article is a communicative-pragmatic macrofield of moderation (CPMFM) viewed as a form of organization of the respective communicative-pragmatic category, the latter being realized by English speakers in the so-called moderated utterances; its **subject** is the analysis of the peculiarities of the content and expression planes of the said macrofield.

Considering the fact that contemporary research into communication is methodologically diverse, it would be challenging to lay some methodological foundations for integrating different methods. Nowadays, most linguists are convinced that communicative activity has systemic organization [Leontev, 1974; Sidorov, 1987; Tarasova, 2000a]. In contemporary methodology different modifications of the general systems theory are used for explaining regularities in communication, among them: the theory of adaptive functional systems [Arnold, 1991], the fuzzy sets theory [Zadeh, 1965], the linguistic field theory [Bondarko, 2002], the frames theory [Langacker, 1987], the synergetics theory [Haken, 1980], etc. Each approach explicates, in one way or another, the nature of interaction, existing between the system and its surrounding environment. Introduction of the principles of synergetics into linguistics and communication studies resulted in regarding many communicative phenomena as functionally dynamic adaptive systems capable of self-organization due to inherent interaction of the components both within the system and beyond.

In our research the CPMFM is seen as a form of the organization of the communicative-pragmatic category of moderation, identified on the basis of integrating the functional and the synergetics paradigms. The research also examines the concept of invariant / variant in its application to speech communication phenomena [Shchur, 1974; Khrakovskiy, 1985; Verdieva, 1986; Bondarko, 2002].

Taking into consideration the fact that functional grammar intersects with other methodological approaches, including language pragmatics, we find extrapolating the notion of invariant / variant into language pragmatics to be methodologically justifiable. However, in relation to communicative phenomena, such as moderation, the invariant / variant correlation should be regarded not only as “the general vs. the particular” [Jakobson, 1985], but as a relationship of a much deeper essence. Consequently, the invariant can be defined as a characteristic which remains constant, no matter what changes may occur due to the system’s interaction with its environment [Bondarko, 2002]. In this sense, the invariant meaning underlying the communicative-pragmatic category of moderation may be formulated as the speaker’s intention to moderate the extremity of his/her evaluations, opinions, statements, etc.,

namely, “moderation is avoidance of extremes” [World Book Dictionary, 1994: 1451]. For example, in the utterance *He was a little crazy, but good-natured* (Patterson, p.59) the speaker tries to protect the third person’s positive face by moderating the negative implications of his utterance with the help of the moderator *a little*, which neutralizes the negative evaluative force of the adjective *crazy*, while the discourse moderator *but good-natured* counterbalances the negative (*crazy*) by a positive (*good-natured*) characteristic.

The communicative phenomenon of moderation reflects one of the culturally symptomatic aspects of English speakers’ conscious communicative behaviour – avoidance of extreme judgements and imposition [Kishko, 2010].

Within the framework of the systemic-structural paradigm, a variant is defined as a subsystem belonging to a certain invariant set, bearing its invariant characteristics and being one of its manifestations [Solntsev, 2002: 81]. According to our data, the invariant meaning of moderation gets manifested in English speech as a system of its pragmatic variants, namely, mitigation, hedging, understatement, approximation and devaluation [Kishko, 2008]. Thus, the invariant meaning of moderation integrates all the above pragmatic variants, expressing the speaker’s intention to moderate the content or force of the utterance by making it non-categoric, non-impositional, and indirect as possible.

We proceed from the assumption that applying the linguistic field methodology to modelling the CPMFM is expedient [Tarasova, 1991], as:

firstly, it allows analyzing communicative units and structures not as isolated entities but as units within a complex functional-communicative system, as a result of the interaction of their components;

secondly, it makes it possible to synthesize two main approaches to studying communicative activities – one based on the form-meaning correlation (“from meaning to form” and “from form to meaning”) and the other based on the relationship between language, thought and reality: from the outer world via consciousness and thought to verbal forms with their individual meanings, and vice versa [Bondarko, 2002].

The synergistic approach presupposes the analysis of a communicative system as a complex open dynamic system capable of self-organization owing to inherent coordinated interaction of its components, while preserving at the same time its integrity [Ashby, 1966; Leontev, 1974; Dobronravova, 1990; Prigozhin, 1991].

Integration of different research paradigms made it possible to introduce the notion of a communicative-pragmatic field (CPF). Though relatively new, this notion can be justifiably referred to the realm of contemporary communicative-functional linguistics, as it signifies a

further step in the development of functional grammar, namely, a shift from the focus on the system of language to that on the system of speech and discourse. The said shift has been accompanied by a change of the integrating factor [Selivanova, 2008]: unlike the traditional linguistic fields (semantic, grammatical-lexical, functional-semantic ones, etc.) which comprise sets of language units united by a common meaning or common formal markers, reflecting conceptual or functional similarity of the phenomena described [Yartseva, 1990], a distinctive feature of a CPF is that the category which underlies the field is not a language (lexical, grammatical, syntactical, etc.) one, but a communicative-pragmatic category (CPC), existing on the discourse level [Kishko, 2010].

Following from the above, the category, whose plane of content is the speaker's intention to moderate the force of the utterance, can be viewed as a system of interrelated / interconnected functional subsystems which share a common pragmatic function. In conformity with the field approach, the CPC of moderation is organized in the form of underlying communicative-pragmatic macrofield. In this sense, the invariant meaning of the category constitutes the content plane of the macrofield in general, while the variant meanings make up the content planes of the respective microfields within the macrofield. The variant meanings which constitute the content plane of the macrofield are mitigation, hedging, understatement, approximation and devaluation, each forming its own autonomous functional-pragmatic microfield (mF) within the structure of the CPMF of moderation. Five microfields are singled out accordingly: mF mitigation, mF hedging, mF understatement, mF approximation, mF devaluation [Kishko, 2010]. What makes the CPMF of moderation particularly challenging for the analysis is a complex nature of the category which it models. Its "fuzziness" and lack of discreteness, heterogeneity of both content and expression planes, blurring the lines between the constituent mFs – all that account for its complexity.

In our view, the content invariant of CPC of moderation manifested in its five communicative variants, belongs to the system of speech (discourse), constituting the content plane of the respective macrofield. The verbal realizations of the invariant / variants, represented by a concrete set of language units, belong to the system of language, making up the expression plane of the said macrofield. The language means manifest the speaker's intention to moderate the force and content of the utterance in the given communicative situation. The latter are regarded to be moderators – illocutionary markers of the speaker's realizing corresponding communicative intention [Kishko, 2008].

Whereas in the second half of the 20th century in research into language as an adaptive system the functional approach was integrated with the systemic approach, so today in the study of communicative systems (of which moderation is one) it is integrated with the theory of

synergetics. On the whole, our research proceeds from the view of language shared by many synergetics scientists, both in this country and elsewhere, as a complex dynamic non-linear system, consisting of a number of interdependent interacting subsystems [Ashby, 1966; Haken, 1980; Dobronravova, 1990; Prigozhin, 1991; Knyazeva, 1992; Tarasova, 2000]. Taking into consideration the fact that CPMFM is a system of five interconnected communicative subsystems (microfields) united by a common pragmatic function, it can be regarded as a synergetic system possessing all the features typically associated with such systems, namely, lack of distinct boundaries between the “embedded” subsystems, ability to exchange “energy” with other systems, interaction of the components and self-organization.

The CPMFM is a good illustration of how the synergetic mechanism of self-organization works. The rule runs: the more complex the system is (the more constituents it has), the more open and dynamic it is. The more open it is to interaction, the wider is its functional range. Being a complex of five subsystems, the CPMFM has an amorphous structure, typical of the so called “fuzzy sets” [Zadeh, 1965]. The fuzziness of the CPMFM structure is due to the absence of distinct borders between the constituent microfields, so that, on the one hand, each mF has a relative autonomy from the point of view of both form and content, on the other, it is closely linked with the others, forming up broad segments of functional interaction.

As a complex dissipative system, the CPMFM is also characterized by such typical features of self-organization as fluctuations, attractors, and coherence [Prigozhin, 1991]. Fluctuations are caused by the polyfunctional nature of the moderators capable of changing their functions, thus resulting in instability and “chaos” in some of the macrofield’s areas. They do not, however, act as destructive forces, but as factors stimulating the system’s development [Losev, 1997].

Interaction of pragmatically different moderators in the utterance is a manifestation of coherence, i.e. content continuity of different variants of the macrofield’s underlying invariant meaning, which makes it possible to treat the overlapping subsystems as open informational spaces of shared communicative-pragmatic essence [Selivanova, 2008].

Attraction is realized manifested by the nuclear elements of the mFs. These elements show a capacity of attracting other constituents of the CPMFM, “drawing” them towards its central areas. In this sense, the nuclear components can be viewed as attractors.

Unlike the majority of grammatical-lexical, functional-semantic and other “traditional” linguistic fields, which are characterized by regular centre – periphery opposition (hence, we have monocentric and polycentric fields [Shchur, 1974; Verdieva, 1986]), for the CPMFM the subdivision of the components into nuclear and periphery ones is optional. The macrofield of

moderation as a whole is decentralized, yet, some of its constituent mFs demonstrate a more traditional structure with a more or less clearly defined centre.

Like any complex entity, the CPMFM follows the rule of functional dependence of elements, which acts as a kind of an “organizing factor”, regulating the behaviour of the whole system [Prigozhin, 1991]. Consequently, the expression plane of each mF is organized according to the principle of pragmatic “specialization” of moderators, with the subdivision of elements into central (nuclear) and peripheral ones, being based on their pragmatic potential [Kishko, 2010].

The nucleus of a mF ensures its stability, being the area in which the invariant meaning is concentrated. In four of the mFs (mF mitigation, mF hedging, mF understatement, mF approximation) their centres are made up by moderators which are able to realize one pragmatic variant of moderation only. It is these nuclear monofunctional moderators that function as attractors with respect to pragmatically related elements within their respective subsystems.

The mFs peripheries are areas of fluctuations. They are typically represented by polyfunctional moderators – those that can convey different facets of moderation depending on the context / communicative situation. This accounts for the instability of the periphery areas, resulting from the dynamic processes of self-organization taking place within the system. Thus, the CPMFM can be viewed as a dialectical entity of stability and instability.

Summing up, we can say that the interdisciplinary approach adopted in our research (integration of two methodological approaches) made it possible to explicate the complex synergetic nature of the communicative-pragmatic category of moderation mirrored by its field model.

REFERENCES

1. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
3. Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: Высшая школа, 1986. 118 с.
4. Добронравова И. С. Синергетика: становление нелинейного мышления. К.: Либідь, 1990. 149 с.
5. Кишко С. Н. Функционально-прагматическое макрополе модерации: синергетический аспект // *Англїстика та американїстика. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетровського нац. ун-ту ім. Олеся Гончара, 2010. Вип. 7. С. 52-57.*
6. Кишко С. Н. К вопросу о плане выражения категории модерации // *Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград, 2008. Вип. 75 (2). С. 54-57.*
7. Князева Е. Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Г. Пригожиным // *Вопросы философии. 1992. № 11. С. 25-32.*
8. Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // *Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 5-20.*
9. Лосев А. Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. 831 с.
10. Пригожин И. Г. Природа и новая рациональность. В поисках нового

миропонимания // Философия и жизнь. 1991. № 7. С. 5-21.

11. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
12. Селиванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Полтава: Довкілля-К, 2008. 712 с.
13. Солнцев В. М. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 2002. С. 81.
14. Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии. К.: УМК ВО, 1991. 109 с.
15. Тарасова Е. В. Синергетические тенденции в современной лингвистике // Вестник Харьковского национального университета. 2000. № 500. С. 3-9.
16. Тарасова Е. В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики // Вестник Харьковского национального университета. 2000а. № 471. С. 273-279.
17. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
18. Храковский В. С. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М.: Прогресс, 1985. С.65-76.
19. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Просвещение, 1974. 255 с.
20. Эшби У. Р. Принципы самоорганизации. М., 1966. 622 с.
21. Яворська Г. М. Лінгвістика в дослідженні міждисциплінарних об'єктів (до аналізу колективних ідентичностей) // Мова. Людина. Світ: До 70-річчя проф. М. П. Кочергана. К., 2006. С.47-48.
22. Якобсон Р. Избранные работы. Речевая коммуникация. М.: Прогресс, 1985. 454 с.
23. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
24. Langacker R. W. Foundation of cognitive Grammar // Theoretical prerequisites. Stanford, 1987. Vol. 1. 504 p.
25. Zadeh L. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338-353.
26. World Book Dictionary. Clarence&Barnhart: World Book Inc., 1994.

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1991). *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Basics of the research]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
2. Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the functional grammar system: on the material of the Russian language]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
3. Verdieva, Z. N. (1986). *Semanticheskie polya v sovremennom angliyskom yazyke* [Semantic fields in modern English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Dobronravova, I. S. (1990). *Sinergetika: stanovlenie nelineynogo myshleniya* [Synergetics: formation of non-linear thinking]. Kyev: Lybid. (In Russ.).
5. Kishko, S. N. (2010). Funktsionalno-pragmaticheskoe makropole moderatsii: sinergeticheskiy aspekt [Functional-pragmatic marcofield of moderation: synergetic aspect]. In *Angistika ta amerikanistika*. Dnipropetrovsk. Vol. 7. Pp. 52-57. (In Russ.).
6. Kishko, S. N. (2008). K voprosu o plane vyrazheniya kategorii moderatsii [On the problem of the expression plane of the category of moderation]. In *Naukovi zapysky. Seriya: Filologichny nauky (movoznavstvo)*. Kirovograd. Vol. 75 (2). Pp. 54-57. (In Russ.).
7. Knyazeva, E. N. (1992). Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I. G. Prigozhinym [Synergetics as a new world view: the dialog with I.G. Prigozhin]. In *Voprosy filosofii*. No 11. Pp. 25-32. (In Russ.).

8. Leontev, A. N. (1974). *Obshchee ponyatie o deyatelnosti* [General notion of activity]. Moskva: Nauka. Pp. 5-20. (In Russ.).
9. Losev, A. F. (1997). *Khaos i struktura* [Chaos and structure]. Moskva: Mysl. (In Russ.).
10. Prigozhin, I. G. (1991). Priroda i novaya ratsionalnost. V poiskakh novogo miroponimaniya [Nature and new rationality. In the search of a new world view]. In *Filosofiya i zhizn*. No 7. Pp. 5-21. (In Russ.).
11. Sidorov, E. V. (1987). *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech consistency]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Selivanova, O. O. (2008). *Suchasna lingvistyka: napryamy ta problemy* [Modern linguistics: approaches and problems]. Poltava: Dovkillya-K. (In Ukr.).
13. Solntsev, V. M. (2002). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva: Sov. entsiklopediya. (In Russ.).
14. Tarasova, E. V. (1991). *Yazykovo pole kak edynitsa didakticheskoy tipologii* [Language field as a means of didactic typology]. Kiev: UMK VO. (In Russ.).
15. Tarasova, E. V. (2000). Sinergeticheskie tendentsii v sovremennoy lingvistike [Synergetic tendencies in modern linguistics]. In *Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo universiteta*. No 500. Pp. 3-9. (In Russ.).
16. Tarasova, E. V. (2000a). Rehevaya sistemnost v terminakh lingvopragmatiki [Speech consistency in terms of linguistic pragmatics]. In *Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo universiteta*. No 471. Pp. 273-279.
17. Haken, H. (1980). *Sinergetika* [Synergetics]. Moskva: Mir. (In Russ.).
18. Khrakovskiy, V. S. (1985). Tipy grammaticheskikh opisaniy i nekotorye osobennosti funktsionalnoy grammatiki [Types of grammatic description and some peculiarities of functional grammar]. In *Problemy funktsionalnoy grammatiki*. Moskva: Progress. Pp.65-76. (In Russ.).
19. Shchur, G. S. (1974). *Teorii polya v lingvistike* [Field theories in linguistics]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
20. Ashby, W. R. (1966). *Printsipy samoorganizatsii* [Principles of self-organisation]. Moskva: Prosveshchenie. (In Russ.).
21. Yavorska, G. M. (2006). Lingvistyka v dosildzhenni mizhdystsyplinarnykh ob'ektiv (do analizu kolektivnykh identychnostey) [Linguistics in the research of interdisciplinary objects (on the problem of collective identities)]. In *Mova. Ludyna. Svit*. Kyev. Pp. 47-48. (In Ukr.).
22. Jakobson, R. (1985). *Izbrannye raboty. Rehevaya kommunikatsiya* [The selected works. Speech communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).
23. Yartseva, V. N. (1990). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moskva: Sov. entsiklopediya. (In Russ.).
24. Langacker, R. W. (1987). Foundation of cognitive Grammar. In *Theoretical prerequisites*. Stanford. Vol. 1.
25. Zadeh, L. (1965). Fuzzy Sets. In *Information and Control*. No 8. Pp. 338-353.
26. *World Book Dictionary*. Clarence&Barnhart: World Book Inc., 1994.

Кишко Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: zolotar66@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Kishko Svetlana N. – Candidate of Sciences, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: zolotar66@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 17 июня 2016 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42(048.4):7.094(44)

© 2016 О. В. Кухарь, Н. Е. Гапотченко

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЗЮМЕ ФРАНЦУЗСКИХ ФИЛЬМОВ

В статье изучены основные прагмалингвистические составляющие резюме современных французских фильмов. Выявлено, что малоформатные резюме фильмов выполняют различные функции, главные из которых – информативная и рекламная. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что резюме французских фильмов состоят из названия и основной части. Широкий спектр лингво-стилистических средств актуализируется в резюме с целью реализации интенции автора познакомить общество с содержанием фильмов. Резюме современных французских фильмов является популярным способом получения социо-культурной информации.

Ключевые слова: прагматика, стилистика, малоформатный текст, резюме, автор, французское кино, рекламная функция.

© 2016 O. V. Kukhar, N. E. Gapotchenko

PRAGMATIC AND LINGUISTIC FEATURES OF SYNOPSES OF FRENCH FILMS

The paper studies the main pragmatic and linguistic components of synopses for contemporary French films. It was revealed that small-format synopses of films perform several functions, the main of which are informative and advertising. On the basis of the analysis the conclusion is drawn that synopses of the French films consist of the name and the main part. A wide range of linguistic-and-stylistic means are involved in the synopses in order to realize the intentions of the author and promotion of films. Synopsis of contemporary French films is a popular way to obtain socio-cultural information.

Key words: pragmatics, stylistics, small-format text, summary, author, French cinema, advertising function.

Современная лингвистика текста, дискурсология и прагмалингвистика акцентируют внимание на малоформатных сообщениях, которые, лаконично представляя информацию социальному адресату, обладают насыщенной семантикой и большим прагматическим потенциалом. При изучении глубинных аспектов малоформатных текстов исследователи традиционно обращаются к научным трудам Н. Д. Арутюновой, Т. А. ван Дейка, В. И. Карасика, И. Р. Гальперина, Е. С. Кубряковой, Е. Е. Анисимовой, Ж.-М. Адама, Ж. Фоконье. Особое место среди объектов исследования занимают различные кинематографические тексты, сочетающие широкую стилистическую и тематическую палитру с широкой социальной прагматикой. Таким образом, французское кино, предварившее рождение кинематографа в других странах, и сегодня остается

неиссякаемым источником социокультурной информации и средством обогащения франкоязычного лингвокультурного пространства.

Актуальность данной статьи определяется тем, что малоформатные тексты резюме фильмов являются популярным, доступным и лаконичным источником получения социокультурной информации и приобщения к культурному тезаурусу французской нации.

Целью данной статьи является анализ основных факторов, составляющих прагмалингвистические особенности резюме французских фильмов. Для достижения вышеуказанной цели были поставлены следующие задачи: проанализировать прагматические функции резюме фильмов; определить основные структурно-семантические особенности резюме фильмов; изучить стилистическую (языковую) специфику резюме французских фильмов.

Объектом исследования послужил корпус резюме разножанровых французских фильмов (романтическая драма, комедия, триллер, фантастика, и т.д.), вышедших в прокат в 2008-2016 г., общим объемом 7348 печатных знаков.

Отметим, что сама форма изложения содержания фильма во французской медиалингвистике имеет разные названия, главное из которых – *un synopsis* (от греч. *обозрение*), трактуемое как *un résumé succinct* (лаконичное резюме), *un récit bref* (немногословный рассказ), *un abrégé* (краткое изложение), *le schéma d'un scénario* (схема сценария), *un trailer* – киноафиша, анонс кино- или телефильма. Термин *синопсис* в значении *краткое содержание кинофильма* нашел свое применение в кинематографии, представляя основные сюжетные линии, штрихи к портретам главных героев, их эволюцию в самых общих чертах, не вдаваясь в детали. Тексты французских синопсисов представляют собой образования с количественным объемом слов во фразе от 2 до 10, с предложениями в количестве от 1 до 7, с общим числом слов в тексте не более 100.

Российские лингвисты Е. В. Толстолицкая и Ю. Г. Синельников, анализируя тексты малого формата современной французской прессы, приходят к выводу, что в соответствии с принципом языковой экономии авторы публицистических текстов следуют правилам компрессии, в частности, правилам актуальности, минимализма формы и максимального объема содержания [Толстолицкая, Синельников, 2012: 115]. Средствами соблюдения подобных требований являются различные виды компрессии, в результате чего малоформатные публицистические тексты изобилуют аббревиатурами, усеченными словами, имплицитной информацией, стилистическими фигурами и тропами, синтаксической сегментацией и эллиптическими конструкциями. Особенностью малоформатных текстов французских письменных СМИ является комбинирование

нескольких видов компрессии в одном тексте. В примере «*Pub des poupées, nouveau top?...*» – «*Реклама кукол – новый писк моды?...*», по мнению исследователей, предельная лаконичность достигнута путем использования таких видов сжатия текста, как усечение + сегментация + эллипсис глагола *être* и артиклей. Интерпретация и декодирование полного варианта примера: «*La publicité des poupées, est-elle un nouveau top?...*» предоставляются адресату [там же: 117].

Анализ отобранных нами примеров показал, что авторы синопсисов французских кинофильмов избирают другую стратегию в достижении экономии языковых средств. В кратких резюме киноленты отсутствуют сигли, усечения, сегментация фраз. Минимализм форм и одновременно максимальный объем кинематографических резюме достигается посредством других языковых средств. В предлагаемой статье предполагается последовательный анализ тщательно отобранной лексики, наличия/отсутствия субъективного или объективного суждения автора, грамматического оформления, стилистической окраски и пунктуационного рисунка малоформатного текста.

Современная мировая киноиндустрия постоянно увеличивает объемы производства фильмов различных жанров, рассчитанных на разную целевую аудиторию. При этом очевидным фактом является растущая конкуренция, с одной стороны, между кино и Интернетом, с другой стороны, между франкоязычным и англоязычным кинематографом. Важнейшими прагматическими функциями резюме фильмов являются информативная и рекламная. Прочитав короткий текст, который, согласно результатам проведенного нами количественного анализа, составляет в среднем 400-500 знаков, потенциальный зритель-франкофон получает информацию о сюжете фильма, его персонажах и дейксисе. При этом адресант (автор резюме фильмов) позиционирует себя перед потенциальным зрителем как специалист в области кино, эксперт, уже посмотревший фильм, высказывающий авторитетное мнение о сюжете, повествующий наиболее важные моменты киноленты [Медкова, 2013: 253]. Вербальная составляющая резюме подчинена задаче привлечения внимания, создания у адресата позитивного образа товара-кинофильма, как конкретного продукта из множества предлагаемых на кинорынке. В итоге правильно сконструированный рекламный материал позволяет рекламодателям достичь прагматических целей – просмотр фильма состоится.

Анализ вербального компонента авторского текста синопсиса позволяет выявить и обобщить лингво-стилистические особенности текстов этого жанра. В сферу анализа включены малоформатные тексты, начинающиеся с названия фильмов. Отметим, что заголовки фильмов уже привлекали внимание исследователей. С точки зрения

Е. В. Скворцовой, изучавшей прагматический потенциал названий американских кинофильмов, компонент «текст», будучи вербальным, статичным, печатным изображением, представлен уже на уровне заголовка. Автор доказывает, что название является интегративной частью дискурсивных пространств языка кино и рекламы, содержит разные компоненты, наиболее значимыми из которых являются текст, экстралингвистический компонент, социокультурный фон и др. Прагмалингвистический потенциал вербальной составляющей реализуется путем регулярного использования синтаксического, семантического и прецедентного маркеров на всех уровнях кинозаголовков [Скворцова, 2011].

Если следовать схеме повествования, разработанной Ж.-М. Адамом, нарративное пространство должно состоять из семи фаз, каждая из которых несет собственную часть информации [Adam, 2005]: вступительная часть, исходная ситуация, развитие событий, реакции персонажей и т.д. В соответствии с замыслом автора, некоторые фазы повествования являются обязательными, другие могут быть опущенными.

На синтаксическом уровне названия отобранных для анализа синопсисов французских фильмов часто (в 14% случаев) представлены односоставными номинативными предложениями: *Elle, Mustang, La délicatesse, La vache*. 10% заголовков предлагаются в форме неполных двусоставных предложений: *Les beaux gosses, Un homme idéal, Futur antérieur*. Односоставные глагольные предложения включают в себя глаголы в повелительном наклонении: *Arrêtez-moi là, Ne le dis à personne* (6,6%). Выражая просьбу или предостережение, подобные заголовки приближают адресата к событиям на экране.

Иногда в название фильма вынесены полные двусоставные простые утвердительные или вопросительные предложения: *La prochaine fois je viserai le coeur, Qu'est-ce qu'on a fait au bon Dieu?* (6,6%). Хладнокровное обещание в первом примере и отчаяние во втором по замыслу авторов не могут не пробудить интерес к фильму.

Некоторые заголовки представлены в форме косвенных вопросов: *Ce que pensent les hommes* и даже в виде сложноподчиненных предложений с придаточными разного типа: *Ce qui vous attend si vous attendez un enfant*. Игра форм одного глагола, функций одного местоимения в пределах одной синтаксической структуры создают высокий прагмалингвистический потенциал подобных высказываний.

Название *Si c'était lui...*, являясь придаточным условным предложением, отличается формальной и семантической незавершенностью. Таким образом, отправители информации предоставляют читателю самому достроить то, что осталось невысказанным.

Реже (в 3,3% отобранных названий) краткому содержанию фильма предшествует сложное парцеллированное предложение, включающее название уже вышедшего ранее фильма: *Les Tuche 2: Le rêve américain*. Такое оформление титра обеспечивает узнаваемость данного продукта киноиндустрии. На семантическом уровне прагматический потенциал малоформатных текстов реализуется за счет использования в названиях фильмов единиц, называющих общечеловеческие ценности, к которым относятся, например, дети, религия, образование, мечты, семья: *Papa ou tatan, Les profs, Valentine's day* и др.

Прецедентный маркер в названии фильма, выраженный именами известных личностей, названием исторических фактов и т.д., призван зарождавать в сознании реципиента ассоциативные цепочки и приводить к просмотру киноленты: *Danton, Coco avant Chanel, la Môme*.

Что касается формы и содержания синопсисов, мир кинематографа предписывает им определенные требования: во второй половине XX века синопсису отводилась довольно скромная роль: синопсис не должен был содержать диалоги, его нарративный простор следовало отражать в рамках настоящего времени изъяснительного наклонения, сюжет излагался незамысловатым стилем. Если в резюме важно было передать содержание диалога, это полагалось делать кратко и в форме косвенной речи. Строгое соблюдение этих правил в настоящее время пропагандирует французский сценарист Н. Ленуар, по мнению которой малоформатный текст должен привлекать внимание и раскрывать адресату основные моменты сюжета и характер протагонистов с первых строчек; синопсис должен читаться с удовольствием, легко, пробуждать в адресате волнующее ожидание просмотра фильма [Lenoir, 2016].

Соблюдение приведенных требований приводит к появлению предельно сжатых по форме резюме, начинающихся с обозначения жанра фильма и его основной сюжетной линии. Например, две первых строки из шести синопсиса фильма *Ce que pensent les hommes* построены следующим образом: *Ce que pensent les hommes est une réjouissante comédie romantique qui dresse un portrait provocateur, hilarant et libérateur de l'incompréhension entre hommes et femmes*. Оставшиеся 4 строчки текста содержат в себе некоторые детали, побуждающие адресата посмотреть рекламируемый кинопродукт.

Лаконичность проанализированных резюме достигается путем тщательного отбора лексики, создающей тематическую канву повествования. Так, фильм о тонкости и красоте лирических чувств героев рекламируется с помощью единиц: *heureuse, jeune, belle, le parfait amour, en parenthèse de sa vie sensuelle, la valse sentimentale, l'émerveillement, l'étrangeté amoureuse (La délicatesse)*. Содержание резюме фильма *Les profs* строится на

лексике со значением «образование», «преподавание»: *12% de réussite au bac, le lycée Jules Ferry, les méthodes conventionnelles, l'Inspecteur d'Académie, une équipe de professeurs, les élèves, l'établissement*. Фильм о приключениях двух малосимпатичных авантюристов представлен глагольными оборотами *être serveur dans un grand hôtel, jouer l'homme à tout faire, déchanter, devenir l'amant d'une millionnaire (Hors de prix)*. Наряду с нейтральной лексикой в резюме фильма (*Hors de prix*) отмечается наличие фамильярной лексики – *battre le pavé à Nice – шататься по Ницце, rechercher un nouveau pigeon – искать нового лоха*, изысканного оборота *à la suite d'un quiproquo – вследствие путаницы, недоразумения* и книжной формы превосходной степени прилагательного *richissime*. Изменение регистра текста подчеркивает двуличный, лживый характер героев фильма. Латинизм *a priori* (*заранее, наперед*) в кратком содержании фильма *Si c'était lui...* подчеркивает хрупкий характер зарождающихся отношений между двумя неуверенными в себе людьми.

В ходе анализа было установлено, что желанию авторов резюме создать краткий по форме и емкий по содержанию текст соответствует оригинальная синтаксическая организация: синопсис состоит из предложений разного типа. Среди них – простые односоставные предложения: *Une belle maison. De bons métiers. De beaux enfants (Papa ou maman)*, эллиптические, с опущением оборота *c'est*: *L'occasion pour Fatah et Jacqueline d'aller de rencontres en surprises et de vivre une aventure humaine faite de grands moments d'entraide et de fous rires (La vache)*, вариант, отвечающий нормам французской грамматики: *(C'est) l'occasion pour Fatah et Jacqueline d'aller de rencontres en surprises et de vivre une aventure humaine faite de grands moments d'entraide et de fous rires*. Предложения, характеризующиеся неполнотой грамматической структуры, выглядят в тексте вполне естественно, поскольку главным героем фильма является простой сельский житель. Традиционные простые двусоставные (распространенные и нераспространенные) предложения: *Un jeu étrange s'installe alors entre eux (Elle); La partie ne fait que commencer (Papa ou maman); Nathalie a tout pour être heureuse (La délicatesse)* используются авторами значительно реже, чем предложения с другой синтаксической структурой. С целью повышения экспрессивности резюме содержат иногда простые предложения с инверсией подлежащего: *S'ensuit alors la valse sentimentale de ce couple hautement improbable (La délicatesse)*. Анализ отобранного материала показал, что одним из средств выразительности на уровне синтаксиса малоформатных текстов кинорезюме являются конструкции, усложненные инфинитивными предложениями: *...une famille française modeste, voit sa vie changer après avoir gagné 100 millions d'euros (les Tuches 2: Le rêve américain)*. Эффективными способами компрессии текста синопсиса являются

приложения. Отвечая требованию минимализма формы, эти члены предложения вносят объемную информацию о роде занятий, профессии, занимаемых должностях персонажей: *Rosie et Marco, deux chefs cuisiniers, se retrouvent face à un dilemme (Ce qui vous attend si vous attendez un enfant); Wilfried Max, directeur d'une grande agence de publicité, fait l'acquisition d'une application (Futur antérieur) Hélène, auteur à succès, pourfend à travers ses livres les inégalités sociales (Si c'était lui...).*

Одной из разновидностей популярных в текстах малого формата синтаксических конструкций являются фразы, содержащие одновременно инфинитивные обороты и косвенную речь: *Ils commencent à voir émerger ce que pourrait être le monde de demain (Demain).* Дальнейшее исследование позволило выявить, что самой распространенной формой предложений в малоформатных текстах являются сложноподчиненные предложения с придаточными разной семантики – времени, цели, образа действия и т.д. Их морфологическое оформление представлено модально-временными формами изъявительного и сослагательного наклонений: *Lorsqu'il reçoit la précieuse invitation devant tout son village ébahi, lui qui n'a jamais quitté sa campagne, il prend le bateau... (La vache); Il faudra que le spectacle tourne au drame pour qu'un coup de téléphone dans la nuit les réunisse à nouveau (De rouille et d'os); Mais subitement, sans qu'elle comprenne vraiment pourquoi, elle embrasse un de ses collègues (La délicatesse).* Многочленное сложное предложение из синопсиса фильма «*Valentine's day*», являясь предельно информативным, представляет всех действующих лиц и их краткие характеристики: *Il y a là un fleuriste débordé, sa meilleure amie institutrice qui vit une aventure passionnée avec un médecin déjà marié, une célibataire ayant réservé pour deux à l'hôtel avec son chien, un homme d'affaires discutant pendant son voyage en avion avec une charmante lieutenant de l'armée américaine, ou encore un couple de sexagénaires qui s'occupe de son petit-fils, malheureux en amour.* Этой фразой практически исчерпывается содержание синопсиса к фильму.

В ходе дальнейшего анализа фактически во всех отобранных для анализа текстах выявлено использование причастных и деепричастных оборотов. Являясь принадлежностью книжной речи, они имеют несомненное преимущество по сравнению с параллельными им обстоятельственными придаточными предложениями, которое заключается в том, что с одной стороны, они придают фразе большую выразительность, а с другой – сообщают повествованию искомые краткость и динамичность: *Devenu le nouvel espoir le plus en vue de la littérature française... (Un homme idéal); Irène, brutalement quittée, dépourvue de toutes ressources... (Hors de prix); Donald, impressionné par cette famille qui est l'opposée de la sienne...*

(*les Tuche 2: Le rêve américain*); *Ayant déjà épuisé toutes les méthodes conventionnelles, l'Inspecteur d'Académie, au désespoir, s'en remet aux conseils de son Adjoint (Les profs)*.

Наблюдение за морфологической основой отобранных малоформатных текстов показывает, что предписания в отношении употребления в них глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения постоянно нарушаются. Так, наряду с предложениями с глаголами в *Présent de l'Indicatif*: *Hervé tente de se rapprocher d'elle (Les beaux gosses)*; *Mikey fait l'impossible pour reconquérir son épouse infidèle (Célibataires... ou presque)* используются и кажутся более уместными глаголы в будущих временах – *Futur proche* или *Futur simple*, поскольку речь в этих фрагментах текста идет о событиях, которые зрителю только предстоит увидеть: *Nathalie et Markus vont finir par fuir pour vivre leur histoire (La délicatesse)*; *Elle va revivre (De rouille et d'os)*; *Il tentera de l'éloigner en vain, car nier ses sentiments ne sera pas évident (Célibataires ... ou presque)*. Значительно реже в исследованных текстах фиксируются формы прошедшего времени изъявительного наклонения: *...quand leur première fille épousa un musulman (Qu'est-ce qu'on a fait au bon Dieu?)*; *Durant leur voyage, ils ont rencontré les pionniers (Demain)*.

Эффективным средством повышения выразительности малоформатных текстов и психологического воздействия на читателя являются различные способы их стилистического оформления. Среди тропов и фигур, отмеченных в проанализированных синопсисах, наиболее частотным является перечисление, что вполне оправдано, поскольку назначение этой фигуры заключается в передаче адресату большого объема сведений: *Durant leur voyage, ils ont rencontré les pionniers qui réinventent l'agriculture, l'énergie, l'économie, la démocratie et l'éducation (Demain)*; *Valentin, un jeune homme à l'humour désespéré, a tout perdu : sa petite amie, son job et son appartement (Si c'était lui...)*; *Entre eux, un chat qui va et vient, un fils en quête de père, une soeur en quête d'amoureux (Si c'était lui...)*. В предложении с анафорическим повтором настойчиво утверждается мысль о тщетности страданий, причиненных невниманием со стороны мужчины. Вполне может оказаться, что его безразличие подтолкнет лиц противоположного пола к поиску более достойной кандидатуры: *Une chose reste certaine: s'il ne vous appelle pas, s'il ne couche pas avec vous, s'il est marié à quelqu'un d'autre ou s'il couche avec une autre... il y a de grandes chances qu'il ne s'intéresse pas à vous! (Ce que pensent les hommes)*. Во фрагменте текста малого формата к фильму *Papa ou maman: Florence et Vincent Leroy ont tout réussi. Une belle maison. De bons métiers. De beaux enfants. Mais aujourd'hui, ils divorcent* содержится парадокс, который заставит внимательного адресата подумать о том, что может служить причиной развода в такой внешне благополучной семье и выяснить это

путем просмотра фильма. Правилу сочетания максимума информации и минимума объема подчинено использование антитезы: *Valentin, un jeune homme à l'humour désespéré a tout perdu. Forte et indépendante, Hélène, auteur à succès, pourfend à travers ses livres les inégalités sociales (Si c'était lui...)*. Лаконизм высказывания при характеристике героев фильма создается также метонимиями: *À la tête d'une grande entreprise de jeux vidéo, elle gère ses affaires comme sa vie sentimentale: d'une main de fer (Elle)*. Эффективным средством установления потенциального контакта между автором и зрителем рекламируемого фильма является риторический вопрос: *Choisit-on vraiment par quel moyen on renâit à la vie? (La délicatesse)*. *Que faire quand votre premier enfant s'annonce avant votre premier rendez-vous? (Ce qui vous attend si vous attendez un enfant)*. В примере *Demain, quand Ali la retrouve, la princesse est tassée dans un fauteuil roulant: elle a perdu ses jambes et pas mal d'illusions (De rouille et d'os)* с зевгматическим опущением глагольной формы *a perdu* во второй части предложения наблюдается стилистическая компрессия синопсиса, побуждающая адресат достроить полученную информацию и принять решение относительно просмотра фильма.

В ряде случаев обращает на себя внимание пунктуация резюме. В анализируемых текстах не выявлены предложения с восклицанием или вопросом, но нередко финальные фразы заканчиваются многоточием: *Il compte profiter d'une fête, organisée par la grande soeur d'Aurore, pour arriver à ses fins... (Les beaux gosses)*; *Il se décide à visiter le futur et va être le témoin d'une effroyable situation... (Futur antérieur)*. Стилистический прием умолчания в подобных случаях призван подтолкнуть адресата к поиску имплицитной информации путем просмотра фильма. Среди исследованных текстов резюме зафиксированы случаи одновременного умолчания в названии фильма и в самом синопсисе: *(Célibataires ...ou presque): Il tentera de l'éloigner en vain, car nier ses sentiments ne sera pas évident...* В результате происходит двойная интрига: нельзя быть почти холостяком, почти невозможно скрывать свои чувства. Желание раскрыть загадку приведет зрителя в кинозал.

Изучение отобранных для анализа резюме французских фильмов позволяет сделать наблюдения над автором малоформатного текста. Создатель резюме представляет ключевую информацию о содержании фильма и его героях преимущественно нейтрально. На основе цепочки ключевых слов он пишет целостный малоформатный текст с большим семантическим и прагматическим потенциалом. Восприятие резюме фильма адресатом является сложным когнитивным процессом, при котором из малоформатного текста на основе нескольких ключевых слов каждый адресат индивидуально достраивает

дискурсивную информацию, доводя ее до уровня реализации собственной прагматической установки: смотреть / не смотреть фильм, узнать / игнорировать больше информации о фильме, и т.д. Результативным средством речевой стратегии скрытого воздействия отправителя текста на его получателя являются предложения, несущие субъективное или объективное суждение автора о протагонистах фильма: *Elle est belle et pleine d'assurance (De rouille et d'os); ...jeune homme à l'humour désespéré; forte et indépendante, Hélène... (Si c'était lui); Claude et Marie Verneuil sont des parents plutôt «vieille France» (Qu' est-ce qu'on a fait au bon Dieu?); Michèle fait partie de ces femmes que rien ne semble atteindre (Elle); Jules, séduisante icône de fitness, Evan, star d'une émission de danse, Wendy, folle des bébés (Ce qui vous attend si vous attendez un enfant).*

Важно отметить, что прагматическая функция медиадискурса резюме фильма реализуется преимущественно отсрочено относительно времени знакомства с резюме и проявляется в виде просмотра фильма (или нежелания его смотреть), поиске дополнительной информации, касающейся авторов фильма и персонажей, актеров, событий, отраженных в фильме, в формировании определенных моральных ценностей и т.д. Резюме фильма как текст, рекламирующий кино, выполняет функцию формирования эстетического вкуса и расширения индивидуального культурного кода адресата. Появление синопсисов в различных медиа-ресурсах – на сайтах Интернета, в печатных СМИ, как части телерекламы, свидетельствует о том, что эта разновидность резюме является конвергентным типом текстов [Добросклонская, 2013: 2]. Конвергентность способствует популяризации текстов этого жанра, следовательно, повышает прагматическую результативность синопсиса.

Проведенное исследование прагматических особенностей и лингвистических характеристик резюме французских фильмов позволило сделать следующие выводы. Исследованные тексты являются доступным средством получения информации в обществе о новинках кино. На основе малоформатных резюме и ключевых слов адресат достраивает информацию, исходя из индивидуального тезауруса. Автор резюме фильмов (названия и малоформатный текст) преимущественно представлен как эксперт в области кино, хорошо знающий сюжет фильма. Резюме фильмов являются конвергентным жанром, присущим различным средствам массовой коммуникации, что повышает вероятность выполнения интенции автора. Малоформатные тексты выполняют многочисленные функции, первоочередными из которых являются информативная и рекламная. Кроме того, резюме фильмов являются вспомогательным средством формирования культурного кода французской нации. Емкая семантика малоформатных

текстов резюме побуждает автора к привлечению различных лингво-стилистических средств и их конвергентных свойств для достижения прагматической интенции. Как часть французской культуры, кинематографические тексты занимают большое пространство в современных печатных, устных и виртуальных СМИ. В связи с этим перспективным может быть изучение таких составляющих лингвокультуры кино, как субтитры, структурно-семантические аспекты сценария, способы представления титров, сравнительные характеристики синопсисов одножанровых фильмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т. Г. Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ // Развитие русскоязычного медиaproстранства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С.18-27.

2. Медкова М. Н. Типология, структура и прагматика имиджа эксперта в отечественной телерекламе // Развитие русскоязычного медиaproстранства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 252-255.

3. Скворцова Е. В. Прагматический потенциал малоформатных текстов названий американских кинофильмов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 9. Вып. 6 (101). Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskiy-potentsial-malofomatnyh-tekstov-nazvaniy-amerikanskih-kinofilmov#ixzz4CbN1DSWb>. (дата обращения: 20.06.2016).

4. Толстолицкая Е. В., Синельников Ю. Г. Классификация основных способов компрессии информации в текстах малого формата современной французской прессы // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 15. Вып. 18 (137). С. 115-120. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-osnovnyh-sposobov-kompressii-informatsii-v-tekstah-malogo-formata-sovremennoy-frantsuzskoy-pressy>. (дата обращения: 20.06.2016).

5. Adam J.-M. La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle du discours. P.: A. Collin, «Cursus», 2005. 243 p.

6. Cinétrafic. Tous les films français. Accès: <http://www.cinetrafic.fr/film-francais>. (accédé le 20.06.2016)

7. Lenoir N. Ma méthode d'écriture. Accès: www.scenario-buzz.com/tag/nathalie-lenoir/. (accédé le 25.06.2016)

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G. (2013). Metodologiya analiza mediatekstov v usloviyakh konvergentnykh SMI [Methodology of analysis of media texts in a converged media]. In *Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy*. M.: Izdatelstvo APK i PPRO. Pp. 18-27. (In Russ.).

2. Medkova, M. N. (2013). Tipologiya, struktura i pragmatika imidzha eksperta v otechestvennoy telereklame [Typology, structure and pragmatics of expert's image in national television advertising]. In *Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy*. M.: Izdatelstvo APK i PPRO. Pp. 252-255. (In Russ.).

3. Skvortsova, E. V. (2011). Pragmaticheskiy potentsial malofomatnykh tekstov nazvaniy amerikanskikh kinofilmov [Pragmatic potential of small-format texts of American movies titles]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 9. Vol. 6 (101). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/>

pragmalingvisticheskiy-potentsial-malofornatnyh-tekstov-nazvaniy-amerikanskih-kinofilmov#ixzz4CbN1DSWb. (accessed: 20.06.2016).

4. Tolstolutsкая, E. V., Sinelnikov, Yu. G. (2012). Klassifikatsiya osnovnykh sposobov kompressii informatsii v tekstakh malogo formata sovremennoy frantsuzskoy pressy [Classification of main ways of compression of information in texts of small modern French media format]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosuniversiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. T. 15. Vol. 18 (137). Pp. 115-120. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-osnovnykh-sposobov-kompressii-informatsii-v-tekstakh-malogo-formata-sovremennoy-frantsuzskoy-pressy>. (accessed: 20.06.2016).

5. Adam, J.-M. (2005). *La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle du discours*. P.: A. Collin, «Cursus».

6. Cinétrafic. Tous les films français. Accès: <http://www.cinetrafic.fr/film-francais>. (accédé le 20.06.2016).

7. Lenoir, N. Ma méthode d'écriture. Accès: www.scenario-buzz.com/tag/nathalie-lenoir/. (accédé le 25.06.2016).

Кухарь Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии (e-mail: olgakukhar@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Гапотченко Надежда Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии (e-mail: nadya.gapotchenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Kuhar Olga V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance Philology (e-mail: olgakukhar@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Gapotchenko Nadezhda E. – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance Philology (e-mail: nadya.gapotchenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 16 июня 2016 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373.612.2:811.11=16

© 2016 Ш. Р. Басыров

МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДЕНЕГ

В лингвистике наблюдается повышенный интерес к ономазиологической природе языковых единиц и проблемам номинации. Анализу подвергаются различные аспекты номинации (гносеологические, социальные и лингвистические), поэтому актуальность настоящего исследования определяется самим фактом обращения к проблеме номинации.

В статье исследуются метонимические процессы в сфере наименования денег в германских (немецкой, английской) и славянских (русской, украинской) языках. Метонимические переносы изучаются на словарном материале в плане категориальной отнесенности и регулярных связей между категориальными сферами при вторичной номинации. Устанавливаются семантические модели метонимического переосмысления, выявляются особенности языковой реализации когнитивных метонимических моделей.

Существование различий между лексическими номинациями денег могут обуславливаться социальными отношениями, регулируемыми различными видами взаимоотношений людей в обществе.

Ключевые слова: номинация, вторичная номинация, метонимия, метонимическая модель, когнитивная модель, языковая картина мира, метонимический перенос.

© 2016 Sh. R. Basyrov

METONYMY IN MONETARY NAMES

In recent years, linguistics has evinced great interest in the semantic aspect of the language. Thus, the topical issues are those dealing with nomination and its various aspects, including the epistemological, social and linguistic ones.

The primary focus of the given article is on the processes of secondary nomination (or semantic derivation), namely on metonymization of monetary names.

A large sampling from Germanic (German and English) and Slavic (Russian and Ukrainian) languages has been used to study metonymic transfers of monetary names. The analysis has involved both standard (literary and colloquial) and nonstandard (jargon, slang, and argot) vocabularies. This research format has enabled tracing universal and specific features in secondary nomination of money, revealing regular trends in the realization of cognitive metonymic models and mechanisms in differently structured languages.

The metonymic transfers of monetary names in the languages under comparison have been analysed in terms of a categorial reference and the correlation between categorial spheres. Metonymization of monetary names is especially productive in the following categories: 1) Human being; 2) Nature (flora) and natural phenomena; 3) Artifacts; 4) Social relations.

In addition, seven typical metonymic models have been identified; their nominative and motivating features and productivity in each language under study have been determined.

Secondary nomination of money in German, English, Russian and Ukrainian is on the whole realized through universal metonymic models that show the cognitive processes of a human perception of the world.

Key words: nomination, secondary nomination, metonymy, metonymic model, cognitive model, linguistic view of the world, metonymic transfer.

1. Введение

В последние годы заметно активизировались исследования вторичной номинации, в том числе и метонимии [Басиров, 2014; Басиров, Яненко, 2013; Бирих, 1995; Driven, Pörings, 2003; Papafragou, 1996]. Процессы метонимизации открыли путь к пониманию многих процессов человеческого мышления. Поэтому изучение механизмов появления новых слов и новых значений слов по метонимическому типу позволяет пролить свет на проблемы организации незатронутых прежде фрагментов системы человеческого сознания.

Объектом настоящего исследования являются механизмы вторичного переноса, лежащие в основе номинации денег, а **предметом** являются слова, преимущественно имена существительные, в немецком, английском, русском и украинском языках, номинирующие деньги и значение которых основано на метонимическом переносе.

Актуальность данной работы обусловлена, с одной стороны, ведущей ролью когнитивной парадигмы в современной лингвистике, а с другой – недостаточной изученностью когнитивных основ формирования новых значений по метонимическому типу, а также необходимостью разработки системного подхода к изучению когнитивных метонимических моделей в номинации денег в сопоставительном аспекте.

Основная **цель** исследования состоит в установлении общего и отличительного в процессах метонимического наименования денег в сопоставляемых языках.

Для достижения поставленной цели в работе решаются такие **задачи**:

- описать метонимический переносы с точки зрения категориальной отнесенности и установить наиболее регулярные связи между категориальными сферами при вторичной номинации в немецком, английском, русском и украинском языках;
- выявить основные семантические модели метонимического переосмысления в
- установить особенности языковой реализации выявленных когнитивных метонимических моделей и механизмов в исследуемых языках.

2. Метонимия и ее основные модели в сфере номинации денег

Метонимия как фундаментальный прием познания является важным средством категоризации и концептуализации окружающей действительности и языковым отражением постоянно меняющейся картины мира. Метонимическая номинация денег наиболее активно затрагивает следующие категории: 1) Человек; 2) Природа (флора) и природные явления; 3) Артефакты; 4) Социальные отношения.

Основой метонимических переносов является базовая когнитивно-семантическая модель «часть – целое» [Материнська, 2012: 70].

Данная модель реализуется в ряде метонимических субмоделях, выражающих различные виды отношений: физические, пространственные, социальные, посессивные отношения и др. Сосуществование этих метонимических моделей и их системный характер свидетельствует об их закреплённости в человеческом языковом сознании. Такому закреплению способствовал и способствует комплекс мотивирующих принципов метонимического проецирования, которые в значительной мере обусловлены жизненным и культурным опытом данного языкового коллектива, его чувственным восприятием, приоритетностью (важностью) тех или иных свойств на фоне остальных (ср. превосходство одушевленного над неодушевленным, конкретного над абстрактным, типичного над нетипичным и пр.). Таким образом, метонимия предстает как универсальное свойство человеческого сознания, как процесс, инкорпорированный в обыденное мышление и имеющий очевидную опытную основу.

Рассмотрим детальнее типы метонимических отношений в сфере номинации денег.

2.1. Тип «Цвет – Наименование денег по цвету»

Данный тип метонимического переноса связывается традиционно в языковом сознании носителей немецкого, английского, русского и украинского языков с номинацией металлических монет и бумажных купюр по их цвету. Заметим, что еще в допетровской Руси золотую монету называли *червонный*, а *червонцами* вообще монеты, золото, деньги (от *червонный*, *ярко-красный*). Кроме того, в наименованиях дореволюционных денег выделяются лексемы, внутренняя форма которых также связывалась с цветовой гаммой: *красенькая / красная* '10 рублей', *серенькая / серенькая бумажка* '200 рублей', *желтенькая* (рубль), *синенькая / синица* '5 рублей', *беленькая* '25 рублей', *зеленькая* '3 рубля', *радужная бумажка / радужная* '100 рублей'. При этом некоторые наименования денег (*беленькая / красенькая / синяя ассигнация*) приобретают статус устойчивых сочетаний. Среди современных наименований денег также встречаются «цветовые» названия: *грiны / грини́* 'доллары США', *зеленые, червонец* '10 рублей; банкнота такого достоинства'. Появляются также наименования с явной негативной семантической окраской: *черная валюта* 'доходы в валюте, скрытые от налогообложения или полученные в результате незаконных операций', *черные деньги, черный нал.*

При этом металлические монеты ассоциируются с белым и рыжим (желтым) цветами, а также с серебряным блеском, ср.:

нем. *der Schnee* (букв. 'снег') жарг. 'деньги, серебряные монеты', *der Flins* бавар. австр. 'монета' (от *flinzen* 'блестеть');

англ. *snow* (букв. 'снег') 'металлические деньги', *white* (букв. 'белый') 'мелочь';

рус. *sapa / sapra / sapka / sармак* ‘монета’ (от тюрк. *sary* ‘желтый’), *рыжики* ‘золотые монеты’; *рыженькая / рыжий* ‘десяти-рублевая золотая монета’, *рыжая / рыжачок* ‘5-рублевая золотая монета’;

укр. *рижики, сармак, сармачило*.

Иногда, в эту палитру цветов включаются растения:

нем. *der Zimt* ‘корица’; жарг. ‘деньги’ (сходство с золотом).

Для номинации денежных купюр в сравниваемых языках используются зеленый, голубой и красный цвета в зависимости от номинала денег, ср.:

нем. *der Blauer* ‘купюра достоинством 100 марок’; ‘банкнота номиналом 1000 шиллингов’, *der Grüner* ‘банкнота в 20 марок’;

англ. *green* жарг. ‘деньги; бумажные банкноты’; *bluie / bluey* ‘купюра номиналом 5 фунтов’, *greeny* ‘купюра в 1 фунт’;

укр. *зеленуха* молод. ‘доллары США’, *зеленьки* молод., крим., шутл.-ирон. ‘доллары США’, *зелені* крим. ‘доллары США’.

2.2. Тип «Материал, из которого изготовлены деньги – Название денег по данному материалу»

По данному типу номинируются обычно металлические деньги. Метонимическое значение у слов этого типа развивается по модели «металл → изделие из этого металла» [Бирих, 1995: 76-77]. Эта метонимическая модель отмечается у названий металлов, из которых чеканились деньги (золото, серебро, медь). Ср. в русском языке: *медь* собир. разг. ‘мелкая разменная монета, отлитая из этого металла’; аналогично: *серебро* собир. ‘мелкая разменная монета из сплава, в который входит этот металл’. Многие из рассматриваемых номинатом носят шутливый, иронический характер, ср.:

нем. *die Silberlinge* ‘монеты номиналом от 50 пфеннигов до 5 марок’, *das Blech* (букв. ‘жесть’) жарг. шутл. ‘деньги (мелочь)’, *der Nickel* (букв. ‘никель’) ‘денежная монета’;

укр. *мідяк* разг. ‘медная монета’; *дерев'яні* шутл.-ирон., пренебр. ‘советские рубли’, *злот / злотий* ‘15 копеек’ (локальное наименование монеты на правобережной Украине);

англ. *caser* (от евр. *kesef* ‘серебро’) ‘монета номиналом пять шиллингов’.

2.3. Тип «Имя человека – Название денег этим именем»

Данный тип метонимического переноса связан с деятельностью исторических личностей (президентов, политиков, писателей), их изображением на денежных знаках, ср.:

англ. *Bradbury* ‘банкнота фунт стерлинг (получила свое название по имени секретаря казначейства Джона Брэдбери (1913-1919 гг.)’, *Fisher* ‘английская или любая другая монета (по имени постоянного секретаря казначейства с 1919 по 1939 гг. Уоррена Фишера

(Warren Fisher)'; *William* 'долларовая банкнота (игра слов: *bill* 'банкнота' и уменьшительная форма имени *Bill* от *William*)', *Joey* 'старая британская монета из сплава никеля и латуни достоинством три пенни (от собственного имени Джои)'; *dead Presidents* сленг. 'долларовые банкноты' (образован по принципу присутствия на каждой банкноте одного из президентов США);

нем. *die Marie* 'деньги' (возникло, очевидно, от названия талера, который курсировал во времена правления Марии-Терезы);

рус. *Катя/катеринка* 'банкнота достоинством в 100 рублей с изображением Екатерины II'; *Вашингтон* '1000-долларовая банкнота' (название произошло от имени первого американского президента Джорджа Вашингтона (George Washington), портрет которого изображен на этой банкноте); *дядя Володя* 'сторублевая купюра' (изображение В. И. Ленина);

укр. *Володимир* шутл. 'банкнота достоинством 1 гривня', *Грушевський* шутл. 'банкнота достоинством 50 гривень', *мазепка* шутл. 'банкнота 10 гривен', *Тарасик* молод. 'банкнота номиналом в 100 гривен', *Іван Якович Франко* 'купюра достоинством 20 гривен'.

2.4. Тип «Номинал денег – Название денег по номиналу»

Метонимическая номинация денег по величине номинала более продуктивна в славянских языках (укр. – 14; рус. – 10; нем. – 8; англ. – 4). В украинском языке данный метонимический тип особенно распространен с участием числительного «5» и его производных:

укр. *п'ятка* 'пятикопеечная монета', *п'ятчок* умен.-ласк. 'монета достоинством 5 копеек', *п'ятірка* разг. 'денежный знак или сумма раз мером 5 рублей (реже иной денежной суммы)', *п'ятсотка* разг. 'денежный знак достоинством 500 рублей'; *п'ятдесятка* разг. 'монета или денежная банкнота достоинством 50 рублей', *п'ятихатка* '500 рублей'.

Реже подобные лексические единицы встречаются в русском, немецком и английском разговорном языках:

рус. *пятиместка* крим. 'пятидесятирублевая купюра', *пятихатка* *зеленью* '500 долларов';

нем. *der Fünfer* 'монета в 5 пфеннигов/ марок';

англ. *finnip* (от нем. *fünf* 'пять') 'банкнота пять фунтов'.

Из английского языка путем транслитерации в русском появились жаргонные слова *тэн* (язык подр.) 'десять рублей' (от англ. *ten* 'десять'); *прайс* (молод.) 'деньги' (от англ. *price* 'цена'), *драйка* (крим.) 'трехрублевая купюра'.

В английском языке отмечена «онемеченная» лексическая единица *zwy* ‘монета в два шиллинга’ (← нем. *zwei* ‘два’).

В рассматриваемый метонимический тип вошли также:

рус. *стольник* (крим.) ‘сто рублей’; *декашка* (крим.) ‘десятирублевая купюра’, *сорокет* ‘40 тысяч / миллионов долларов’, *сорокушник* ‘40 тысяч / миллионов долларов’, *стольник* ‘сто рублей’;

укр. *шістка* (диал., уст.) ‘монета номиналом 6, позже 10 австр. крейцерай’, *сороківка* (уст.) ‘мелкая разменная монета достоинством 20 коп., или 40 крейцеров; денежный знак номиналом 40 рублей’, *сотня* (разг.) ‘100 рублей’; *восьмигривенник* ‘неофициальное название старой монеты достоинством 80 копеек’, *полтина* / *полтиник* ‘50 копеек’, *полушка* ‘¼ копейки’, *кусок* ‘тысяча рублей’, *четвертак* ‘25 гривень’;

нем. *der Zwilling* / *Zwoling* ‘монета достоинством в две марки’, *der Sechser* ‘монета достоинством в 5 пфеннигов’, *der Zwickel* ‘монета достоинством в две марки’, *der Tausende* ‘банкнота номиналом тысяча марок’, *der Zwanzige* ‘банкнота достоинством двадцать марок’, *der Hündi* ‘банкнота номиналом сто марок’;

англ. *oncer* ‘банкнота номиналом один фунт’, *single* ‘банкнота номиналом один доллар’.

2.5. Тип «Целое – Часть целого»

Особенностью данного типа метонимического переноса является сокращенное наименование денежной единицы по его первой букве, ср.:

нем. *die Em* ‘марка’ (по алфавитному произношению первой буквы в слове *M(ark)*), аналогично: *der Es* ‘шиллинг’ (по произношению первой буквы в слове *S(chilling)*);

англ. *gee* ‘тысяча долларов’ (по произношению начальной буквы в слове *Grand*).

В рассматриваемый тип относится украинский номен *лобанчик* (разг., уст.) ‘золотая монета, на которой изображена голова определенной особы’.

Партитивные отношения лежат также в основе следующих наименований денег :

рус. *кусок* ‘тысяча рублей’, *полкуска* (крим.) ‘пятьсот рублей’, аналогично: укр. *шматок* ‘тысяча рублей’, *півшматка* ‘пятьсот рублей’.

2.6. Тип «Целевое использование денег – Наименование денег по цели использования»

Данный метонимический тип охватывает лексемы, в основу номинации которых положено одно из целевых использований денежных знаков – оплата взяткодателем должностного лица за его определенные действия (услуги) в интересах первого, ср.:

нем. *die Schmiere* ‘взятка’, *die Schmierage* ‘взятка; деньги, предназначенные для взятки’, *der Händedruck* ‘плата за услуги’;

англ. *dropsy* ‘деньги, особенно в качестве чаевых или взятки’ (от *to drop* ‘всунуть деньги кому-н. в руку’), *payola* ‘взятка или иная тайная оплата с целью заставить кого-л. повлиять на рекламу коммерческого продукта’;

рус. *подмазка* (крим.) ‘взятка’ (от *подмазать кого-л.* прост. ‘дать кому-н. взятку’).

2.7. Тип «Название страны (района, местности), где курсирует денежная единица – Наименование денег по данной стране (району, местности)»

У лексем данного типа в качестве номинативно-мотивирующего признака выступает локативное свойство – название гор Альпы, которое метонимически замещает название стран (Швейцарию, Австрию), в которых курсирует данный денежный знак, ср.:

нем. *der Alpenrubel* (букв. ‘альпийский рубль’) ‘швейцарский франк’, *der Alpen-Dollar* (букв. ‘альпийский доллар’) ‘австрийский шиллинг’, *der Bundespiaster* (букв. ‘федеральный пиастр’) австр. ‘монета в 1 шиллинг (собственно название разменной монеты в Турции и др. странах).

3. Выводы. Номинация денег в немецком, английском, русском и украинском разговорном языках происходит в целом по универсальным метонимическим моделям, отражающим когнитивные процессы человеческого познания окружающей действительности. Опираясь на базовый принцип метонимии «целое – часть целого», языковое сознание немцев, англичан, русских и украинцев избирает для номинации *денег* признаки, связанные прежде всего с наглядно-чувственным опытом (цвет, материал) и с ментальным (знания географии, истории, арифметики). Вместе с тем номинация денег несет на себе и отпечаток социальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басиров Ш. Р. Метафоричні моделі у сфері дієслів розуміння германських і слов'янських мов // Одеський лінгвістичний вісник: зб. наук. праць / гол. ред. Н. В. Петлюченко. Одеса: Фенікс, 2014. Вип. 2. С. 3-9.
2. Басиров Ш. Р., Яненко І. В. Квіткові метафори та метонімії (на матеріалі германських, романських і слов'янських мов) // Проблеми зіставної семантики: зб. наук. ст. / відп. ред. А. В. Корольова. К.: Вид. центр КНЛУ, 2013. Вип. 11. С. 51-59.
3. Бирих А. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты. München – Berlin – Washington D.S.: Verlag Otto Sagner, 1995. 195 с. (Slavistische Beiträge. Bd. 326.)
4. Материнська О. В. Меронімічні відношення в лексичній системі німецької та англійської мов // Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 8. Донецьк: Донбас, 2012. 360с.
5. Driven R., Pörings R. Methaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter, 2003. 605 p.
6. Papafragou A. On metonymy // *Lingua*. 1996. Vol. 99. Pp. 169-195.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2014) Metaforychni modeli u sferi diiesliv rozuminnya germanskykh i slovyanskykh mov [Metaphorical models of mental verbs in Germanic and Slavic languages]. In N. V. Petlyuchenko (ed.) *Odeskyi lingvistychnyy visnyk*. Odesa: Feniks. No 2. Pp. 3-9. (In Ukr.).
2. Basyrov, Sh. R., Yanenko, I. V. (2013) Kvitkovi metafory ta metonimii (na materialii germanskykh, romanskykh i slovyanskykh mov) [Flower metaphors and metonymies (in Germanic, Romance and Slavic languages)]. In A. V. Koroleva (ed.) *Problemy zistavnoi semantyky*. Kyiv: Vyd. centr KNLU. No 11. Pp. 51-59. (In Ukr.).
3. Birikh, A. (1995) *Metonimiya v sovremennom rusском yazyke: semanticheskiy i grammaticheskiy aspekty* [Metonymy in modern Russian: semantic and grammatical aspects]. München – Berlin – Washington D.S.: Verlag Otto Sagner. (Slavistische Beiträge. Bd. 326.) (In Russ.).
4. Materynska, O. V. (2012) Meronimychni vidnoshennya v leksychniy systemi nimetskoj ta angliyskoj mov [Meronymic relations in the lexical system of German and English]. In V. D. Kaliušchenko (ed.) *Typologichni, zistavni, diahronichni doslidzhennya*. Donetsk: Donbas. Vol. 8. (In Ukr.).
5. Driven, R. Pörings, R. (2003) *Methaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter.
6. Papafragou, A. (1996) On metonymy. In *Lingua*. Vol. 99. Pp. 169-195.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 17 июня 2016 г.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ-СВЯЗКОЙ *MAKE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ГЛАГОЛАМИ-СВЯЗКАМИ *РОБИТИ* И *ПРИМУШУВАТИ* В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье представлены результаты сопоставительного анализа каузативных конструкций с глаголом-связкой *make* в английском языке и глаголами-связками *робити* и *примушувати* в украинском языке. Выявлены сходные и отличные черты реализации исследуемыми глаголами каузативных связей. Установлены 9 семантических типов каузативных конструкций с этими глаголами. Английский глагол *make* представлен большим количеством семантических типов, чем украинские глаголы *робити* и *примушувати*. Отмечено отсутствие семантического типа, свойственного всем трем глаголам одновременно.*

Ключевые слова: категория каузативности, каузативная конструкция, глагол-связка, семантический тип, английский язык, украинский язык.

COMPARATIVE DESCRIPTION OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE LINK-VERB *MAKE* IN ENGLISH AND THE LINK-VERBS *РОБИТИ* AND *ПРИМУШУВАТИ* IN UKRAINIAN

*The article deals with the results of the contrastive analysis of causative constructions with the link-verb *make* in English and the link-verb *робити* and *примушувати* in Ukrainian. Convergent and divergent features of the realization by the verbs under consideration of causative relations are singled out. Nine semantic types of causative constructions with these verbs are considered. The English verb *make* expresses more semantic types than the Ukrainian verbs *робити* and *примушувати*. No similar semantic types for the verbs in question have been observed.*

Key-words: category of causativity, causative construction, link-verb, semantic type, English, Ukrainian.

1. Вводные замечания

1.1. Каузативность или причинность определяется как семантическая категория, которая указывает на события или явления, которые порождают другие события или явления. Каузативные значения или значения причины включают в себя такие разновидности, как причина-препятствие, причина-результат, императивная причина или причина-благоприятствование, повод и т.д.

Под каузацией вслед за Г. Е. Корниловым, А. А. Холодовичем, В. С. Храковским понимается все то, что «можно описать словами «делать так, чтобы ...» (кто-то читал, был коротким, что-то падало, ломалось – так сказать, реальная каузация = делать чем-то на

самом деле) или словами «считать кого-л. или что-л., например, хорошим, плохим...» (так сказать, идеальная каузация = делать чем-то только в мыслях)» [Корнилов, Холодович, Харковский, 1969: 238-259].

Под каузативной конструкцией (далее КК) понимается любая конструкция, выражающая каузативную ситуацию. В. П. Недялков выделяет следующие три типа элементов синтаксического окружения каузатива (V_1). Эти элементы относятся к существительным, местоимениям или определенным придаточным предложениям [Недялков, 1971: 9]:

1) субъектом (Сб) условно называется тот элемент КК, который является подлежащим при V_1 в личной неимперативной форме или тем словом при V_1 в неличной или императивной форме, которое выступает подлежащим, если V_1 преобразуется в личную неимперативную форму. Сб может быть: одушевленным (СБ *од*), неодушевленным (СБ *нд*), конкретным (СБ *кон*), отвлеченным (СБ *отв*);

2) объектом (Об) условно именуется дополнение, управляемое V при каузативном глаголе-связке, например: *lassen, let, make* и т.д.

3) агенсом (Аг) условно называется дополнение, редко – обстоятельство (или нечто промежуточное), обозначающее субъект каузируемого действия. Аг может быть: аккузативным (АГ *акк*), предложным (АГ *пред*), нулевым (АГ 0).

Константным является компонент ОК (отношение каузации). Антецедент и консеквент могут быть факультативными: *Нет, ты не попросил уйти, – ты заставил*. В данном случае в каузативной конструкции ‘*ты заставил*’ представлен только консеквент. В случае отсутствия одного из элементов (консеквента или антецедента) КК называется эллиптической. В указанном примере обязательным компонентом будет ‘*заставил*’, т.к. именно каузативный глагол играет в КК решающую роль, относя конструкцию к разряду каузативных.

Каузативная конструкция *Твой поступок заставил его уйти* является неэллиптической, поскольку в ней представлены и антецедент и консеквент. Предметом антецедента (r_1) является ‘*твой*’, каузирующее состояние (s_1) – ‘*поступок*’. В составе консеквента можно выделить предмет консеквента (r_2) ‘*его*’ и каузируемое состояние (s_2) ‘*уйти*’.

Таким образом, полная формула КС выглядит следующим образом [Недялков, Сильницкий, 1969: 6-7]:

ОК

$$КС = (r_1s_1) \rightarrow (r_2s_2), \text{ где:}$$

КС – каузативная ситуация, r_1 – предмет антецедента, s_1 – каузирующее состояние, r_2 – предмет консеквента, s_2 – каузируемое состояние, ОК – отношение каузации. Глагольная каузативная связка является и семантическим, и грамматическим ядром КК.

Категория каузативности может выражаться различными средствами: 1) лексическими (каузативные глаголы), 2) морфологическими (аффиксы), 3) синтаксическими (каузативные конструкции). В современном украинском и английском языках зафиксированы все виды средств выражения каузативности, например: 1) *вбивати / kill*, 2) *з+несилити / en+large*, 3) *Ти робиш мені боляче / You make me feel sorry*.

Анализ литературы по проблеме исследования свидетельствует о разработанности методологической основы и терминологического аппарата [Недялков, 1971; Недялков, Сильницкий, 1969] для изучения категории каузативности на материале разных языков. Глагольная каузативная семантика рассматривается, в основном, в рамках морфологического каузатива и аналитического каузатива. Каузативные глаголы-связки, являясь служебными глаголами, выражающими каузативность лишь в определенных контекстах, являются наименее исследованными из всех средств выражения каузативности.

Корпус каузативных глаголов-связок в исследуемых английском и украинском языках немногочисленен. В английском языке наиболее частотными являются *make, let, get, have*, их эквиваленты в украинском языке – *робити, дозволяти, примушувати, давати*.

1.2. Объектом исследования являются конструкции с каузативными связочными глаголами *робити, примушувати* и *make*. Предметом исследования – особенности семантических типов каузативных конструкций с этими глаголами-связками. Методологической основой исследования послужили идеи В. П. Недялкова, Г. Г. Сильницкого, А. А. Холодовича, В. С. Храковского, В. Крофта, Б. Комри относительно грамматических конструкций, выражающих различные значения категории каузативности [Калиущенко, 1994; Недялков, 1971; Недялков, Сильницкий, 1969; Типология каузативных конструкции ..., 1969; Храковский, 1981; Croft, 2003; Comrie, 1985].

1.3. Материал исследования составили полученные методом сплошной выборки из произведений англоязычной и украинской художественной литературы XX века 150 примеров с конструкциями с каузативным глаголом-связкой *make* в английском языке, 150 примеров с конструкциями с каузативным глаголом-связкой *робити* и 150 примеров с конструкциями с каузативным глаголом-связкой *примушувати* в украинском языке.

2. Основные результаты исследования

Общее количество семантических типов с анализируемыми глаголами в английском и украинском языках составило 9. Ни один из зафиксированных типов не является общим для КК с глаголами-связками *make, робити, примушувати*.

2.1. Семантические типы КК с глаголом *to make*. Семантическая классификация КК с глаголом *to make* включает 5 типов (см. табл. 1).

Таблица 1. Семантическая классификация КК с каузативным глаголом *make*

Тип КК	Количество	%
1. Ag каузирует Sit	40	26,7
2. Ag каузирует Sit ₁ быть Sit ₂	15	10
3. Ag каузирует Pat иметь признак, умение	15	10
4. Ag каузирует Pat совершить действие V независимо от его желания	42	28
5. Stim каузирует Pat изменить состояние	38	25,3
Всего	150	100

2.1.1. Первый тип представлен в количестве 40 КК (26,7%) со значением, которое можно описать формулой толкования (ФТ) «Ag каузирует Sit», например: *The long-enduring people had determined to make their protest felt* ‘Люди, которым пришлось так долго терпеть, были настроены сделать так, чтобы их протест был замечен’ [O’Henry, 2003: 236].

2.1.2. Второй тип представлен 15 КК (10%) со значением, которое можно описать ФТ «Ag каузирует Sit₁быть Sit₂» (см. табл.), например: *He is the person who can make order out of mess*. ‘Он человек, который может неразбериху превратить в порядок’ [Doyle, 2003: 488].

2.1.3. Третий тип был отмечен у 15 КК (15%) в английском языке. Их можно описать ФТ «Ag каузирует Pat иметь признак, умение». Например: »*We’ll make a good Republican out of you yet,*« *said Judge Blount*. ‘Мы еще сделаем из тебя хорошего республиканца, – сказал судья Блаунт’ [London, 2003: 482].

2.1.4. Четвертый тип, выделенный только в английском языке, представлен 42 КК (28%), имеющими значение, которое можно представить в виде ФТ «Ag каузирует Pat совершить действие V независимо от его желания», например: “*It is such women as you that strew this degraded coast with wretched exiles, that make men forget their trusts.*” ‘Именно такие женщины, как Вы, усеивают это выродившееся побережье несчастными изгнанниками и заставляют мужчин забывать свои обязательства’ [O’Henry, 2003: 23].

2.1.5. Пятый тип также находит выражение только в английском языке. Примеры этого типа насчитывают 48 КК (32%), которые можно описать ФТ «Stim каузирует O изменить свое состояние», например: “*And dreaming there by the Yukon bank, with lazy eyes blinking at the fire, these sounds and sights of another world would make the hair to rise along his back...*” ‘И, когда он мечтал на берегах Юкона, лениво моргая и глядя на огонь, звуки и образы другого мира заставляли его шерсть вздыматься на спине...’ [London, 2003: 42].

2.2. Семантические типы КК с глаголом *робити*

Семантическая классификация КК с глаголом *робити* включает 4 типа (см. табл. 2).

Таблица 2. Семантическая классификация КК с каузативным глаголом *робити*

Тип КК	Количество	%
1. Ag каузирует у Pat состояние, положение	95	63,4
2. Ag каузирует Sit ₁ быть Sit ₂	45	30
3. Ag каузирует Pat иметь признак, умение	5	3,3
4. Ag каузирует негативное действие V по отношению к Pat	5	3,3
Всего	150	100

2.2.1. Первый тип насчитывает 95 КК (63,4%), которые можно описать ФТ «Ag каузирует у Pat состояние, положение V»: «*Батько ... не хотів зробити тобі боляче*» [Загребельный: 30].

2.2.2. Второй тип представлен в украинском языке 45 КК (30%) со значением, которое можно описать ФТ «Ag каузирует Sit₁ быть Sit₂» (см. табл.), например: «– *Не думаю, – сказала тьотя Клава. – Моя племінниця дуже розумна людина із пустака не буде робити трагедії*» [Хвильовий: 18].

2.2.3. Третий тип представлен 5 КК (3,3%). Их можно описать ФТ «Ag каузирует Pat иметь признак, умение». Например: *Мій батько, директор школи, викладає все життя хімію. Мені теж хочуть зробити хіміком. Два роки вже на хімію витрачено* [Загребельный: 27].

2.2.4. Четвертый тип также представлен 5 КК (3,3%), имеющими значение, которое можно интерпретировать ФТ «Ag каузирует негативное действие V по отношению к Pat», например: *Кланялась і прохала, щоб не робили кривди дитині* [Коцюбинський: 32].

2.3. Семантические типы КК с глаголом *примушувати*

Семантическая классификация КК с глаголом *примушувати* включает 3 типа (см. табл. 3).

Таблица 3. Семантическая классификация КК с каузативным глаголом *примушувати*

Тип КК	Количество	%
1. Ag каузирует Pat выполнить V независимо от его желания	89	59,3
2. Ag каузирует себя выполнить V независимо от своего желания	40	26,7
3. Sit каузирует Pat выполнить V	26	14
Всего	150	100

2.3.1. Первый тип представлен 83 КК (55,3%) со значением, которое можно описать формулой толкования (ФТ) «Ag каузирует Pat выполнить V независимо от его желания», например: *Мій цинізм примушує тебе й інших звертати на мене увагу, мені ж цього й*

треба. [Хвильовий: 42]; «*Лікар, – хоч я сказав йому, що здоровий, – однаково примусив мене роздягтися і тільки після огляду дав папірця*» [Загребельний: 36].

2.3.2. КК второго типа насчитывают 40 КК (26,7%). Их значение можно описать ФТ «Ag каузирует себя выполнить V независимо от своего желания», например: *Отак поступово ти входив у дійсність, ... оцінивши з вікна той самий лажовий пейзаж із тими самими тополями і тьмяно-дощовими тяжкими хмарами, змушуєш себе до силових вправ – раз, два – аж поки не заболять м'язи...* [Андрухович: 1-2].

2.3.3. Третий тип представлен 26 КК (14%), имеющими значение, которое можно представить в виде ФТ «Sit каузирует Pat выполнить V», например: *Величні і водночас розгнівані переливи тромбонів та валторн змусили тебе відповісти палко й сердито...* [Андрухович: 53-54]; *Промерзле листопадове повітря затопило кімнату, змусивши тебе чухатися і тремтіти від холоду* [Андрухович: 9].

3. Выводы

3.1. Сопоставительное исследование КК с каузативными глаголами-связками в английском и украинском языках выявило сходные и отличительные черты реализации ими каузативных связей.

3.2. Зафиксировано частичное совпадение семантики исследуемых каузативных глаголов-связок:

– тип 1 глагола *примушувати* и тип 4 глагола *take*, который описывается ФТ «Ag каузирует Pat выполнить V независимо от его желания»;

– тип 2 глагола *робити* и тип 2 глагола *take*, который можно описать ФТ «Ag каузирует Sit₁ быть Sit₂»;

– тип 3 глагола *робити* и тип 3 глагола *take*, который описывается ФТ «Ag каузирует Pat иметь признак, умение».

3.3. Анализ КК с глаголами-связками *take*, *робити* и *примушувати* позволил установить 9 семантических типов КК с этими глаголами. При этом английский *take* представлен большим количеством семантических типов, чем украинские *робити* и *примушувати*: 5, 4 и 3 типами соответственно.

3.4. Наиболее частотными в английском языке являются типы 4 и 1, а в украинском – типы 4 (у глагола *примушувати*) и 8 (у глагола *робити*).

3.5. Отмечено отсутствие семантического типа, свойственного всем трем глаголам одновременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калиущенко В. Д. Типология отыменных глаголов. Донецк, 1994. 422 с.
2. Корнилов Г. Е., Холодович А. А., Храковский В. С. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодовича. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 238–259.
3. Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1971. 179 с.
4. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодовича. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 20–50.
5. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодовича. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. 312 с.
6. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1979. 304 с.
7. Храковский В. С. Семантика и синтаксис конструкций с предикативными актантами. Л., 1981. 281 с.
8. Croft W. Typology and Universals. 2nd edition. New York: Cambridge University Press, 2003. 340 p.
9. Comrie B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Language Typology and Linguistic Description. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon / ed. Tim Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 309–348.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Андрухович Ю. І. Московіада. Доступ: <http://chtyvo.org.ua/authors/Andrukhovych/Moskoviada.txt>. (дата обращения: 27.10.2015).
2. Загребельний П. А. Дума про невмирущого. Доступ: http://chtyvo.org.ua/authors/Zahrebelnyi/Duma_pro_nevmyruschoho.fb2. (дата обращения: 27.10.2015).
3. Загребельний П. А. Переходимо до любові. Доступ: http://chtyvo.org.ua/authors/Zahrebelnyi/Perehodymo_do_liubovi.rtf. (дата обращения: 27.10.2015).
4. Коцюбинський М. М. Фата моргана. Доступ: http://chtyvo.org.ua/authors/Kotsiubynskyi/Fata_morgana.txt. (дата обращения: 27.10.2015).
5. Хвильовий М. Г. Вальдшнепи. Доступ: <http://chtyvo.org.ua/authors/Khvyloyi/Valdshnery.txt>. (дата обращения: 27.10.2015).
6. Doyle A.C. The Hound of Baskervilles // English and American Literature / CD-ROM. P. 4. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
7. Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
8. Henry O. The Four Million // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.
9. London J. The Call of the Wild // English and American Literature / CD-ROM. P. 8. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003.

REFERENCES

1. Kaliuščenko, V. D. (1994). Tipologiya otymennykh glagolov [Typology of denominative verbs]. Donetsk. (In Russ.).
2. Kornilov, G. E., Kholodovich, A. A., Khrakovskiy, V. S. (1969). Kauzativy i antikauzativy v chuvashskom yazyke [Causatives and noncausatives in Chuvash]

In A. A. Kholodovicha (ed.) *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskii kauzativ*. Leningrad. Pp. 238-259. (In Russ.).

3. Nedjalkov, V. P. (1971). *Kauzativnye konstruksii v nemetskom yazyke* [Causative constructions in German]. Leningrad. (In Russ.).

4. Nedjalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya morfologicheskogo i leksicheskogo kauzativov* [Typology of morphological and lexical causatives]. In A. A. Kholodovich (ed.) *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskii kauzativ*. Leningrad. (In Russ.).

5. Kholodovich, A. A. (ed.) (1969). *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskii kauzativ*. [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad. (In Russ.).

6. Kholodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoy teorii* [Issues of grammatical theory]. Leningrad. (In Russ.).

7. Khrakovskiy, V. S. (ed.) (1981). *Semantika i sintaksis konstruksiy s predikativnymi aktantami* [Semantics and syntax of constructions with predicative actants]. Leningrad. (In Russ.).

8. Croft, W. (2003). *Typology and Universals*. 2nd ed. New York: Cambridge University Press.

9. Comrie, B. (1985). Causative verb formation and other verb-deriving morphology. In *Language Typology and Linguistic Description*. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon, ed. Tim Shopen. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 309-348.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Andrukhovych, Yu. I. *Moskoviada* [Moskoviada]. Available at: <http://chtyvo.org.ua/authors/Andrukhovych/Moskoviada.txt> (accessed: 27.10.2015). (In Ukr.).

2. Zagrebelnyy, P. A. *Duma pro nevmirushchogo* [Thinking About Eternity]. Available at: http://chtyvo.org.ua/authors/Zagrebelnyi/Duma_pro_nevmiruschoho.fb2. (accessed: 27.10.2015). (In Ukr.).

3. Zagrebelnyy, P. A. *Perekhodymo do lyubovi* [Let's come to love]. Available at: http://chtyvo.org.ua/authors/Zagrebelnyi/Perekhodymo_do_lyubovi.rtf (accessed: 27.10.2015). (In Ukr.).

4. Kotsyubynskyy, M. M. *Fata morgana* [Fata morgana]. Available at: http://chtyvo.org.ua/authors/Kotsiubynskiy/Fata_morgana.txt (accessed: 27.10.2015). (In Ukr.).

5. Khvylovyi, M. G. *Valdshnepy* [Woodcocks]. Available at: <http://chtyvo.org.ua/authors/Khvyloyi/Valdshnepy.txt>. (accessed: 27.10.2015). (In Ukr.).

6. Doyle, A. C. (2003). The Hound of Baskervilles. In *English and American Literature / CD-ROM*. P. 4. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.

7. Henry, O. (2003). Cabbages and Kings. In *English and American Literature / CD-ROM*. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.

8. Henry, O. (2003). The Four Million. In *English and American Literature / CD-ROM*. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.

9. London, J. (2003). The Call of the Wild. In *English and American Literature / CD-ROM*. P. 8. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.

Бессонов Никита Юрьевич – преподаватель
кафедры теории и практики перевода
(e-mail: nikitabessonov@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Byessonov Nikita Y. – Lecturer of Theory and
Practice of Translation Department
(e-mail: nikitabessonov@mail.ru),
State Educational Institution of Higher Professional
Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 15 июня 2016 г.

ГЛАГОЛЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ЭТНОНИМАМИ, В НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются деэтнонимические глагольные дериваты, то есть глаголы, мотивированные этнонимами, на материале немецкого, русского и украинского языков. На основе сопоставительного анализа в исследуемых языках выделяются семантические типы глаголов, образованных от этнонимов. Наличие или отсутствия коннотативных признаков этнонимов позволяет распределить все исследуемые глаголы на две группы – ксенонимические и нексенонимические.

Ключевые слова: *деэтнонимические глагольные дериваты, этноним, отыменные глаголы, семантическая классификация, мотивирующая связь, формула толкования, атрибут, коннотация, ксенонимические и нексенонимические глаголы.*

© 2016 V. D. Kaliuščenko

VERBS MOTIVATED BY ETHNONYMS IN GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

The paper focuses on de-ethnonymic verbal derivatives (DVD), i.e. the derivatives formed from ethnonyms in the German, Russian and Ukrainian languages. The study is aimed at classifying DVDs into semantic types regarding motivation by the ethnonyms they are derived from.

As a result of the contrastive analysis of de-ethnonymic verbal derivatives in the studied languages semantic classification of such lexemes has been composed; two groups of de-ethnonymic verbs in terms of their connotation (xenonymic and non-xenonymic) have been singled out; correlations between a word-building model, the type of a motivating link and an ethnonym have been described.

Key words: *de-ethnonymic verbal derivative, ethnonym, denominative verb, semantic classification, motivating link, interpretation formula, attribute, connotation, xenonymic and non-xenonymic verbs.*

*und wer franzet oder britten,
italiänert oder teutschet,
einer will nur wie der andre
was die eigenliebe heischet*
J. W. Goethe

Буквально:

*и кто французит или британит,
итальянит или немечит...*

1. Эти строки иллюстрируют в словаре Я. и В. Гриммов [Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm, 1960] значение глагола *deutschen* – *sich wie ein deutscher anstellen, deutsches wesen annehmen* 'вести себя как немец, перенимать характерные черты немца'.

Деэтнонимические глагольные дериваты (ДГД) – это глаголы, образованные от этнонимов – наименований лиц по их национальной или этнической принадлежности.

Так, в приведенном эпитафе деэтнонимическими являются окказиональные глаголы *franzosen, britten, italiänern* и *teutschen = deutschen* – узуальное, но устаревшее, не зафиксированное в словарях современного немецкого языка *deutschen*.

Целью работы является семантическая классификация ДГД по типам мотивирующей связи с этнонимами, от которых они образованы. Мотивирующее отношение устанавливается при помощи перифразы ДГД.

Перифраза представляет собой высказывание с элементами семантического языка, синонимичное ДГД, она содержит исходный этноним и глагол или глагольную группу [Апресян, 1974: 512], которые раскрывают мотивационные отношения между этнонимом и ДГД, например, в русском языке: *немец* → *онемечить* разговорное ‘сделать похожим на немца по языку, обычаям, культуре’. Некоторое количество глаголов можно объединить в один тип на основе формулы толкования (ФТ), что в обобщенном виде репрезентирует семантику ряда ДГД. Например, русские ДГД *русифицировать, украинизировать, американизировать, германизировать*, а также *онемечить, офранцузить* могут быть описаны при помощи ФТ «X меняет Y, уподобляя его Z-ам по языку, культуре, обычаям», где X – обычно государство, политические учреждения, органы власти и т.д. Y – определенный этнос или его отдельный представитель (представители), который живет в государстве X-а или на другой территории, которая как правило находится под влиянием X-а; Z – представитель этноса X-а.

2. В немецком, украинском, русском языках количество ДГД незначительное: в немецком языке зафиксировано 14 ДГД, в русском – 14, в украинском – 12. Характерно, что во всех трех языках представлены ДГД от этнонимов *американец, немец, русский, цыган*.

Только в немецком и русском языках выявлены ДГД от этнонима *француз*. Только в украинском и русском – ДГД от этнонима *поляк*.

3. В указанных трех языках установлены такие семантические типы ДГД:

3.1. «X ведет себя как Y», где Y – представитель (представители) этноса, для которого типичным является именно такое поведение, например: *цыган* → *цыганить* разг. 1) выпрашивать, выманивать что-нибудь; канючить; 2) устарелое, в свадебном обряде ходить по домам переодетыми в цыган и т.д. и выпрашивать разные вещи, чтобы обменять их на водку; 3) обманывать, мошенничать [Словарь русского языка, 1999]. Значение ДГД может не совпадать в разных языках, очевидно, для номинации в этих случаях выбираются разные признаки, которые ассоциируются с поведением представителей данного этноса, ср. в русском языке ДГД *цыганить* имеет 2 значения, а в немецком языке при помощи этого ДГД выделяется только один признак: *der Zigeuner* ‘цыган’ → *zigeunern* – *unstet umherziehen, vagabundieren* ‘постоянно передвигаться, переезжать с места на

место, кочевать', в украинском – 3 признака (см. выше).

3.2. «X говорит как Y», где X – лицо, как правило, представитель этноса Y, который выявляет в речи типичные черты языка, диалекта Y, например: нем. *der Sachse* 'саксонец' → *sächseln – sächsische Mundart, ein sächsisch gefärbtes Deutsch sprechen* 'говорить на саксонском диалекте, на немецком языке с особенностями саксонского диалекта', ср. также: *der Thüringer* 'тюрингец' → *thüringeln* [Калиущенко, 1980: 31]. В украинском и русском языках не зафиксировано примеров ДГД с подобным значением. Типологически продуктивными являются ДГД со значением «X говорит на языке Y-а/ов», ср., например, в тунгусо-маньчжурских языках: в маньчжурском: *маньчжу* 'маньчжур' → *маньчжура-* 'говорить на маньчжурском' [Суник, 1962: 95], в хакасском: *орыс* 'росиянин' → *орыста-* 'говорить на русском' [Баскаков 1975: 164], в алгонкинских языках (северно-американских индейцев), в языке оджибва (индейские языки): *aniššina:pe:* 'индеец' → *aniššina:pe:mo:* 'говорить на языке индейцев' [Ojibwa Lexicon, 1983], в языке юрок: *tolowel* 'индеец Толова' → *tolowec* 'говорить на языке толова' [The Yurok Language, 1958].

3.3. «X имитирует, подражает Y-а/ов», где X – лицо, которое, как правило, не принадлежит к этносу Y-а, например, в немецком языке: *der Amerikaner* 'американец' → *amerikanern* разговорное: 'вести себя как американец, выдавать себя за американца', *der Franzose* 'француз' → *französeln – abwertend: in übertriebener Weise alles Französische nachahmen* – негативное 'преувеличено подражать всему французскому'. Названные выше ДГД этого типа выявлены только в немецком языке.

3.4. «X меняется, усваивая обычаи, язык, культуру этноса Y», где X – представитель другого этноса, например, в русском языке: *француз* → *офранцузиться*, *немец* → *онемечиться*, *русский* → *обрусеть*, то есть 'стать похожим на француза, немца'; в украинском языке: *обрусити*, *ополячитися* 'стать русским, поляком по языку, обычаям, культуре'; в немецком языке: *der Russe* 'русский' → *verrussen* 'обрусеть'.

3.5. «X меняет Y-а/ов, уподобляя его Z-оа/ам по языку, культуре, обычаям», ср. приведенные выше примеры русских ДГД этого типа, а также ДГД в немецком языке: *der Amerikaner* → *amerikanisieren – der amerikanischen Sprache* (именно так фиксирует значение словарь – американский язык) *oder den amerikanischen Verhältnissen angleichen* – 'уподобить кого-нибудь по языку американцев, по их образу жизни'; *der Russe* 'росиянин' → *russifizieren, verrussen – an die Sprache, die Sitten und das Wesen der Russen angleichen* – 'уподобить к русским по языку, обычаями, характеру'; *der Deutsche* → *eindeutschen – deutsch machen, zu einem Deutschen machen* – 'сделать немецким, сделать

немцем»; *Man hatte die beiden alten Leutchen eingedeutscht. Sie waren keine Polen mehr* – ‘Обоих стариков онемечили. Они больше не были поляками’ [Grass, 1959].

3.6. «X выявляет определенные качества, черты характера, свойства, присущие Y-у/ам», где X – лицо, которое относится или не относится к тому же этносу, что и Y. Примеры таких ДГД выявлены только в немецком языке: *der Deutsche* ‘немец’ → *deutsheln* ироничное ‘выставлять напоказ свою немецкую добродетель’.

4. Анализ типов ДГД позволяет сделать вывод, что в трех исследуемых языках все они могут быть отнесены к так называемым атрибутивным отыменным глаголам [см. Kaliuščenko, 2000], поскольку этноним в толкованиях ДГД во всех случаях выполняет семантическую функцию «атрибут», то есть называет признак субъекта X или объекта Y (см. приведенные выше ФТ глаголов).

Обращение к типологическим данным показывает, что типы ДГД в трех языках не исчерпывают возможных видов семантических связей между этнонимами и образованными от них ДГД. Так, например, в неиндоевропейских языках имеющиеся ДГД со значениями: «X является Y по национальности», ср. в языке юрок: *aniššina:pe:* ‘индеец’ → *aniššina:pe:wi-* ‘быть индейцем’; «X идет, следует к Y», например, в эвенском языке *нючи* ‘русский’ → *нючима-* ‘пойти к русскому’, *нёка* ‘якут’ → *нёками* ‘пойти к якуту’ [Цинциус, 1947: 169].

5. Важным аспектом при изучении ДГД является то, что все они могут быть разделены на две группы: 1) ДГД, которые представляют собой образования ксенонимического типа: «Ксенонимы – слова и фразеологические единицы, которые возникают в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированы обобщенным представлением о чужих народах и землях. Эти представления содержат оценку, которая чаще всего является негативной» [Березович 2008: 46]; 2) нексенонимические ДГД.

ДГД ксенонимического типа в группах 3.1. – 3.4. и 3.6. мотивированы коннотативными признаками этнонимов, они обозначают действия, которые рассматриваются носителями данного языка как неправильные, такие, что ставят субъект или объект в смешное, вредное или унижительное положение, ср. примеры в соответствующих 3.1. – 3.4. и 3.6.

Характерной чертой исследуемых глаголов является то, что одинаковая словообразовательная модель и одна и та же мотивирующая связь при образовании ДГД не всегда приводят к изоморфизму значений ДГД. Так, авторы большого словаря современного украинского языка рассматривают украинизацию в качестве положительного явления, а русификацию – в качестве отрицательного. ДГД *українізувати* толкуется как не

ксеноним 'проводить украинизацию' (согласно словарю *українізація* – 'впровадження української культури, мови, звичаїв', 'введение украинской культуры, языка, обычаев'), а ДГД *русифікувати* – толкуется как ксеноним 'поддавать русификации' (*русифікація* – 'насилъницьке впровадження російської культури, мови, звичаїв', 'насильственное введение русской культуры, языка, обычаев'). Различная трактовка глаголов, образованных по одной модели, определяется в данном случае позицией авторов словаря [Великий тлумачний словник сучасної української мови, 2001].

6. Выводы

6.1. ДГД составляют небольшое количество от общего числа отыменных глаголов немецкого, русского и украинского языков (см. 1).

6.2. В указанных языках выделены 6 основных типов ДГД на основании мотивирующей связи последних с этнонимами, от которых они образованы (см. 3) .

6.3. Указанные шесть типов не исчерпывают всех возможных видов мотивирующей связи между этнонимами и ДГД. Привлечение типологических данных свидетельствует о наличии типов ДГД, которые не представлены в анализируемых языках (см. 4).

6.4. Все ДГД распределяются на 2 группы: 1) ксенонимические ДГД; и 2) нексенонимические ДГД (см. 5). Большинство ДГД в исследуемых языках принадлежит к первой группе (см. 5).

6.5. Тождество словообразовательной модели, мотивирующей связи и этнонимов не всегда приводит к изоморфным значениям (см. 5).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 367 с.
2. Баскаков Н. А. Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. 420 с.
3. Березович Е. А. Славянская ксенонимия и типология мотивационных параллелей // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов, Охрид, 10-16 сентября 2008 г.: доклад российской делегации. Москва – Индрик, 2008. С. 45-68.
4. Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.
5. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ленинград: Учпедиз, 1947. – 270 с.
6. Grass G. Die Blechtrommel. Berlin, 1959. 281 s.
7. Kaliuščenko V. D. Deutsche denominale Verben // Studien zur deutschen Gramatik. Tübingen: Narr, 1988. Bd. 30. 180 S.
8. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben // Linguistische Arbeiten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000. Bd. 419. 253 s.
9. The Yurok Language. Grammar, Texts, Lexikon / ed. by R. H. Robins. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1958. 351 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ: Ірпінь: ВТФ “Перун”, 2001. 1440 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999.
3. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: in 33 Bd-n. 1960. Bd. 1-33.
4. Ojibwa Lexicon / ed. by G. L. Piggot and A. Graffstein. Ottawa: National Museum of Canada, 1983. 358 p.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of the language]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Baskakov, N. A. (1975). *Grammatika khakasskogo yazyka* [Khakass grammar]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Berezovich, E. A. (2008). *Slavyanskaya ksenonimiya i tipologiya motivatsionnykh paralleley* [Slavonic xenonymy and typology of motivational parallels]. In *Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyy sezd slavistov*, Okhrid, 10-16 sentyabrya 2008 g.: doklad rossiyskoy delegatsii. Moskva – Indrik. S. 45-68. (In Russ.).
4. Sunik, O. P. (1962). *Glagol v tunguso-manchzhurskikh yazykakh* [Verb in Tunguso-Manchurian languages]. Moskva – Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.).
5. Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [An outline of the Even (Lamut) grammar]. Leningrad: Uchpediz. (In Russ.).
6. Grass, G. (1959). *Die Blechtrommel*. Berlin.
7. Kaliuščenko, V. D. (1988). *Deutsche denominale Verben*. Tübingen: Narr. (Studien zur deutschen Gramatik. Bd. 30).
8. Kaliuščenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).
9. *The Yurok Language. Grammar, Texts, Lexikon* / Ed. by R. H. Robins. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1958.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Velykyi tлумachnyi slovnyk suchasnoi ukrainskoi movy* [Large Explanatory Dictionary of the Contemporary Ukrainian Language] / V. T. Busel (ed.). Kyiv: Irpin: VTF “Perun”, 2001. (In Ukr.).
2. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]: v 4 t. / A. P. Evgenevoy (ed.). Moskva: Russkiy yazyk: Poligrafresursy, 1999.
3. *Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm*: in 33 Bd-n. 1960. Bd. 1-33.
4. *Ojibwa Lexicon* / ed. by G. L. Piggot and A. Graffstein. Ottawa: National Museum of Canada, 1983.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии, проректор по научной и инновационной деятельности (e-mail: vladimirkaliuschenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department, Vice-Rector for Science and Innovation Activity (e-mail: vladimirkaliuschenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 9 июня 2016 г

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН В АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются способы образования личных имен в английской и немецкой антропонимических системах. Материалом исследования послужили личные имена, образованные в XX-XXI вв. в английском и немецком языках. В результате исследования были выделены основные общие (онимическое усечение, онимическая деривация, переход гипокористических форм имен в разряд самостоятельных личных имен, сращение, словосложение, онимизация апеллятивов) и различные (трансонимизация) способы образования личных имен. Также удалось обозначить основные сходные черты развития именных систем в английском и немецком языках: популярность и частотность употребления кратких и гипокористических форм имен в качестве самостоятельных имен, интернационализация именных, частичное стирание национальных, этнических и гендерных маркеров в семантике и структуре личных имен.

Ключевые слова: личное имя, структурно-семантические особенности, словообразование, лингвокультурология.

© 2016 L. V. Kerova

WORD-BUILDING MEANS OF CREATION OF PERSONAL NAMES IN ENGLISH AND GERMAN NAMING SYSTEMS

The paper deals with the word-building means, which are used to create personal names in the English and German naming systems. Personal names, created in XX-XXI cc. have been used as material for the research. In the course of the analysis main common (onomastic apocope, apheresis and syncope, onomastic derivation, transfer of hypocoristic forms of names into personal names of their own right, blending, compounding, onimization of appellatives) and different (transonimization) word-building means of personal names are regarded.

Key words: personal name, structural and semantic peculiarities, word-building, linguocultural studies.

Личные имена, являясь неотъемлемой частью фоновых знаний о языке и культуре, несут не только лингвистическую, но и культурно-историческую, лингвострановедческую информацию, что обуславливает повышенный интерес к ним в рамках лингвокультурологии.

На данном этапе развития лингвистики одним из актуальных направлений лингвокультурологических исследований является изучение антропонимов как на материале отдельных языков [Антышев, 2001; Бах, 1978, Гарагуля, 2010; Кисель, 2010; Леонович, 2002; Чурсина, 2010], так и в сопоставительном аспекте [Ражина, 2006]. Личные имена, как вид антропонима, являются отображением диалектики взаимодействия языковых и внеязыковых факторов. Изучение личных имен позволяет проникнуть в

систему ценностей различных лингвокультурных сообществ, которая находит отражение в национальной языковой картине мира.

Анализ теоретической литературы по антропонимике свидетельствует о постоянном глубоком интересе, который проявляют лингвисты к происхождению, развитию и функционированию личных индивидуализирующих имен. Наиболее полные исследования по общей теории и разнообразным практическим вопросам науки ономастики представлены в работах А. В. Суперанской [Суперанская, 1986]. В своих работах автор наиболее полно представила общую теорию имени собственного и разработала методику проведения ономастических исследований с точки зрения разных аспектов. В данных работах [Суперанская, 1969, 1973, 1986] впервые вводятся и рассматриваются понятия «ономастическое пространство» и «объект ономастического исследования».

В зарубежных лингвистических исследованиях впервые общие положения теории имени собственного были представлены в работе А. Гардинера «Теория имен собственных» [Gardiner, 1940]. В данном исследовании рассматриваются вопросы семантики имен собственных, однако не затрагиваются экстралингвальные факторы и связанные с ними особенности функционирования имен.

Большинство отечественных лингвистов [Антышев, 2001; Гарагуля, 2010; Леонович, 2002] придерживаются точки зрения А. В. Суперанской [Суперанская, 1986: 21], которая полагает что изучение семантики личных имен должно идти в трех направлениях: лингвистическом плане – установление этимологии имен; биографическом плане – анализ имен персоналий; энциклопедическом плане – аккумуляция значений имени на основе конкретных денотатов.

Анализ теоретической литературы по антропонимике показал, что в отечественной науке, антропонимы традиционно рассматриваются в рамках лингвистики. Однако, существует значительное количество работ, которые формально относятся к языкознанию, но в своем содержании раскрывают роль имен в культуре. К таким работам необходимо в первую очередь отнести исследование А. В. Суперанской «Имя через века и страны» [Суперанская, 1991]. В данной работе автор поднимает философский вопрос о взаимозависимости и взаимосвязи имени человека, его судьбы и культуры. Красной нитью через всю работу проходит мысль о том, что имя человека является одним из способов социализации, идентификации и приобщения индивида к культуре.

Существует достаточно большое количество исследований, изучающих имена в свете определенной культуры. Примерами могут служить монографические исследования С. И. Гарагули [Гарагуля, 2002, 2010]. Автор особое внимание уделяется

изучению антропонимической прагматики и идентичности индивида на материале английских антропонимических единиц, предлагается авторская методология системного изучения и описания личных имен. И. С. Чурсина [Чурсина, 2010] в своей работе «Социокультурный аспект формирования антропонимикона английского языка» вносит неоценимый вклад в изучение и описание морфонологических особенностей личных имен в английском языке и рассматривает социокультурные аспекты развития именной системы в диахроническом аспекте.

В диссертационном исследовании О. В. Кисель [Кисель, 2010] «Семантика личных имен» особое внимание уделяется этимологическим, историческим, прагматическим и эмотивным аспектам семантики личных имен, прослеживается их связь с мотивами имяназвания на материале современного немецкого языка. Исследование А. Баха «Немецкие имена собственные» [Бах, 1978] посвящено истории развития и структурно-семантическим особенностям немецких имен собственных на разных этапах развития именной системы. В своей докторской диссертации А. Н. Антышев [Антышев, 2001] «Имена. Немецкие антропонимы» рассматривает тенденции развития и экстралингвистические условия, повлиявшие на формирование современного немецкого антропонимикона.

Большинство вышеупомянутых работ выполнены на материале одного языка. Однако, следует отметить исследование В. А. Ражиной [Ражина, 2006] «Прецедентные онимы и их роль в культурно-языковом социуме», в котором рассматриваются лингвокультурологические и прагматические аспекты функционирования ономастических реалий на материале русского и немецкого языков.

Таким образом, **актуальность данного исследования** определяется постоянным интересом лингвистов к ономастическим реалиям в общем и феномену антропонима, в частности. Личные имена представляют собой важнейший языковой источник информации о культуре и истории народов. Сопоставительное исследование английского и немецкого антропонимиконов через анализ и синтез семантических, структурных, исторических и социокультурных изменений, происходящих в его составе, дает возможность в наиболее интегрированном и законченном виде представить эволюцию системы имен английского и немецкого языков, определить общие и отличительные черты в культуре и ментальности двух народов.

В качестве **объекта** исследования выступают личные имена, образованные в XX-XXI вв. в английском и немецком языках. **Предметом** исследования являются

способы образования личных имен, структурные и сематические особенности личных имен, образованных в XX-XXI вв. в лингвокультурологическом аспекте.

Материалом исследования послужил корпус языкового материала, который составили личные имена в английском и немецком языках, полученные методом сплошной выборки из словарей: Patrick Hanks, Flavia Hodges «Oxford Dictionary of Personal Names» [Hanks, Hodges, 1990], Iseabail Macleod, Terry Freedman «The Wordsworth Dictionary of First Names» [Macleod, Freedman, 1995], А.И. Рыбакин «Словарь английских личных имен» [Рыбакин, 1989], Т. С. Александрова, Д. О. Добровольский «Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление» [Александрова, Добровольский, 2001], Hans Bahlow «Dictionary of German names» [Bahlow, 2002], Max Gottschald «Deutsche Namenkunde» [Gottschald, 2006].

Язык находится в постоянном развитии, вместе с ним развивается и именная система. Под влиянием современных тенденций и экстралингвистических факторов, таких как: мода на имена, прагматическая составляющая языкового общения, фонетико-психологический фактор и т.д. появляются новые имена. Материалом исследования являются личные имена, возникшие в XX-XXI вв., например: англ. *Adison, Africa, Ruby, Anice*; нем. *Analiene, Hannelore, Martina, Max*.

Как показал структурный анализ языкового материала, составляющего корпус исследования, общими для английского и немецкого языков являются следующие способы образования новых личных имен: онимическое усечение, онимическая деривация, переход гипокористических форм имен в разряд самостоятельных личных имен, сращение, словосложение, онимизация апеллятивов.

Наиболее продуктивным способом образования личных имен в английской (28%) и немецкой (36%) именной системах является онимическое усечение. Структурный анализ корпуса языкового материала, полученного методом сплошной выборки из вышеперечисленных словарей, позволил разделить личные имена на три группы, в зависимости от вида онимического усечения, лежащего в их основе. Данный механизм затрагивает разные части исходного имени: начало, конец и середину. Принято выделять три вида онимического усечения.

Афerezис – отсечение начального слога имени: англ. *Drew < Andrew, Gail < Abigail, Lana < Alana, Nora < Eleonora, Rick < Roderick*; нем: *Claus < Niclaus, Lena < Magdalena, Sina < Tomasina, Stina < Christina*.

Синкопа – сокращение слогов в срединной части имени: англ. *Cressa < Cressida, Karin < Kathrine, Lisa < Elisabeth*; нем. *Erna < Ernesta, Heike < Henrike, Katrine <*

Katherine, Lenz < Lorenz.

Апокопа – отсечение конечного слога имени: англ. *Dud < Dudley, Flo < Flora, Gill < Gillian, Joan < Joanne*; нем: *Max < Maximilian, Franz < Franzesco, Inge < Ingeborge, Otto < Ottokar.*

Популярность и продуктивность данного способа объясняется, в первую очередь, тем, что краткие формы имен являются более современными и кратко оформленными. В процессе исследования были выявлены случаи, когда полная форма исходного имени отмечается как старомодная, в то время как краткая форма, образованная от этого имени, функционирует как самостоятельное имя и является очень популярной, постоянно попадая в списки наиболее популярных имен. Такими примерами могут служить имена *Gail* от *Abigail* – в английском языке, и имя *Jutte* от *Judith* – в немецком языке. Такие имена считаются более лаконичными, и удобными с точки зрения языковой экономии.

От сокращенных форм имен с помощью суффиксов образуются гипокористические формы личных имен, некоторые из которых на данном этапе развития языка функционируют как самостоятельные имена. Следует отметить, что суффиксация является второй ступенью деривации после сокращения, и без него, обычно, не используется. От полных или исходных имен, например, англ. *Emma, David*, нем. *Henrike, Imma*. образуются сначала сокращенные имена: англ. *Emm, Dav*, нем. *Hein, Imm*, а от них, в свою очередь с помощью суффиксов *-y, -z, -ke*, гипокористические имена: англ. *Emmy, Davy*; нем. *Heinz, Imke*.

Сокращенные формы имен, как правило, служат для удобства и языковой экономии. Гипокористические формы, образованные при помощи суффиксов *-y, -i, -ie, -ey, -ke* и т.д., являются эмотивными формами выражения субъективной оценки. Чаще всего эта субъективная оценка является положительной. Со временем она закрепляется за гипокористической формой имени. Положительная коннотация становится частью семантики имени. Эта коннотация сохраняется в семантической структуре личного имени и выдвигается на первый план, когда гипокористическая форма имени употребляется как самостоятельное личное имя. Этот механизм объясняет высокую частотность употребления новых имен, образованных с помощью онимического усечения и гипокористической аффиксации.

На современном этапе развития английского и немецкого языков имена, образованные с помощью онимического усечения и гипокористической аффиксации, являются очень популярными и составляют порядка 40% имен, зарегистрированных как

самые популярные имена.

Вывод, полученный в результате исследования, подтверждается статистическими данными, представленными в таблице 1. Данные таблицы, взяты из официальных источников: британской газеты The Guardian (для английского языка) и медио-портала Deutsche Welle (для немецкого языка). В таблице представлены данные за 2014 год.

Таблица 1. Популярные имена в Великобритании и Германии (2014 год)

№ п/п	Великобритания		Германия	
	Женские имена	Мужские имена	Женские имена	Мужские имена
1.	Amelia	Oliver	Emma	Ben
2.	Olivia	Jack	Mia	Luis / Louis
3.	Isla	Harry	Hannah / Hanna	Paul
4.	Emily	Jacob	Sofia / Sophia	Lukas / Lucas
5.	Poppy	Charlie	Emilia	Jonas
6.	Ava	Thomas	Anna	Leon
7.	Isabella	George	Lena	Finn / Fynn
8.	Jessica	Oscar	Lea / Leah	Noah
9.	Lily	James	Emily / Emilie	Elias
10.	Sophie	William	Marie	Luca / Luka
11.	Grace	Noah	Lina	Maximilian
12.	Sophia	Alfie	Leonie	Felix
13.	Mia	Joshua	Amelie	Max
14.	Evie	Muhammad	Sophie / Sofie	Henry / Henri
15.	Ruby	Henry	Luisa / Louisa	Moritz
16.	Ella	Leo	Johanna	Julian
17.	Scarlett	Archie	Nele / Neele	Tim
18.	Isabelle	Ethan	Laura	Jakob / Jacob
19.	Chloe	Joseph	Lilly / Lilli	Emil
20.	Sienna	Freddie	Lara	Philipp

Вторым по продуктивности способом образования новых имен как в английском (20%), так и в немецком языке (25%) является онимическая деривация. Новые имена могут образовываться от полного имени, если оно краткое, например: англ. *Clementine* < *Clement* + суффикс *-ine*, *Constantine* < *Constant* + суффикс *-ine*, *Donalda* < *Donald* + суффикс *-a*, *Dorinda* < *Dora* + суффикс *-inda*; нем. *Erdmute* < *Erdmut* + суффикс *-e*, *Wilhelmine* < *Wilhelm* + суффикс *-ine*, *Hansine* < *Hans* + суффикс *-ine*. От краткой формы имени: англ. *Charlene* < *Charles* + суффикс *-ene*, *Davina* < *David* + суффикс *-ina*, нем. *Hermine* < *Hermann* + суффикс *-ine*, *Ebba* < *Eberhard* + суффикс *-a*.

В результате анализа имен, образованных способом онимической деривации были выявлены общие, а также характерные только для английского или только для немецкого языка, наиболее продуктивные словообразовательные суффиксы.

Так, общими для английского и немецкого языков продуктивными онимическими суффиксами являются суффиксы *-a*, *-ina(e)*, *-inda(e)*. Например:

- суффикс *-a*: англ. *Alana (ж)* < *Alan (м)*, *Paula (ж)* < *Paul (м)*, *Albina (ж)* < *Albin (м)*, *Alberta (ж)* < *Albert (м)*; нем. *Petra (ж)* < *Peter (м)*, *Augusta (ж)* < *August (м)*, *Ernesta (ж)* < *Ernest (м)*, *Karla (ж)* < *Karl (м)*;

- суффикс *-ina(e)*: англ. *Opaline (ж)* < *Opal (ж)*, *Angelina (ж)* < *Angel (м, ж)*, *Paulina (ж)* < *Paul (м)*, *Caroline (ж)* < *Carol*, *Maxine (ж)* < *Max (м)*; нем: *Hansine (ж)* < *Hans (м)*, *Sabine (ж)* < *Sabrina (ж)*, *Adolfine (ж)* < *Adolf (м)*.

- суффикс *-inda(e)*: англ. *Dorinda (ж)* < *Dora (ж)*, *Lorinda (ж)* < *Lora (ж)*, *Lucinda (ж)* < *Lucia (ж)*, нем. *Gislinde (ж)* < *Gisela (ж)*, *Karolinda (ж)* < *Karolina (ж)*.

Наряду с общими онимическими суффиксами были выделены суффиксы, продуктивные только для английской именной системы:

- суффикс *-ella(e)*: *Annella (ж)* < *Ann (ж)*, *Janelle (ж)* < *Jane (ж)*, *Lorelle (ж)* < *Lora (ж)*, *Roselle (ж)* < *Rosa (ж)*;

- суффикс *-etta(e)*: *Annette (ж)* < *Anna (ж)*, *Paulette (ж)* < *Paula (ж)*, *Antionette (ж)* < *Antiona (ж)*, *Carette (ж)* < *Careen (ж)*, *Mariette (ж)* < *Maria (ж)*, *Lucetta (ж)* < *Lucia (ж)*, *Lynette (ж)* < *Lyn (ж)*;

- суффикс *-ice*: *Annice (ж)* < *Ann (ж)*, *Janice (ж)* < *Jane (ж)*, *Marice (ж)* < *Maria (ж)*;

- суффикс *-een*: *Careen (ж)* < *Carina (ж)*, *Loreen (ж)* < *Lora (ж)*, *Pauleen (ж)* < *Paula (ж)*,

- суффикс *-ene*: *Jodyene (ж)* < *Jody(ж)*, *Norene (ж)* < *Nora (ж)*, *Cherene (ж)* < *Cherry (ж)*, *Darlene (ж)* < *Darling (ж)*.

В немецком именнике были выявлены следующие продуктивные онимические суффиксы:

- суффикс *-ke*: *Anke (ж)* < *Anna (ж)*, *Alke (ж)* < *Adelheid (ж)*;

- суффикс *-is*: *Gertrudis (ж)* < *Gertruda (ж)*, *Andris (м)* < *Andrew (м)*;

- суффикс *-o*: *Benno (м)* < *Berthold (м)*, *Arno (м)* < *Arnold (м)*, *Ingo (м)* < *Ingeborge (ж)*;

- суффикс *-el*: *Heinel (м)* < *Heinrick (м)*, *Traudel (ж)* < *Adeltraud (ж)*, *Friedel (м)* < *Friedrich (м)*.

Как показывают примеры, такой способ образования новых имен является более продуктивным среди женских имен – 90% по сравнению с мужскими именами – 10%. Данный фактор можно объяснить тем, что женский именник всегда более разнообразен.

Высокая продуктивность данного способа в обоих языках может объясняться, с одной стороны, прагматической направленностью языкового общения. Словообразовательные суффиксы несут эмоциональную окраску, выражают отношение говорящего к носителю имени. С другой стороны, фонетико-психологическим фактором – с точки зрения имядателя, словообразовательные суффиксы делают имя более благозвучным.

На третьем месте по количеству примеров (12% англ. и 22% нем.), полученных в результате анализа корпуса языкового материала, находится контаминация. В данном случае имена образуются путем объединения частей двух имен: англ. *Alanda* < *Alan* + *Amanda*, *Annabel* < *Anna* + *Amabel*, *Coralie* < *Coral* + *Rosalie*; нем. *Adeltraud* < *Etheldreda* + *Audrey*, *Marlene* < *Maria* + *Magdalene*. Возникновение данного механизма можно объяснить тем, что некоторые имядатели хотят дать оригинальное, символическое имя, значимое и важное именно для них, возможно сохранить преемственность поколений, создав новое имя из двух имен, принадлежащих членам их семьи.

Имена, образованные способом словосложения, т.е. путем объединения двух личных имен в одно, составляют самую малочисленную группу (7% англ. и 16% нем.) среди общих способов образования личных имен. Примерами таких единиц могут служить следующие имена: англ. *Maryanne* < *Mary* + *Anne*, *Mariabelle* < *Maria* + *Belle*, *Ruthanna* < *Ruth* + *Anna*; нем. *Anneliese* < *Anne* + *Liese*, *Hannelore* < *Hanne* + *Lore*, *Lieselotte* < *Liese* + *Lotte*, *Lottelore* < *Lotte* + *Lore*. Словосложение, как способ создания новых личных имен, возникло под влиянием фонетико-психологического фактора, и вызвано стремлением иметь более звучное, короткое и цельнооформленное имя. Такие имена могут писаться либо слитно, либо через дефис.

Онимизация апеллятивов, т.е. переход апеллятива в оним, как способ создания новых личных имен [Подольская, 1988], была зафиксирована как в английском, так и в немецком языке. Однако следует отменить, значительное количественное превалирование имен, образованных данным способом в английском языке (15%), по сравнению с немецкой именной системой (1%). Данное различие объясняется тем фактом, что в Германии «свобода выбора личного онима для ребенка не является абсолютной, она относительна и имеет определенные, законодательно предусмотренные ограничения. Прежде всего даваемые детям личные имена должны относиться к категории антропонимических именовании и ни в коем случае не должны представлять собой какие-либо иные апеллятивные обозначения, находящиеся за пределами определенного национального именника. Вместе с тем разрешается выбор имен из категории названий цветов или растений» [Антышев, 2001: 164]. Примерами таких имен являются: англ. *Beryl*

‘берилл’, *Cherry* ‘вишня’, *Down* ‘рассвет’, *Earl* ‘граф’, *Fern* ‘папоротник’; нем. *Jasmin* ‘жасмин’, *Schatz* ‘сокровище’, *Frau* ‘женщина (уменьшит. форма)’, *Horst* ‘лес’.

Проанализировав отапеллятивные личные имена, т.е. «имен образованные путем онимизации апеллятивов» [Суперанская, 1986: 44] в английской и немецкой именных системах, представилось возможным определить наиболее продуктивные группы апеллятивов, которые служат основой для создания личных имен. Среди этих групп были выделены общие для английского и немецкого именных групп, а также группы апеллятивов, характерные только для английского языка.

Общие группы отапеллятивных личных имен

- названия цветов: англ. *Daisy* (ж) ‘маргаритка’, *Dalia* (ж) ‘далия’, *Primrose* (ж) ‘примула’, *Peony* (ж) ‘пион’, *Petal* (ж) ‘лепесток’, *Lavender* (ж) ‘лаванда’, *Lilian* (м, ж) ‘лилия’, *Poppy* (ж) ‘мак’, *Azalea* (ж) ‘азалия’, *Buttercup* (ж) ‘лютик’, *Clematis* (ж) ‘клематис’, *Clover* (ж) ‘клевер’, *Snowdrop* (ж) ‘подснежник’; нем. *Jasmin* (ж) ‘жасмин’;

- абстрактные существительные, имеющие связанные с ними положительные ассоциации в сознании людей: англ. *Peace* (ж) ‘мир’, *Unity* (ж) ‘единство’, *Wisdom* (ж, м) ‘мудрость’, *Melody* (ж) ‘мелодия’, *Delight* (ж) ‘удовольствие’, *Grace* (ж) ‘грация’, *Love* (ж) ‘любовь’, нем. *Glück* (ж) ‘счастье’;

- конкретные существительные, имеющие связанные с ними положительные ассоциации в сознании людей: англ. *Dolly* (ж) ‘куколка’, *Bud* (м) ‘друг’, *Candy* (ж) ‘конфета’, *Honey* (ж) ‘мед’, *Star* (ж) ‘звезда’, *Ocean* (м, ж) ‘океан’; нем. *Schatz* (ж) ‘сокровище’, *Frau* (ж) ‘женщина (уменьшит. форма)’;

- названия деревьев, кустарников, трав: англ. *Cherry* (ж) ‘вишня’, *Dittany* (ж) ‘ясенец’, *Ginger* (ж) ‘имбирь’, *Holly* (ж) ‘падуб’, *Ivy* (ж) ‘плющ’, *Rowan* (м, ж) ‘рябина’, *Tansy* (ж) ‘пижма’, *Thistle* (ж) ‘чертополох’, *Willow* (ж) ‘ива’; нем. *Linde* (ж) ‘липа’, *Horst* (м) ‘лес’;

- темпоральные единицы (названия времен года, месяцев, частей суток): англ. *Spring* (ж) ‘весна’, *April* (ж) ‘апрель’, *June* (ж) ‘июнь’, *May* (ж) ‘май’, *Dawn* (ж) ‘рассвет’, *Evening* (ж) ‘вечер’, *Christmas* (м, ж) ‘Рождество’; нем. *Abend* (м) ‘вечер’;

Группы отапеллятивных имен, зафиксированные только в английском языке:

- названия драгоценных камней: англ. *Onyx* (м, ж) ‘оникс’, *Opal* (ж) ‘опал’, *Pearl* (ж) ‘жемчуг’, *Ruby* (ж) ‘рубин’, *Sapphire* (ж) ‘сапфир’, *Topaz* (ж) ‘топаз’, *Amber* (ж) ‘янтарь’, *Amethyst* (ж) ‘аметист’, *Crystal* (ж) ‘кристалл’, *Emerald* (ж) ‘изумруд’, *Garnet* (ж) ‘гранат’, *Jacinth* (ж) ‘гиацинт’;

- титулы: *Prince (м)* ‘принц’, *Princess (ж)* ‘принцесса’, *Duke (м)* ‘герцог’, *Earl (м)* ‘граф’, *Queen (ж)* ‘королева’, *King (м)* ‘король’;
- названия птиц: *Dove (ж)* ‘голубь’, *Kestrel (ж)* ‘пустельга’, *Lark (ж)* ‘жаворонок’, *Starling (м, ж)* ‘скворец’;
- физические характеристики людей: *Spike (м)* ‘колючий’, *Goldie (ж)* ‘золотой’, *Rusty (м)* ‘рыжий’;
- положительные качества людей: *Loyal (ж)* ‘преданный’, *Gay (ж)* ‘веселый’.

Как показывают примеры, большинство отапеллятивных имен являются женскими именами – 79%, мужские имена составляют 12%, имена, которые могут функционировать как в качестве женских имен, так и мужских – 9%.

Помимо общих для английского и немецкого языков способов образования личных имен, в английском языке была также выделена группа имен, образованных с помощью трансонимизации (18%). Трансонимизация – «образование имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [Суперанская, 1986: 46]. В немецком языке не было зафиксировано ни одного имени, образованного данным способом.

В английской именной системе представляется возможным выделить два вида трансонимизации: 1) переход одного вида антропонима в другой, в частности переход фамилии в личное имя, 2) переход топонима в личное имя.

Переход фамилии в личное имя и наоборот является наиболее продуктивным видом трансонимизации в английском языке. Примерами таких имен могут служить *Atwood (м)*, *Beavis (м)*, *Cameron (м, ж)*, *Dudley (м)*, *Dustin (м)*. Такое тесное взаимодействие и взаимопроникновение английских личных имен и фамилий, объясняется, во-первых, морфологической идентичностью этих двух видов антропонимов, во-вторых, историческими особенностями развития английской антропонимической формулы – многие фамилии в свою очередь изначально возникли от личных имен, помимо этого с конца XVI в. в качестве среднего имени было принято использовать девичью фамилию матери или кого-либо из родственников, с целью сохранения семейных связей и преемственности поколений.

Вторым по продуктивности видом трансонимизации является переход топонимов в личные имена: *Clodagh (ж)*, *Dee (ж, м)*, *Europa (ж)*, *Graham (м)*. В таких случаях важным фактором является связь с местом рождения, имядатель старается закрепить название местности, или других географических объектов в антропонимической формуле.

Имена, образованные с помощью трансонимизации, являются довольно распространенными в английском именнике. Следует отметить, что 90% имен, образованных данным способом являются мужские имена.

Таким образом, в результате данного исследования были выявлены основные общие способы образования новых личных имен в английском и немецком языках: онимическое усечение, онимическая деривация, контаминация, словосложение, онимизация апеллятивов. В результате чего представляется возможным сделать вывод, с одной стороны, о наличии сходных тенденций и перспектив развития английской и немецкой именных систем. К данным тенденциям следует отнести популярность и частотность употребления кратких и гипокористических форм имен в качестве самостоятельных, официально зарегистрированных личных имен, универсификацию и интернационализацию именников, частичное стирание национальных, этнических и гендерных маркеров в семантике и структуре личных имен. С другой стороны, разнообразие способов образования личных имен свидетельствует о том, что на данном этапе развития английского и немецкого языков, несмотря на процессы глобализации и интернационализации именных систем, преобладающим является стремление носителей языка к индивидуализации личности через создание экспрессивных, оригинальных, удобных с точки зрения языковой экономии и фонетико-психологического фактора имен. Часть новых личные имена сохраняют экспрессивные, культурные и географические коннотации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Т. С., Добровольский Д. О., Салахов Р. А. Словарь немецких личных имен. Происхождение. Значение. Употребление. Москва: Русский язык, 2001. 248 с.
2. Антышев А. И. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Изд-во Башк. гос. аграр. ун-та, 2001. 256 с.
3. Гарагуля С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имен. 2010. 136 с.
4. Гарагуля С. И. Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры. Белгород: Изд-во БелГТАСМ, 2002. 145 с.
5. Кисель О. В. Семантика личных имен. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 104 с.
6. Леонович О. А. В мире английских имен. Москва: АСТ, Астрель, 2002. 160 с.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
8. Ражина В. А. Прецедентные онимы и их роль в культурно-языковом социуме // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. С. 381-387.
9. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Русский язык, 1989. 224 с.
10. Система личных имен у народов мира. Москва: Наука, 1986. 383 с.
11. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. Ленинград: Лениздат, 1991. 222 с.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.

13. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология). Москва: Наука, 1969. 206 с.
14. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.
15. Чурсина И. С. Социокультурный аспект формирования антропонимикона английского языка. Тула: НОО ВПО НП «ТИЭИ», 2010. 110 с.
16. Bach A. Deutsche Namenkunde. 3., unveränderte Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1978. 332 S. (Die deutschen Personennamen. Bd. I).
17. Bahlow H. Dictionary of German names. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. 579 p.
18. Gardiner A. The Theory of Proper Names. London, 1940. 255 p.
19. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: Oxford University Press, 1990. 443 p.
20. Macleod I., Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1995. 223 p.
21. Max Gottschald Deutsche Namenkunde. Walter De Gruyter Incorporated, 2006. 622 S.

REFERENCES

1. Aleksandrova, T. S., Dobrovolskiy, D. O., Salahov, R. A. (2001). *Slovar nemetskikh lichnykh imen. Proiskhozhdenie. Znachenie. Upotreblenie* [The Dictionary of German personal names. Etymology. Meaning, Use]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.)
2. Antyshev, A. I. (2001). *Imena. Nemetskie antroponimy* [Names. German anthroponyms]. Ufa. (In Russ.).
3. Garagulya, S. I. (2010). *Antroponimiya v lingvokulturnom i istoricheskom aspektakh: na materiale angliyskikh lichnykh imen* [Anthoponymic system in linuacultural and historical aspects: on the material of English personal names]. (In Russ.).
4. Garagulya, S. I. *Angliyskoe lichnoe imya kak obekt izucheniya yazyka, istorii i kultury*. [English personal names as an object of language, history, culture analysis]. Belgorod. (In Russ.).
5. Kisel, O. V. (2010). *Semantika lichnykh imen* [Semantic peculiarities of personal names]. Magnitogorsk. (In Russ.).
6. Leonovich, O. A. (2002). *V mire angliyskikh imen* [In the world of English names]. Moskva. (In Russ.).
7. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [The dictionary of Russian onomastic terminology]. M.: Nauka. (In Russ.).
8. Razhina, V. A. (2006). *Pretsedentnye onimy i ikh rol v kulturno-yazykovom sociume* [Precedent onyms and their role in cultural and language society]. In *Nauchnaya mysl Kavkaza*. Rostov na Donu. (In Russ.).
9. Rybakin, A. I. (1989). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
10. *Sistema lichnykh imen u narodov mira* [Systems of personal names of different peoples in the world]. Moskva: Nauka, 1986. (In Russ.).
11. Superanskaya, A. V. (1991). *Imya – cherez veka i strany* [Name – through ages and countries]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.).
12. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo* [The theory of proper names]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
13. Superanskaya, A. V. (1969). *Struktura imeni sobstvennogo (fonologiya i morfologiya)* [The structure of proper names: phonology and morphology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Superanskaya, A. V. (1986). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [The theory and methods of onomastic research]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

15. Chursina, I. S. (2010). *Sociokulturnyy aspekt formirovaniya antroponimikona angliyskogo yazyka* [The role of social and cultural aspects in the formation of English anthroponymic system]. Tula. (In Russ.).

16. Bach, A. (1978). *Deutsche Namenkunde*. 3., unveränderte Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. (Die deutschen Personennamen. Bd. I).

17. Bahlow, H. (2002). *Dictionary of German names*. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies.

18. Gardiner, A. (1940). *The Theory of Proper Names*. London.

19. Hanks, P., Hodges F. (1990). *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: Oxford University Press.

20. Macleod, I., Freedman, T. (1995). *The Wordsworth Dictionary of First Names*. Hertfordshire: Wordsworth Editions.

21. *Max Gottschald Deutsche Namenkunde*. Walter De Gruyter Incorporated, 2006.

Керова Лариса Витальевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
83001, Донецк, Университетская, 24

Kerova Larisa V. – Post-Graduate Student
of English Philology Department
(e-mail: larisa.kerova89@gmail.com),
State Educational Institution of Higher Professional
Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 14 июня 2016 г.

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ВКУСА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи между структурой и семантикой лексических единиц со значением вкуса в английском, немецком и украинском языках. Обращение к семантическому и структурному аспектам с привлечением статистических данных способствует определению общих и национально-специфических черт языковой реализации перцепции вкуса в разноструктурных языках.

Ключевые слова: *лексика со значением вкуса, морфологический (аффиксальный) способ словообразования, категория интенсивности, формула толкования.*

© 2016 M. N. Mokhosoieva

LANGUAGE REALISATION OF TASTE INTENSITY IN DIFFERENT STRUCTURE LANGUAGES

The article is aimed at determining the correlation between structure and semantics of gustatory lexical units (GLU) in English, German and Ukrainian languages. Statistical data connected with semantic and structural aspects reveal the universal and differential characteristics of GLU in languages under analysis.

Key words: *gustatory lexical units, morphological method of word-building, the category of strength, interpretation formulae.*

Наименования вкуса относятся к перцептивной лексике, которая в разных аспектах изучалась рядом исследователей (Н. Д. Арутюнова, О. А. Вербицкая, Е. М. Вольф, В. В. Гридасов, В. В. Дятчук, В. В. Попова, Л. О. Пустовит, И. Г. Рузин, И. П. Устинова, А. Н. Шрамм и др.).

Целью работы является определение влияния словообразовательных средств на образование наименований вкуса в разноструктурных языках.

Материалом исследования стали прилагательные, существительные и глаголы, обозначающие вкус, полученные путем сплошной выборки из толковых словарей английского, немецкого и украинского языков. Корпус густативной лексики (далее ГЛ) составляет 2873 единицы (859 лексико-семантических варианта (далее ЛСВ) в английском, 918 в немецком и 1096 в украинском языках). Густативной называем лексику, обозначающую вкус (от лат. *gustatus*¹ 'вкус, ощущение вкуса'), ср.: англ. *sweet* 'сладкий', нем. *süß* 'сладкий', укр. *солодкий*.

Интерпретация дефиниций ГЛ происходит с указанием на эталонный носитель вкусового признака, в связи с чем формула толкования (далее ФТ) наименований вкуса имеет такой общий вид: **"Имеющий вкус + N + [Int + Оценка]"**, где N – эталонный

носитель вкусового признака, *Int* – интенсивность, квадратные скобки указывают на факультативность признака. В результате исследования установлен доминантный дифференциальный компонент ГЛ *интенсивность (Int)*, напр.: *сильный, слабый вкус*.

Значения интенсификации в лексемах вкуса актуализируются посредством аффиксации и словосложения. Передача недостаточного или чрезмерного вкуса способом аффиксального словообразования более характерна для украинского и немецкого, и менее характерна для английского языка, что связано с особенностями структуры сравниваемых языков. Английский язык имеет аналитический строй и характеризуется ограниченными морфологическими средствами. Индекс синтетичности языка пропорционален количеству аффиксальных образований в нем: англ. 1,68; нем. 1,90 – 2,11 [Гринберг, 1963: 60-94]. По нашим подсчетам, индекс синтетичности украинского языка равен 2,4.

В корпусе лексики, обозначающей вкус, самым многочисленным является класс прилагательных – 1518 ЛСВ (англ. – 496 ед., нем. – 470 ед., укр. – 552 ед.), за ним следуют другие части речи, а именно: существительные (977 ЛСВ: англ. – 266 ед., нем. – 372 ед., укр. – 339 ед.), глаголы (378 ЛСВ: англ. – 97 ед., нем. – 76 ед., укр. – 205 ед.).

Доминирование прилагательных объясняется необходимостью описательной характеристики густативного ощущения. Прилагательные, обозначающие вкус, классифицируются по трем степеням интенсивности вкуса: недостаточный, умеренный и чрезмерный [Сучасна українська літературна мова. Морфологія, 1973: 167]. Чрезмерность признака является одним из проявлений его количественной градации, оценкой количества признака в сторону увеличения от нормы. С противоположной стороны от нормы, выраженной медиальной единицей, локализуется значение неполной степени проявления признака. Оппозицию ‘чрезмерная – неполная (недостаточная) степень проявления признака’ квалифицируют как одну из определяющих оппозиций категории количества [Безпояско, 1987: 68].

Категория вкусовой **интенсивности** прилагательных может быть представлена градуированной шкалой пяти степеней:

1) нулевая степень интенсивности, которой соответствует ФТ “**имеющий вкус + Int**<< + [оценка (-)]”, ср.: англ. *distasteful, tasteless*¹ ‘невкусный (из-за отсутствия вкуса)’; нем. *geschmacklos*¹, *schal*¹ ‘пресный, невкусный (из-за отсутствия вкуса)’; укр. *несмачний, прісний*¹ (из-за отсутствия вкуса);

2) недостаточное количество. Структура значений наименований вкуса этой группы представлена ФТ “**имеющий вкус + N + Int**<”, ср.: англ. *sweetish* ‘сладковатый’; *bitterish*

‘горьковатый’; нем. *süßlich*¹ ‘сладковатый’; *bitterlich*¹ ‘горьковатый’; укр. *солодкуватий, солодкавий, солоденький; гіркуватий, гірчавий, гіркавий*;

3) ординарное (обычное количество) со структурой значения “**имеющий вкус + N + Int_{norm}**”, ср.: англ. *salt* ‘соленый’; нем. *salzig* ‘соленый’; укр. *солоний*¹;

4) насыщенный вкус, структуру значения которого можно представить так: “**имеющий вкус + Int> + оценка (+)**”, ср.: англ. *tasty*¹ ‘вкусный, который имеет сильный приятный вкус’; нем. *gewürzig/würzig* ‘пряный’; *pikant* ‘пикантный’; укр. *пикантний*¹, *пряний*;

5) интенсификация (чрезвычайное количество). ФТ значений вкуса в этой группе имеет такой вид: “**имеющий вкус + N + Int>> + [оценка (-)]**”, ср.: нем. *versalzen* ‘пересоленный’, *versüßlicht* ‘слащавый’, *übersüßt* ‘приторный, приторно-сладкий’; укр. *солодющий, кислочий, гіркущий*.

Унификация дефиниций ГЛ в виде формул облегчает их дальнейшее сопоставление. ФТ в нашем исследовании выведены на основе формул значений вкуса, разработанных А. Х. Мерзляковой [Мерзлякова, 2003: 191-192].

ФТ густативных прилагательных с количественной характеристикой представлены в таблице 1:

Таблица 1. *Формулы толкования густативных прилагательных с семой “интенсивность” (Int) в английском, немецком и украинском языках*

Степени интенсивности вкусового признака	ФТ густативных прилагательных	Количество ЛСВ		
		Англ.	Нем.	Укр.
1. Нулевой	“имеющий вкус + Int<< + [оценка (-)]”	26	27	28
2. Недостаточный	а) “имеющий вкус + N + Int<”	6	5	14
	б) “имеющий вкус + Int< + [оценка (+)]”	12	6	3
3. Нормальный	“имеющий вкус + N + Int _{norm} ”	33	29	53
4. насыщенный	“имеющий вкус + Int> + [оценка (+)]”	7	4	4
5. Чрезмерный	“имеющий вкус + N + Int>> + [оценка (-)]”	33	36	51

Проследим корреляцию семантическое единство ↔ словообразовательное единство корпуса ГЛ. В лексемах вкуса исследуемых языков смежные семантические категории интенсивности и оценки реализуются на семантическом и словообразовательном уровнях.

Нулевая и недостаточная степени вкусового признака (соответствующие ФТ “имеющий вкус + Int<< + [оценка (-)]”, “имеющий вкус + N + Int<”) образуются аффиксальным способом в трех исследуемых языках (см. табл. 2). За сто процентов принимаем общее количество густативных прилагательных, которые указывают на степень

интенсивности вкуса, из них почти половина прилагательных английского и немецкого языков и 71% прилагательных украинского языка со значениями *нулевой* и *недостаточной* степеней интенсивности вкуса образуются морфологическим (аффиксальным) способом (см. табл. 2), ср.: англ. *flavourless* ‘невкусный, лишенный вкуса’, нем. *geschmacklos*¹ ‘пресный, невкусный’, укр. *несмачний* ‘невкусный из-за отсутствия вкуса’. Вследствие слабовыраженной дифференциации вкусовых качеств, граница между нулевой и недостаточной степенями интенсивности вкуса является размытой.

Таблица 2. Реализация значений нулевой и недостаточной степеней интенсивности вкуса аффиксальным способом

Языки	Аффиксы	Количество лексем	Всего прилагательных, образованных аффиксальным способом	Всего прилагательных со значениями “который имеет вкус + N + Int <<” и “который имеет вкус + N + Int <”
Англ.	<i>un-</i>	10	19 (43%)	44 (100%)
	<i>-ish</i>	5		
	<i>-less</i>	4		
Нем.	<i>un-</i>	7	18 (47%)	38 (100%)
	<i>-los</i>	3		
	<i>-frei</i>	3		
	<i>-lich</i>	3		
	<i>-arm</i>	2		
Укр.	<i>не-</i>	11	32 (71%)	45 (100%)
	<i>-уват-</i>	6		
	<i>напів-</i>	5		
	<i>недо-</i>	4		
	<i>-ав-</i>	3		
	<i>-яв-</i>	1		
	<i>мало-</i>	1		
	<i>-юват-</i>	1		

Значения недостаточной степени проявления признака в прилагательных исследуемых языков передают аффиксы. Среди деинтенсифицирующих элементов, которые сигнализируют об отметке между нулевым и ординарным уровнями на шкале интенсивности, отметим такие форманты: в английском языке: *-ish*, напр.: *sweetish* ‘сладковатый’, *bitterish* ‘горьковатый’, *saltish* ‘солонуватый’; в немецком языке: *-lich*, напр.: *süßlich*¹ ‘сладковатый’, *bitterlich*¹ ‘горьковатый’, *säuerlich* ‘кисловатый, терпковатый’; в украинском: *-уват-/ -юват-*, *-ав-*, *недо-*, *мало-*, *напів-*, напр.: *гіркуватий*, *кислуватий*, *їдкуватий*, *гірчавий*, *гіркавий*, *недосолений*, *малосольний*, *напівсолоний*.

Высший коэффициент синтетичности украинского и немецкого языков, по сравнению с английским, предопределяет большее количество морфологических дериватов, ср.: англ. *sweet*¹ ‘сладкий’ → *sweetish* ‘сладковатый’; нем. *süß*¹ ‘сладкий’ → *süßlich*¹ ‘сладковатый’, *versüßlicht* ‘слащавый’; укр. *солодкий* → *солодкуватий*, *солодкавий*, *солодєнький*.

В английском языке слово чаще всего состоит из одной корневой морфемы. Для немецкого и украинского языков характерна тенденция к двоморфемной структуре слова: слово состоит в структурном плане из корневой морфемы и аффиксальных морфем [Виноградов, 1986: 39]. Немецкий язык объединяет в себе элементы флективной системы, сближающие его с украинским языком, а также элементы аналитического склада, которые сближают его с английским языком.

Умеренный вкус. Структура значения ГЛ “имеющий вкус + N + Int_{norm}”. Среднюю степень выраженности обозначаем ординарным вкусом, который характеризуется нейтральной или позитивной оценкой, ср.: англ. *sweet*¹ ‘сладкий’; нем. *süß*¹ ‘сладкий’; укр. *солодкий*¹; англ. *salty*¹ ‘солёный’; нем. *salzig*¹ ‘солёный’; укр. *солоний*¹.

Насыщенный вкус. Структуру значения репрезентует ФТ “имеющий вкус + Int[>] + оценка (+)”. Продуктивным формантом для образования адъективов от субстантивной основы является суффикс английского языка -y со значением «имеющий какое-либо качество», напр.: англ. *tasty* ‘вкусный’; *fiercy*⁴ ‘жгучий (о еде)’; *gingery* ‘имбирный’; *heady* (о вине) ‘крепкий, пьянящий’; *juicy* ‘сочный’; *rusty* ‘прогорклый’; *salty*¹ ‘солёный’; *savoury*¹ ‘острый, солёный’; *spicy* ‘острый’; *sugary* ‘сахарный’; *tangy* ‘резкий привкус, особенный вкус’.

Чрезмерный вкус. Структура значения соответствует ФТ “имеющий вкус + N + Int^{>>} + [оценка (-)]”. Чрезмерное проявление вкусового признака чаще всего является неприятным вкусовым ощущением, поэтому в семантике наименований вкуса исследуемых языков появляется сема негативной оценки. Именно “то приращение значения, выражающееся посредством введения усилительного префикса либо с помощью редупликации части корня”, определяется как суть интенсивности в словаре «Nouveau Larousse Illustré», который предложил лингвистическую трактовку термина ‘интенсивность’.

В исследуемых языках наглядным средством для раскрытия содержания понятия ‘интенсивность’ является аффиксация. Слова, объединенные на основе общего признака, объединяются также на основе общих словообразовательных возможностей.

Чрезмерное проявление вкусового признака может передаваться морфологическими средствами в немецком и украинском языках (см. табл. 3), ср.: нем. *übersüß*, *übersüßt* ‘приторный’; укр. *солодющий*, *гіркущий*, *кислючий*.

Таблица 3. Реализация значения чрезмерного проявления вкуса аффиксальным способом

Языки	Аффиксы	Количество лексем	Всего прилагательных, образованных аффиксальным способом	Всего прилагательных со значением “имеющий вкус + N + Int >> + [оценка (-)]”
Англ.	–	–	–	33 (100%)
Нем.	<i>ver-</i>	5	7 (19%)	36 (100%)
	<i>über-</i>	2		
Укр.	<i>пре-</i>	4	14 (27 %)	51 (100 %)
	<i>пере-</i>	2		
	<i>-уч-</i>	3		
	<i>-юч-</i>	2		
	<i>-ющ-</i>	2		
	<i>-ущ-</i>	1		

В отличие от немецкого и украинского языков, в английском языке значения *чрезмерного проявления вкуса* образуется при помощи наречий-интенсификаторов, ср.: нем. *übersüß* ‘слишком (очень) сладкий’; укр. *солодющий*, *пресолодкий*; англ. *too (very) sweet* – ‘слишком (очень) сладкий’. Это конструкции с адвербиальным ядром, для которых характерны регрессивные структуры (зависимое слово находится слева от ядра) [Иванова, 1981: 108]. В связи с моноксемным принципом отбора лексики в нашем исследовании, в корпус ГЛ не включаем двучленные конструкции.

Для образования значения чрезмерного проявления вкусового признака в немецком языке продуктивным является префикс *ver-*:

1) ‘со значением изменения состояния, превращения во что-либо’ [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 2000: 448]:

– при основах глаголов: *gären* ‘киснуть’ → *vergoren* ‘перебродивший’;

– при основах качественных прилагательных: *hart* ‘твердый, черствый’ → *verhärtet* ‘горелый’;

2) ‘со значением усиления, интенсивности действия’ [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 2000: 448]:

– при основах глаголов: *salzen* ‘солить’ → *versalzen* ‘пересоленный’;

3) 'со значением наличия качества' [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 2000: 447]: *versüßlicht* 'слащавый'.

Полусуффикс прилагательных немецкого языка *über-* придает усилительное значение, значение превышения нормы при основах качественных прилагательных [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 2000: 421]: нем. *übersüß*, *übersüßt* 'приторный, приторно-сладкий'.

Признак *чрезмерное проявление вкуса* в прилагательных украинского языка передается аффиксально и при помощи редупликации. В результате использования аффиксов происходит «приращение значения», увеличение «объема» признака, качества, оценной характеристики:

– синонимические префиксы *пере-*, *пре-* со значением превосходной степени: укр. *пересолений*, *пресолодкий*, *прегіркий*;

– сложные прилагательные со вторым компонентом в превосходной степени используются в украинском языке для передачи интенсивного вкуса с элементами оценки: *кислючий-прекислючий*, *кислючий-кислючий*, *солодкий-пресолодкий*; *гіркий-прегіркий*;

– суффиксально-префиксальные способы словообразования: конфиксы украинского языка *пере-...-ен(ий)*: *пересолений*, *пресолодження*, *перецукрований*; *най-...-(і)ш(ий)* образуют форму превосходной степени качества в прилагательных: *найпекучіший*, *найгостріший*, *найсолодший*, *найкисліший*, *найсмачніший*;

– суффиксы со значением преувеличения и огрубленности признака: *-уч- (-юч-)*, *-ущ- (-ющ-)*, *-ин-(а)*, напр.: *солодющий*; *кислючий*, *кислющий*; *гіркучий*, *гіркущий*, *кислятина*;

– при помощи редупликации возникают новые композиты: *кислий-кислий*, *солодкий-солодкий*.

Продуктивным при образовании значения чрезмерного вкуса в украинском языке является префикс *пре-*, заимствованный из старославянского языка [Етимологічний словник української мови, 2004: 58]. „В славянских языках префикс *пре-* имеет значение очень высокой степени качества” и употребляется в густативных значениях как в простых, так и в сложных словах: укр. *пресолодкий*, *солодкий-пресолодкий*, *гіркий-прегіркий*, *кислий-прекислий*, *кислючий-прекислючий*.

Префикс *най-* и суффикс *-іш-* (конфикс *най-...-іш-*) образуют форму превосходной степени качества в прилагательных: укр. *гострий* → *найгостріший*; *пекучий* → *найпекучіший*; *солодкий* → *найсолодший*; *кислий* → *найкисліший*.

Глаголы украинского языка с общей семой „добавить слишком много вкуса” объединены общим префиксом *пере-* и имеют объектом существительное в родовом

падеже: *пересолити*, *пересахарити* / *перецукрувати*, *переперчити*, *перегірчити*, *перекислити* (кого-что).

Отглагольный полупрефикс немецкого языка *über-* ‘происходит от одного из наречий, использовавшихся в древнегерманских языках вместе с глаголом как уточнитель пространственных отношений, выраженный именем’ [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 2000: 529], напр., глагол немецкого языка *übersüßen* ‘пересластить’ приобретает усилительное значение.

Префикс украинского языка *при-* является родственным литовскому *prie* ‘додача при торговле’. С его помощью образуется ряд глаголов, передающих кулинарные наименования: укр. *приправляти*, *приправити*, *присмачувати*, *присмачити*, *присолоджувати*, *присолодити*; а также отглагольных существительных со значением прибавка вкуса: *присмачування*, *приправляння*, *присолоджування*.

Высший индекс синтетичности украинского языка предопределяет большее количество ЛСВ вкуса, по сравнению с английским и немецким языками. Например, в английском и немецком языках отсутствуют аналоги таким словам украинского языка: *гіркий-прегіркий*, *гіркісінький*, *гіркучий*, *гіркущий*, *найгіркіший*, *гіркий-гіркий*; *солодющий*, *пресолодкий*, *найсолодший*, *солодісінький*, *солодюсінький*, *солодкий-солодкий*, *солодкий-пресолодкий*; *терпкуватий*.

Отсутствие наименования в языке-эталоне для свойств языка-объекта К. Джеймс предлагает называть межъязыковыми ранговыми сдвигами [James, 1989: 234]. Так, категорию вида украинского языка нельзя описать через систему английского и немецкого языков. Наличие в украинском языке категории совершенного / несовершенного вида является причиной большего количества глаголов со значением вкуса, по сравнению с другими исследуемыми языками. Так, в ЛСГ глаголов со значением *придавать чрезмерный вкус* – 13 ЛСВ украинского языка, 2 ЛСВ немецкого языка, в английском языке соответствия отсутствуют, ср.: нем. *übersüßen* ‘пересластить’; укр. разг. *пересолоджувати*, *пересолодити*, *попересолоджувати*. Согласно Е. В. Падучевой, выделяются: 1) действие с акцентом на процессе (несовершенный вид): *засолювати*; 2) действие с акцентом на результате (совершенный вид): *засолити*; 3) действие с количественным результатом: *насолити*, *наперчити* [Падучева, 2004: 40].

Таким образом, реализация категории интенсивности вкуса средствами аффиксального словообразования более характерна для украинского и немецкого, и менее характерна для английского языка, что связано с особенностями структуры сравниваемых языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2010. 232 с.
2. Безпояско О. К., Городенська К. Г. Морфеміка української мови. К.: Наук. думка, 1987. 210 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Комкнига, 2006. 280 с.
6. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. 1963. Вып. III. С. 60-94.
7. Загнітко А. П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО», 2011. 992 с.
8. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высш. школа, 1981. 285 с.
9. Кочерган М. П. Про семантичний принцип контрастивних лінгвістичних досліджень // Проблеми зіставної семантики. К., 2003. Вип. 6. С. 3-7.
10. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: Нова книга, 2006. 512 с.
11. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
12. Сучасна українська літературна мова. Морфологія. К.: Наукова думка, 1973. 583 с.
13. James C. Contrastive analysis. London: Longman group limited. Longman House, 1989. 418 p.
14. Lipka L. English lexicology: lexical structure, word semantics and word-formation. Tübingen: Narr, 2002. 224 p.
15. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik : Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissenschaft, 1965. 324 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Етимологічний словник української мови: у 7 т. Т. 4 / ред. В. Т. Коломієць, В. Г. Скляренко та ін.; уклад. Р. В. Болдирев та ін. К. : Наук. думка, 2004. 653 с.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов и др.; под рук. М. Д. Степановой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 536 с.

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (2010). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages]. Moskva: FIZMATLIT. (In Russ.).
2. Bezpoyasko, O. K., Gorodenska, K. G. (1987). *Morfemika ukrainskoi movy* [Morphemics of the Ukrainian language]. Kyiv: Naukova dumka. (In Ukr.).
3. Vezhbickaya, A. (2001). *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding of cultures by means of key words]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
4. Vinogradov, V. V. (1986). *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammatical doctrine of a word]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Volf, E. M. (2006). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Komkniga. (In Russ.).

6. Greenberg, J. (1963). Kvantitativnyy podkhod k morfologicheskoy tipologii yazykov [Quantitative approach to morphological typology of languages]. In *Novoe v lingvistike*. Vol. III. Pp. 60-94. (In Russ.).
7. Zagnitko, A. P. (2011). *Teoretychna gramatyka suchasnoi ukrainskoi movy. Morfologiya. Syntaksys* [Theoretical grammar of modern Ukrainian language]. Donetsk: TOV «VKF «BAO». (In Ukr.).
8. Ivanova, I. P., Burlakova, V. V., Pocheptsov, G. G. (1981). *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of modern English language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
9. Kochergan, M. P. (2003). Pro semantichnyy pryntsyyp kontrastyvnykh lingvistichnykh doslidzhen [On the semantic principle of contrastive linguistic research]. In *Problemy zistavnoi semantyky*. Vol. 6. Pp. 3-7. (In Ukr.).
10. Levitskiy, V. V. (2006). *Semasiologiya* [Semasiology]. Vinnitsa: Nova knyga. (In Russ.).
11. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of the vocabulary]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
12. *Suchasna ukrainska literaturna mova. Morfologiya* (1973). [The modern Ukrainian literary language. Morphology]. Kyiv: Naukova dumka. (In Ukr.).
13. James, C. (1989). *Contrastive analysis*. London: Longman group limited. Longman House.
14. Lipka, L. (2002). *English lexicology: lexical structure, word semantics and word-formation*. Tübingen: Narr.
15. Schmidt, W. (1965). *Grundfragen der deutschen Grammatik: Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre*. Berlin: Volk und Wissenschaft.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Etymologichnyy slovnyk ukrainskoi movy* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian Language] / V. T. Kolomiets, V. G. Sklyarenko (eds.). Kyiv, 2004. (In Ukr.).
2. *Slovar slovoobrazovatelnykh elementov nemetskogo yazyka* [Dictionary of Wordbuilding Elements of the German Language] / A. N. Zuev, I. D. Molchanova, R. Z. Muryasov (eds.). Moskva, 2000. (In Russ.).

Мохосоева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: talk123@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Mokhosoieva Marina N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business and Legal English (e-mail: talk123@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 13 июня 2016 г.

УДК 81'37:811.111=161.2

© 2016 Т. Н. Никульшина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «СУЩЕСТВО ИРРЕАЛЬНОГО МИРА» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье проводится анализ функционально-семантического пространства «Существо ирреального мира» в сопоставительном аспекте на материале английского и украинского языков. Результатом проведенного исследования является выделение пяти тематических групп, среди которых наиболее значимыми для носителей английского языка являются «Сверхъестественное существо» и «Человек ирреального мира», среди носителей украинского языка доминирует тематическая группа «Сверхъестественное существо».

Ключевые слова: *ирреальный мир, сопоставительный аспект, вербализация, имя существительное, сверхъестественный, вымышленный, фантастический.*

© 2016 T. N. Nikulshina

THE FUNCTIONAL-SEMANTIC SPACE “A BEING OF UNREAL WORLD” (IN ENGLISH AND UKRAINIAN LANGUAGES)

The article investigates peculiarities of the functional-semantic space “a being of unreal world” in English and Ukrainian languages. The analysis of lexical units presupposes their classification into 5 groups. Nouns denoting a supernatural being and a human being turned out to be the most numerous in English. Nouns representing a being of unreal world as a supernatural being prevail in Ukrainian.

Key words: *unreal world, comparative aspect, verbalization, noun, supernatural, imaginary, fantastic.*

Язык считают инструментом проникновения в ментальность, а следовательно, и ключом к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид [Левицкий, 2013; Маслова, 2008; Тер-Минасова, 2008]. Предлагаемая работа ориентируется на сопоставительные тенденции в современных лингвистических исследованиях [Басыров, 2014; Калиущенко, 2014; Кочерган, 2007; Левицкий, 2011; Панасенко, 2010; Петлюченко, 2013]. Исследование, проводимое на материале английского и украинского языков, дает возможность углубить знания о национальной ментальности носителей неблизкородственных языков.

Вторая половина XX века – начало XXI века пронизаны идеями субъективизма, антропоцентризма, заинтересованностью различными видами иррационального мышления и, соответственно, взаимодействием человека с окружающим миром, когда рушатся барьеры между воображением и действительностью, когда разум человека выходит за пределы вещей, которые даются ему наглядно [Lorente, 2006; Markman, 2006;

Pietrandrea, 2005]. Вербальная объективация новых форм бытия, соотнесение понятия «ирреальный мир» с понятиями возможного и реального миров, иного измерения и «иномирности» приобретают особое значение.

Осмысление ирреального сквозь призму языка является существенным, поскольку такой подход обеспечивает возможность на достаточно объективной основе открыть в ее содержании то, что веками откладывалось и накапливалось в общенародном сознании. Несмотря на значительные достижения в этой области [Левицкий, 2011; Benovsky, 2005; Walsh, 2005], существует целый ряд малоисследованных аспектов, например, изучение ирреального в функционально-семантическом аспекте.

Актуальность исследования обусловлена направленностью современных лингвистических студий на изучение когнитивных аспектов языка и связанных с ними специфических процессов вербализации действительности в соотношении с человеком, его мышлением и мировоззрением.

В основе нашего подхода к моделированию функционально-семантического пространства (ФСП) «Существо ирреального мира» лежит признак ‘одушевленность / неодушевленность объекта ирреального мира’. В анализируемом ФСП абстрактное понятие *ирреальность* трактуется сквозь призму конкретного за счет приобретения определенной «формы»: ирреальное соотносится с живым объектом – существом. Понятие «существо / неодушевленный объект» как ирреальный феномен не совпадает с понятием «живое / неживое» в природе. Деление объектов ирреального мира на одушевленные и неодушевленные является условным, поскольку в смоделированном носителями английского и украинского языков ирреальном мире неодушевленное может действовать как одушевленное, наделенное духовно-физическими возможностями.

Материалом изучения являются словарные статьи из лексикографических источников. Сплошная выборка составляет 3394 единицы: в английском языке – 1724, в украинском – 1670. Номинация существ ирреального мира осуществляется с помощью имен существительных. Вербализаторами семантики ирреального являются лексические единицы, содержащие семы ‘вымышленный’, ‘невозможный’, ‘воображаемый’, ‘фантастический’, ‘сверхъестественный’.

Целью исследования является выявление, систематизация и сопоставление лингвокультурных особенностей вербализации существа ирреального мира носителями английского и украинского языков.

Достижение поставленной цели реализуется путем решения основных **задач**: выявить языковое наполнение ФСП «Существо ирреального мира» и установить черты изоморфизма и алломорфизма в понимании существа ирреального мира носителями английского и украинского языков.

Объект исследования – вербализированный фрагмент картины мира, отражающей взгляды английского и украинского лингвосообществ на ирреальный мир.

Предмет исследования – сопоставление обозначения существ ирреального мира средствами английского и украинского языков.

Научная новизна полученных результатов заключается в выявлении в сопоставительном аспекте специфики вербализации существа ирреального мира носителями английского и украинского языков.

Лексические единицы ФСП «Существо ирреального мира» объединены интегральным семантическим признаком – принадлежностью к вымышленному живому миру – и могут быть сведены к пяти тематическим группам: «сверхъестественное существо», «человек ирреального мира», «животное ирреального мира», «фантастическое существо» и «существо других цивилизаций».

Тематическая группа «сверхъестественное существо» представлена тремя подгруппами – **«Бог как Создатель мира»** (God – ‘the spirit or being who Christians, Jews, Muslims etc pray to, and who they believe created the universe’ [LDCE, 2006: 695] (Бог – дух или существо, которому христиане, евреи и мусульмане молятся, и которое, как они полагают, создало мир), *Господь* – ‘одна із назв Бога у християн’ [СУМ т.2, 1971: 142]), **«бог как существо, управляющее частью мира»** (*Cybele* – ‘a nature goddess of the ancient peoples of Asia Minor’ [WNCD, 1974: 282] (Сибела – богиня природы давніх народів Малої Азії), *Полель* – ‘бог світлого дня’ [ЗУЕ, 2006: 271]), **«дух как существо менее значимое, чем бог»** (*Dooiney-Oie* – ‘добрий дух, предупреждающий о надвигающихся штормах иногда криком, иногда являясь в дымке в образе человека и предостерегая моряков, порой трубя в рог, который звучит как швейцарский альпийский рожок’ [ЭВС, 2005: 321], *Доля* – ‘добрий дух, який захищає людину, приносить щастя та багатство усім, однак коли людина лінива або погана, то доля її покидає’ [Войтович, 2005: 160]).

В пределах анализируемой группы в английском языке подгруппа «дух как существо менее значимое, чем бог» обладает повышенной наполненностью (437 единиц – 57,05%) по сравнению с остальными конститuentами данной группы и с такой же группой в украинском языке – 321 номинация (30,69%). В отличие от английского языка, в украинском базовой является подгруппа «бог как существо, управляющее частью

мира», которая репрезентирована 592 единицами, составляя 56,6% от общего количества единиц исследуемой группы; в английском языке она вербализована 227 единицами (29,63%). Подгруппа «Бог как Создатель мира» является наименее многочисленной в данной триаде, включая 102 единицы (13,32%) в английском языке и 133 единицы (12,71%) в украинском языке.

Важное место в образном представлении существа ирреального мира занимает группа **«человек ирреального мира»** (в английском языке – 40,9%, в украинском языке – 26,41%), формируемая четырьмя подгруппами – **«человек, имеющий внешность, черты характера и способности обычного человека»** (*Judas Iscariot* – ‘in the New Testament of the Bible, one of the Jesus’s disciples. He received “thirty pieces of silver” from the Jewish authorities as payment for betraying Jesus’ [LDELС, 1998: 711] (Иуда Искариот – в Ветхом Завете – один из учеников Иисуса, получивший тридцать серебрянников за предательство своего учителя), *Марко Проклятий* – ‘популярний герой українських легенд [...]; в основі лежить легенда про зрадника Марка, що вдарив Христа залізною рукавицею перед його хресною смертю, за що Господом був покараний вічно ходити під землею навколо стовпа, не спиняючись ні на хвилину’ [ЗУЕ, 2006: 354]), **«человек с необычными внешними и физическими данными»** (*Helen of Troy* – ‘in ancient Greek stories, the wife of Menelaus, the king of Sparta. Helen was famous for her great beauty’ [LDELС, 1998: 617] (Елена Троянская – в греческой мифологии – жена Менелая, короля Спарты, известная своей необычайной красотой), *Дафніс* – ‘у давньогрецькій міфології – сицилійський пастух надзвичайної краси, складач пісень’ [ВТС СУМ, 2007: 274]; *Antaeus* – ‘a giant overcome by Hercules’ [WNCD, 1974: 47] (Антей – гигант, побежденный Геркулесом), *Балда* – ‘могутній богатир [...]. Він може давати такі щиглі, що від них падають мертвими бик і ведмідь, і такі щипки, що у найсильнішого бика злазить уся шкіра’ [Войтович, 2005: 22]), **«человек с необычными умственными способностями»** (*Miss Jane Marple* – ‘a character in crime novels by Agatha Christie. Miss Marple is a very polite old English lady who also clever at discovering criminals, especially murderers’ [LDELС, 1998: 834] (Мисс Марпл – главный персонаж в детективных историях А. Кристи; очень умная вежливая пожилая английская леди, расследующая криминальные истории и находящая убийц), *Аріадна* – ‘у давньогрецькій міфології – дочка критського царя Міноса, що вивела Тезея з лабіринту за допомогою клубка ниток’ [ВТС СУМ, 2007: 39]), **«человек, обладающий сверхъестественными способностями»** (*Dorian Grey* – ‘an imaginary character who leads a bad life in a novel by Oscar Wilde. Every time he does something evil, a picture of him

changes and begins to look older and more evil, while he remains young and attractive' [MEDAL, 2007: 413] (Дориан Грей – в произведении О. Уальда – вымышленный персонаж, который ведет распутный образ жизни. Каждый раз, когда он поступает недостойно, картина, на которой он изображен, меняется – на ней он становится старше, а в жизни – моложе), *Мафусаїл* – 'біблійський міфічний патріарх, який нібито прожив 969 років' [СІС, 1974]).

У ФСП «существо ирреального мира» в английском языке две тематические группы являются практически равновеликими, с незначительным преимуществом в 61 единицу (3,04%) сверхъестественного существа над человеком ирреального мира. В украинском языке стержневой является тематическая группа «сверхъестественное существо», которая включает более половины (62,63%) всех лексических единиц, формирующих исследуемое ФСП.

Широко и разнообразно представлена тематическая группа «**фантастическое существо**», реализуясь в 163 единицах (9,45%) в английском языке и в 143 единицах (8,56%) в украинском языке. Анализируемая группа моделируется пятью подгруппами – «**человекоподобное существо как симбиоз человека и животного**» (*Triton* – 'in Greek Mythology, son of Poseidon who was half man and half fish and lived at the bottom of the sea' [SD, 1986: 1064] (Тритон – в греческой мифологии – сын Посейдона, который жил на дне моря; получеловек-полурыба); *мінотавр* – 'у давньогрецькій міфології – чудовисько з тілом людини і головою бика, яке начебто пожирало живих людей' [ВТС СУМ, 2006: 677]); «**существо как симбиоз животных**» (*unicorn* – 'a fabulous animal generally depicted with the body and head of a horse, the hind legs of a stag, the tail of a lion, and a single horn in the middle of the forehead' [WNCD, 1974: 1278] (единорог – вымышленное животное с туловищем и головой лошади, конечностями оленя, хвостом льва с одним рогом посередине лба), *химера* – 'у давньогрецькій міфології – страховище з головою лева, тулубом кози й хвостом дракона, з пащі якого вивертається полум'я' [СУМ, т. 11, 1980: 57]); «**человекоподобное существо как симбиоз человека и несуущества**» (*cyborg* – 'a living organism some of whose vital parts have been substituted by electronic or mechanical devices' [NWDThEL, 1986: 238] (киборг – живой организм, некоторые части которого были заменены на электронные и механические), *Тал* – 'мідний велетень на Криті, що відганяв від острова чужинців' [ВТС СУМ, 2007: 1428]); «**человекоподобное существо как симбиоз людей**» (в обоих языках зарегистрирован единственный пример: *Hermaphrodite* – 'a son of Hermes and Aphrodite whose body coalesces with that of a nymph who is in love with him' [WNCD, 1974: 536], *Гермафродит* – 'у давньогрецькій міфології – син Гермеса й Афродіти, якого боги з'єднали із коханою в нього німфою Салмакідою так,

що їхні тіла утворили одну (але двостатьову) істоту' [СТСУМ, 2006: 189]); «человекоподобное существо как симбиоз человека и растительного мира» (Черчик-Васильчик – ‘людина-квітка’ [Войтович, 2005: 582]; в английском языке фантастическое существо, в котором соединяются человек и представитель флоры, не зафиксирован).

Фантастическое существо в сознании носителей английского и украинского языков не относится к четко выраженному биологическому виду организмов, обычно имеет уродливую внешность вследствие физиологических отклонений от принятых в обществе норм и обладает сверхъестественными способностями.

Третьей по численности является тематическая группа «животное ирреального мира» – 81 номинация (4,7%) в английском языке и 37 номинаций (2,22%) в украинском языке. Анализируемая группа репрезентируется тремя подгруппами – «животное со сверхъестественными способностями» (кот появляется и исчезает – *Cheshire cat* [LDELС, 1998: 213], птица живет более 500 лет и снова возрождается из пепла – *фенікс* [ВТС СУМ, 2007: 1531]), «животное с необычными для данного класса способностями» (свинья не может ходить на двух ногах – *Piglet* [LDELС, 1998: 1014]; змей должен ползать, а не летать – *металець* [ЕСУМ, т. 3, 1989: 447]), «животное с необычными способностями для животного как представителя биологического класса» (медведь придумывает и поет песни, стихи – *Winnie the Pooh* [LDELС, 1998: 1530], птица помогает воинам побеждать в войне с врагами – *перуниця* [СДМ, 2007: 190]).

Незначительное количество наименований для обозначения вымышленных животных в картине ирреального мира свидетельствует об их незначительной роли для реализации семантики ирреального. В сознании носителей английского и украинского языков животное ирреального мира – это животное, которое обязательно относится к определенному биологическому классу; преимущественно передвигается по земле; может иметь физиологические отклонения и проявлять необычные или сверхъестественные способности. Приведенные количественные характеристики эксплицируют одинаковое осмысление английским и украинским лингвосообществами животного в переинтерпретированном виде с присвоением ему специфических параметров и признаков.

При моделировании ФСП «Существо ирреального мира» наименее представленной является группа «существо других цивилизаций», состоящая из двух подгрупп – «человекоподобное существо» и «существо без принадлежности к определенному классу». Низкая наполняемость данной группы (9 номинаций (0,52%) в английском языке (*alien, E.T., humanoid, little green men, the man in the moon, Martian, mutant, spaceman,*

Superman) и 3 номинации (0,18%) в украинском языке (*гуманоїд, Марсіанин, прибулець*)) определяет ее периферийность в общей структуре ФСП.

Несмотря на малочисленность исследуемой группы, ее наличие в английской и украинской картинах ирреального мира свидетельствует о желании английского и украинского лингвосообществ расширить свои знания и узнать больше о Вселенной и ее возможных жителях. Асимметричность проявляется в неодинаковом понимании прототипа существа других цивилизаций: для носителей английского языка – это человек, для носителей украинского языка – организм без точного указания биологического вида.

В рамках проведенного исследования прослеживается воплощение ирреального мира в системе языка, в национальном (английском и украинском лингвосообществах) и общечеловеческом (сопоставительный аспект) измерениях.

Количественные данные, приведенные в таблице 1, демонстрируют понимание исследуемого феномена английским и украинским социумом в сопоставительном аспекте.

Таблица 1. *Количественная характеристика функционально-семантического пространства «Существо ирреального мира» в сопоставительном аспекте*

Тематическая группа	Количественный состав			
	Английский язык		Украинский язык	
	Абсолютное количество	Относительное количество (%)	Абсолютное количество	Относительное количество (%)
1. Сверхъестественное существо	766	44,43	1046	62,63
2. Человек ирреального мира	705	40,9	441	26,41
3. Фантастическое существо	163	9,45	143	8,56
4. Животное ирреального мира	81	4,7	37	2,22
5. Существо других цивилизаций	9	0,52	3	0,18
Итого	1724	100	1670	100

Анализ ФСП «Существо ирреального мира» позволил не только выявить его языковое наполнение, но и получить полное представление об особенностях восприятия изучаемого пространства в английской и украинской лингвокультурах в кросскультурном аспекте. Несмотря на то, что анализ проводился на материале неблизкородственных языков, обращает внимание высокая степень соответствия, что приводит к совпадению основного набора компонентов ФСП «Существо ирреального мира».

Доминирование черт изоморфизма свидетельствует о значительном сходстве в понимании существа ирреального мира носителями английского и украинского языков.

Преимущество симметричных признаков объясняется тем фактом, что в поле зрения нашего исследования находилось отражение ирреального мира представителями христианской культуры. Отличия вызваны наличием национально-культурного компонента в лексических единицах, которые служат для обозначения объектов, соотносимых с историей и культурой английского и украинского лингвосообществ, реалиями жизни каждого из них.

В дальнейшем нам представляется перспективным исследование ирреального мира на текстовом уровне, что позволит проследить эволюцию языковой единицы – от ее словарной ипостаси до гипертекстуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Словотвор дієслів з рефлексивним комплексом у типологічному висвітленні. Донецьк: Ноулідж, 2014. 544 с.
2. Каліущенко В. Д., Кухарук К. О. Локативні відіменникові дієслова в німецькій мові у порівнянні з англійською, польською, російською та українською // *Studia Germanica et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. 2014. Т. 11. № 2 (32). С. 67-79.
3. Кочерган М. П. Основи зіставного мовознавства. К.: Академія, 2006. 424 с.
4. Левицкий А. Э. СОН и МЕЧТА в пространстве квазиреальности (на материале восточнославянских и западногерманских лингвокультур) // *Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее*. М.: Изд-во «Индрик», 2011. С. 448-458.
5. Левицкий А. Э. Функциональный подход к изучению языка и речи в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы знания // *Когнитивные исследования*. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2013. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. С. 44-54.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
7. Панасенко Н. И. Категория времени в названиях лекарственных растений (на материале романских, германских и славянских языков) // *Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах*. 2010. Вип. 22. С. 23-31.
8. Петлюченко Н. В., Сафьян Ю. О. Концепты обаяние и харизма в германской и славянской лингвокультурах // *Одеський лінгвістичний вісник*. 2013. Вип. 1. С. 112-126.
9. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 334 с.
10. Benovsky J. Branching versus Divergent Possible Worlds // *Kriterion*. 2005. № 19. P. 12-20.
11. Lorente J. M. Possible-World Theories and the Two Fictional Worlds of More's *Utopia*: How Much (and How) Can We Apply? 2006. Available at: www.sederi.org/docs/yearbooks/06/6_13_martinez.pdf. (accessed: 11.04.2015).
12. Markman K. D., McMullen M. N., Elizaga R. A., Mizoguchi N. Counterfactual Thinking and Regulatory Fit // *Judgment and Decision Making*. November, 2006. Vol. 1. № 2. P. 98-107.
13. Pietrandrea P. The Conceptual Structure of Irreality. A Focus on Non-Exclusion-of-Factuality as a Conceptual and a Linguistic Category. 2005. Available at: www.host.uniroma3.it/dipartimenti/linguistica/docenti/Pietrandrea_to-appear-conceptual_structure_of_irreality-language-sciences.pdf. (accessed: 04.06.2015).

14. Walsh C. R. Counterfactual Thinking: The Temporal Order Effect. 2005. Available at: www.psy.plymouth.ac.uk/research/cwalsh/Walsh. (accessed: 17.04.2015).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФІЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Войтович В. М. Українська міфологія. К.: Либідь, 2005. 664 с.
2. ВТС СУМ: Великий тлумачний словник сучасної української мови / укл., голов. ред.: В. Т. Бусел. К., Ірпінь: ФТФ "Перун", 2007. 1736 с.
3. ЕСУМ: Етимологічний словник української мови : у 7 т. / редкол. О. С. Мельничук та ін.. К.: Наук. думка, 1982-2006.
4. ЗУЕ: Знаки української етнокультури. Словник-довідник / авт.-укл. В. В. Жайворонок. К.: Довіра, 2006. 703 с.
5. СДМ: Словник давньоукраїнської міфології / укл.: С. П. Плачинда. К.: Велес, 2007. 240 с.
6. СІС: Словник іншомовних слів / редкол. О. С. Мельничук та ін. Доступ: <http://wwwhttp://www.rozum.org.ua/index.php?a=index&d=18>. (дата обращения: 11.04.2015).
7. СТСУМ: Сучасний тлумачний словник української мови / за ред. В. В. Дубічинський. Харків: ВД ШКОЛА, 2006. 1008 с.
8. СУМ: Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР, редкол.: І. К. Білодід (голова) та ін.. К.: Наук. думка. 1971-1980.
9. ЭВС: Волшебные существа: Энциклопедия / сост. Н. Горелов. СПб.: Азбука-классика, 2005. 432 с.
10. LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English / ed. by A. Gadsby. Harlow: Pearson ESL, 2006. 1968 p.
11. LDELС: Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Addison Wesley Longman, 1998. 1568 p.
12. MEDAL: Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / ed. by M. Rundell. London: Macmillan Publishers Limited, 2006. 1692 p.
13. NWDThEL: New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language / ed. by B. S. Cayne. Danbury, CT: Lexicon Publications, 1986. 1248p.
14. SD: Scribner Dictionary / ed. by William D. Halsey. New York: Scribner Educational Publishers, 1986. 1190 p.
15. WNCD: Webster's New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass.: G. & C Merriam Co, 1974. 1536 p.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovotvir diiesliv z refleksyvnyim kompleksom u typologichnomu vysvitlenni* [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Ukr.).
2. Kaliuščenko, V. D. Kukharuk, K. O. (2014). Lokatyvni vidimennykovi diieslova v nimetskiy movi u porivnyanni z angliyskoyu, polskoyu, rosiyskoyu ta ukrainskoyu [Locative denominal verbs in German compared to English, Polish, Russian and Ukrainian]. In *Studia Germanica et Romanica: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodyka vykladannya*. Vol. 11. № 2 (32). Pp. 67-79. (In Ukr.).
3. Kochergan, M. P. (2006). *Osnovy zistavnogo movoznavstva* [The basics of comparative linguistics]. K.: Akademiya. (In Ukr.).
4. Levitsky, A. E. (2011). SON i МЕСНТА v prostranstve kvazirealnosti (na materiale vostochnoslavyanskikh i zapadnogermanskikh lingvokultur) [SLEEP and DREAM in the quasi-reality dimension (in East Slavic and West Germanic cultures)]. In *Lingvofuturizm: Vzglyad yazyka v budushchee*. M.: Izd-vo «Indrik». Pp. 448-458. (In Russ.).

5. Levitsky, A. E. (2013). Funkcionalnyy podhod k izucheniyu yazyka i rechi v rusle kognitivno-diskursivnoy paradigmy znaniya [Functional approach to investigating language units and speech forms using cognition and discourse paradigm]. In *Kognitivnye issledovaniya*. M.: In-t yazykoznaniiya RAN; Tambov: Izdatelskiy dom TGU im. G. R. Derzhavina. Vol. XIII: Mentalnye osnovy yazyka kak funktsionalnoy sistemy. Pp. 44-54. (In Russ.).

6. Maslova, V. A. (2008). *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. M.: Flinta: Nauka. (In Russ.).

7. Panasenko, N. I. (2010). Kategoriya vremeni v nazvaniyakh lekarstvennykh rasteniy (na materiale romanskikh, germanskikh i slavyanskikh yazykov) [Category of time in medicinal plants' names (based on Romance, Germanic and Slavic languages)]. In *Typologiya movnykh znachen u diakhronichnomu ta zistavnomu aspektakh*. Vol. 22. Pp. 23-31. (In Russ.).

8. Petlyuchenko, N. V. Safyan, Yu. O. (2013). Koncepty obayanie i kharizma v germanskoj i slavyanskoj lingvokulturakh [Concepts CHARM and CHARISMA in Germanic and Slavic cultures]. In *Odeskij lingvistichnyy visnyk*. Vol. 1. Pp. 112-126. (In Russ.).

9. Ter-Minasova, S. G. (2008). *Voyna i mir yazykov i kultur* [War and peace of languages and cultures]. M.: Slovo/Slovo. (In Russ.).

10. Benovsky, J. (2005). *Branching versus Divergent Possible Worlds*. In *Kriterion*. No 19. Pp. 12-20.

11. Lorente, J. M. (2006). *Possible-World Theories and the Two Fictional Worlds of More's Utopia: How Much (and How) Can We Apply?* Available at: www.sederi.org/docs/yearbooks/06/6_13_martinez.pdf. (accessed: 11.04.2015).

12. Markman, K. D. (2006). Counterfactual Thinking and Regulatory Fit. In *Judgment and Decision Making*. November. Vol. 1. No 2. Pp. 98-107.

13. Pietrandrea, P. (2005). *The Conceptual Structure of Irreality. A Focus on Non-Exclusion-of-Factuality as a Conceptual and a Linguistic Category*. Available at: www.host.uniroma3.it/dipartimenti/linguistica/docenti/Pietrandrea_to-appear-conceptual_structure_of_irreality-language-sciences.pdf. (accessed: 04.06.2015).

14. Walsh, C. R. (2005). *Counterfactual Thinking: The Temporal Order Effect*. Available at: www.psy.plymouth.ac.uk/research/cwalsh/Walsh. (accessed: 17.04.2015).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Voytovych, V. M. (2005). *Ukrainska mifologiya* [Ukrainian Mythology]. K.: Libid. (In Ukr.).

2. VTS SUM (2007): *Velykyy tlumachnyy slovnyk suchasnoi ukrainskoi movy* [Large Explanatory Dictionary of the Contemporary Ukrainian Language] / V. T. Busel (ed.). K., Irpin: FTF Perun. (In Ukr.).

3. ESUM (1982-2006): *Etymologichnyy slovnyk ukrainskoi movy* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]: u 7 t. / O. S. Melnychuk (ed.) ta in. K.: Nauk. Dumka. (In Ukr.).

4. ZUE (2006): *Znaky ukrainskoi etnokultury. Slovnyk-dovidnyk* [Signs of the Ukrainian Ethnoculture] / avt.-ukl.: V. V. Zhaivoronok. K.: Dovira. (In Ukr.).

5. SDM (2007): *Slovnyk davnoukrainskoi mifologii* [The Dictionary of the Ancient Ukrainian Mythology] / ukl.: S. P. Plachynda. K.: Veles, 2007. (In Ukr.).

6. SIS (1974): *Slovnyk inshomovnyh sliv* [Dictionary of Foreign Words] / O. S. Melnychuk (ed.) ta in. Available at: www.rozum.org.ua/index.php?a=index&d=18. (accessed: 17.04.2015). (In Ukr.).

7. STSUM (2006): *Suchasnyy tlumachnyy slovnyk ukrainskoi movy* [Modern Ukrainian Explanatory Dictionary] / V. V. Dubichynskiy (ed.). Kharkiv: VD SHKOLA. (In Ukr.).

8. SUM (1971-1980): *Slovnyk ukrainskoi movy* [Dictionary of the Ukrainian Language]: v11 t. / AN URSR, redkol.: I. K. Bilodid (golova) ta in. K.: Nauk. Dumka. (In Ukr.).

9. EVS (2005): *Volshebnye sushchestva: Entsiklopediya* [Imaginary Creatures: Encyclopedia] / sost. N. Gorelov. SPb.: Azbuka-klassika. (In Russ.).

10. LDCE (2006): *Longman Dictionary of Contemporary English* / A. Gadsby (ed.). Harlow: Pearson ESL.

11. LDELС (1998): *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow: Addison Wesley Longman.

12. MEDAL (2006): *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* / M. Rundell (ed.). London: Macmillan Publishers Limited.

13. NWDThEL (1986): *New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language* / B. S. Cayne (ed.). Danbury, CT: Lexicon Publications.

14. SD (1986): *Scribner Dictionary* / William D. Halsey (ed.). New York: Scribner Educational Publishers.

15. WNCD (1974): *Webster's New Collegiate Dictionary*. Springfield, Mass.: G. & C Merriam Co.

Никульшина Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: svn-n0406@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Nikulshina Tatiana N. – Doctor of Philology, Professor of Theory and Practice of Translation Department (e-mail: svn-n0406@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 10 июня 2016 г.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЁМА СИНТАГМ В РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

При чётком и последовательном разграничении сфер языка и речи, а также их типичных единиц на основании анализа делимитации речи выясняется индивидуально-авторская её структура как линейная последовательность исходных речевых единиц. На основе сопоставительного исследования синтагматической структуры художественной, разговорной и научной русской, украинской и английской речи освещаются вопросы строения, объёма и особенностей использования синтагм как реальных речепорождающих единиц в речи названных языков.

Ключевые слова: устная речь, письменная речь, делимитация речи, синтагма, структура синтагмы, объём синтагмы, активность синтагмы.

© 2016 E. V. Filatova

CONTRASTIVE STUDY OF SYNTAGMAS RANGE IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND ENGLISH SPEECH

While differentiating spheres of language and speech precisely and consecutively as well as their typical units relying on speech delimitation analysis its author's individual structure as a linear initial speech unit succession is revealed. The issues of formation, range and peculiarities of use of syntagmas as real speech creating units are elucidated on basis of contrastive study of syntagmatic structure in belles-lettres, colloquial and scientific Russian, Ukrainian and English speech.

Key words: oral speech, written speech, speech delimitation, syntagma, structure of a syntagma, range of a syntagma, activity of a syntagma.

Любая сегментация текста как **речевого** явления предполагает его естественное членение на однотипные **речевые единицы**, свойственные письменной речи – порождающие её или традиционно её оформляющие. Возможны как речевой, так и языковой аспекты исследования текста. В зависимости от подхода в нём выделяют речевые и языковые единицы. Языковыми единицами в структуре текста являются буквы (как графическое представление звуков), морфемы, слова и словоформы. Причём буквы, слова и словоформы предельно очевидны в нём. Но это вовсе не свидетельствует о том, что именно из них он составлен и что они являются его самостоятельными конструктивными компонентами. Для языка характерны свои единицы, а для речи естественны свои – типичные **речевые структуры**. Исходной единицей речи является **синтагма**. Это минимальная индивидуально-креативная структура, автоматически появляющаяся в сознании человека в процессе речи как результат его психоречевой реакции на ситуацию или передаваемое содержание. Обычно синтагма включает

несколько слов, объединённых грамматически, интонационно и по смыслу. Она выступает в роли исходной единицы при порождении речи – говорении и письме, – а также при её восприятии – слушании (аудировании) и чтении [Родионова, 2008: 81].

Синтагмы в украинской речи: *Усі вони, / ще зовсім юні, / безтурботні, / з щасливими обличчями, / граючись / та азартно розмахуючи руками, / співали якусь пісню.*

Или в английской: *Troubles of one or another man, / who found himself in complicated problems, / are natural for people, / deprived of responsibility and self-control (Неприятности того или иного человека, / оказавшегося среди сложных для него проблем, / являются закономерными для людей, / лишённых ответственности и самоконтроля).*

Важными характеристиками синтагм являются их **структура** и **объём**. Структура синтагмы отражает взаимоположение всех её компонентов, **спонтанно объединившихся** в сознании человека в минимальную речевую единицу. Объём синтагмы – это её количественная характеристика на основании числа входящих в неё компонентов.

Остальные речевые единицы выделяются в зависимости от формы речи. **Фраза** и полное **сообщение** – единицы устной речи. Простое и сложное **предложения, высказывание** (в иной терминологии: **сложное синтаксическое целое**) и **текст** – единицы письменной речи [Филатова, 2012: 21]. Мысли о структуре и границах предложения появляются при трансформации устной (или внутренней) речи в письменную. Все речевые единицы самостоятельны (у них свои конкретные функции), коммуникативны; структурно, грамматически и интонационно оформлены. Они отвечают всем требованиям своей (**речевой**) сферы. Коммуникативность синтагмы не всегда очевидна, но проявляется во многих ситуациях, при необходимости синтагма может выполнять функцию предложения и её коммуникативность не вызывает никаких сомнений. Ср.: – *Часто / сестра навещала больного? – Только сегодня.*

Синтагма **Только сегодня** коммуникативна, она выполняет функцию не только предложения, но и ситуативного сообщения (минимального текста).

Выделение в тексте слов путём их отдельного написания – это форма традиционного его представления, а вовсе не показатель того, что он и каждое его предложение составлены из отдельных слов. Самостоятельного сегмента речи с квалификацией “слово” нет [Филатова, 2013: 39]. Слово не имеет непосредственного отношения к построению речи. Чтобы получить речевой статус, оно должно в сочетании с другими словами создать единый компонент с ситуативным значением – синтагму или само должно выполнять функцию такой единицы. Будучи составной структурой,

синтагма, тем не менее, как речевая единица **недискретна**, её нельзя разделить на более мелкие **речевые** компоненты.

Синтагма, как и любая речевая единица, не существует в качестве заданного компонента, как существуют, например, слова в системе языка. Она результат речевого творчества. Это целостная, одномерная единица, представляющая собой лингвистическое отражение простейшей ситуации, отдельного минимального факта или реалии в единстве с её одним или несколькими актуальными акцидентными признаками, это “простейшее синтаксическое целое” – по определению Л. В. Щербы [Щерба, 1974: 95]. Синтагма предполагает наличие других синтагм, которые все вместе передадут необходимое содержание. Показательно, что не только объединение и связь синтагм, но и их чёткое разграничение с помощью пауз способствует развитию речи и её содержания. Делимитация синтагм позволяет осмыслить значение каждой из них и тем самым понять содержание речи в целом. Для развития связной речи важны не только связи компонентов – интонационная, грамматическая и смысловая, – но и разграничение этих компонентов.

Цель статьи – сопоставить объёмы синтагм в русской, украинской и английской речи, выяснить степень использования синтагм в зависимости от количественных показателей их структур, установив тем самым сходство и различия реальных речепорождающих единиц в соответствующих языках. Для этого в каждом из языков параллельно сопоставлялись материалы в трёх сферах речи – художественной, разговорной и научной. Причём материалы в научной речи представляли одну и ту же науку – лингвистику, что, на наш взгляд, делает выводы более обоснованными.

Исследования структуры синтагм в речи разных языков, а также в живой народной речи свидетельствуют о том, что инвариантные особенности их строения сводятся к двум видам: 1) многокомпонентные структуры синтагм и 2) однокомпонентные структуры.

Первые обычно включают в качестве единой минимальной речевой единицы от двух до шести компонентов – словоформ или неизменяемых знаменательных слов (их может быть больше, например, в научной речи при использовании составных терминов). Компоненты синтагмы произносятся без пауз как единое интонационное и структурно-смысловое целое. Синтагмы второй группы представлены одним словом или словоформой.

Объём синтагм обусловлен субъективными и объективными факторами: особенностями личной психической деятельности человека, его дыханием, характером передаваемого содержания и тем, к какому типу относится язык – синтетическому или аналитическому. Ещё Цицерон обратил внимание на то, что количество компонентов в

сочетаниях слов в речи, отражающих элементарный фрагмент ситуации, ограничивается дыханием. Опираясь на личный ораторский опыт, он сделал интересное наблюдение, касающееся объёма лексического комплекса с единым значением: “Самое длительное сочетание слов – это то, какое может быть произнесено на одном дыхании” [Цицерон, 1972: 242]. Единство значения такого сочетания определяется единством его интонации. В нём не должно быть паузы, даже физиологической, вызываемой потребностью дыхания, ибо она может деформировать значение. “Одно дыхание” при их произношении предполагает единство их структуры, интонации и содержания. Паузы между ними позволяют осознать их в качестве самостоятельных единиц организации речи. Путём их последовательного линейного наращивания формируется синтагматическая структура устной речи, которая при необходимости отражается на письме с помощью графических средств, установившихся способов и приёмов. Их делимитация в устной речи, а также при чтении помогает быстро осознать значение каждой из них.

Для сопоставления синтагм в речи разных языков появляется необходимость введения понятия **условной синтагмы**, которое подразумевает среднестатистическую исходную речевую структуру, способствующую отражению однотипных явлений в речи разных языков. Условная синтагма определяется отношением общего количества компонентов в синтагматической структуре текста к количеству синтагм в нём. Таким образом, объём условной синтагмы можно определить по формуле:

$$O = \frac{K}{C}$$

В ней: **O** – объём условной синтагмы; **K** – общее количество компонентов (т.е. слов, имеющих ударение) в структуре всех синтагм речи; **C** – количество синтагм в ней. Объём условной синтагмы равняется частному от деления числа общего количества компонентов в структуре всех синтагм, на число синтагм в речи.

Ситуация с объёмом синтагм в русской художественной речи выяснялась на основе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре». Наиболее активными оказались 3-словные синтагмы. Они составляют почти 30% текстов. Далее идут 2-словные (26%), 4-словные (15%), 5-словные (12%) и лишь на 5 месте 1-словные синтагмы (10%). Использование синтагм с шестью и более компонентами носит единичный характер.

Объём условной синтагмы в русской художественной речи составляет 3 компонента.

В русской разговорной речи [Разговорный стиль речи: пример текста] активность синтагм разной структуры несколько иная: 2-словные синтагмы составляют 33% её

структуры, 1-словные – 26 %, 3-словные – 23 %, 4-словные – 10 % и 5-словные – 8 %. В ней наблюдается активизация 1-словных синтагм. Синтагмы с шестью и более компонентами единичны. Объём условной синтагмы – 2,4 компонента.

В русской научной речи, которую представляла книга Д. Н. Шмелёва «Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке» [Шмелёва, 1976], наиболее употребительны синтагмы с количеством компонентов от двух до пяти: 2-словные – 25 %, 3-словные – 22 %, 4-словные – 16 %, 5-словные – 13 %. На 1-словные синтагмы приходится около 10 % текста. Многокомпонентные синтагмы, включающие от 6 до 9 слов, составляют 15 % текста. Объём условной синтагмы здесь равен 3,5 компонента.

В украинской речи объём синтагм исследовался на основе романа М. Коцюбинского «Фата-Моргана», разговорной речи (записи студентов живой речи в с. Быковка Житомирской области; хранятся на кафедре украинского языка ДонНУ), монографии И.Р. Выхованца «Нариси з функціонального синтаксису української мови». Объём условной синтагмы в художественной речи – 2,3 компонента, в разговорной – 2,5 и в научной – 3,3 компонента. В целом для речи объём условной синтагмы – 2,7 компонента.

В английской речи объём синтагм исследовался на основе художественного текста (Somerset Maugham, “A Friend in Need”), разговорной и научной речи. В качестве материала разговорной речи привлечён роман: J. D. Salinger “The Catcher in the Rye”. Литературная критика часто отмечала, что он написан разговорным языком. Это обусловило наш выбор романа для исследования разговорного варианта речи. Английская научная речь представлена текстом книги Баса Аартса “English Syntax and Argumentation”.

Объём условной синтагмы в английской художественной речи включает 4,5 компонента, в разговорной речи – 4,8, и в научной речи – 4,9 компонента. То есть для любого из этих видов речи условная синтагма включает 5 слов, имеющих ударение.

В следующей таблице отражена степень активности разных по объёму синтагм в художественной, научной и разговорной речи русского, украинского и английского языков (представлены средние показатели, округлённые до целых чисел).

В русской речи **однословные** синтагмы по частоте употребления на третьем месте – после трёхсловных и двухсловных синтагм. Их здесь 15-16 единиц на каждые сто синтагм. В украинской речи они тоже на третьем месте – 15 единиц на сто синтагм.

В английской речи ситуация с аналогичными синтагмами иная. Они по активности на седьмом месте. На каждые сто синтагм у них всего 6 позиций.

Таблица 1. *Активность в речи синтагм в зависимости от их объёма в разных языках*

Место по частоте использования	Компонентный состав синтагм русской речи	Процент использования (%)	Компонентный состав синтагм украинской речи	Процент использования (%)	Компонентный состав синтагм украинской речи	Процент использования (%)
1	3-комп-ные	28	2-комп-ные	33	3-комп-ные	19
2	2-комп-ные	26	3-комп-ные	30	4-комп-ные	18
3	1-комп-ные	15	1-комп-ные	14	5-комп-ные	13
4	4-комп-ные	14	4-комп-ные	12	2-комп-ные	12
5	5-комп-ные	11	5-комп-ные	8	6-комп-ные	11
6	6-комп-ные	3	6-комп-ные	2	7-комп-ные	11
7	7-комп-ные	2	7-комп-ные	1	1-комп-ные	6
8	8-комп-ные	0,5	8-комп-ные	–	8-комп-ные	4
9	9-комп-ные	0,5	9-комп-ные	–	9-комп-ные	3
10	10-комп-ные	–	10-комп-ные	–	10-комп-ные	2
11	11-комп-ные	–	11-комп-ные	–	11-комп-ные	1
	ИТОГО:	100%		100%		100%

Двухсловные синтагмы актуальны для украинской (33) и русской речи (26). В украинской речи по активности они на первом месте, составляя треть синтагматической структуры текста, в русской речи – на втором, а в английской – на четвёртом. Их здесь по 12 на каждые сто синтагм текста. В русской и украинской речи по сравнению с английской они активнее более чем в 2 раза.

Трёхсловные синтагмы наиболее актуальны для русской речи. Они составляют по 28 единиц на каждые сто синтагм.

Вместе эти три типа синтагм – одно-, двух- и трёхсловные – представляют около 70% русской и примерно 77% украинской речи. Далее по употребительности для русской и украинской речи синтагмы располагаются одинаково: четырёх-, пяти-, шести- и семисловные. Синтагмы, включающие от 8 до 11 компонентов, в русской и украинской речи единичны. Что же касается синтагм, объединяющих более 11 компонентов, найти их здесь не удалось. Это объясняется тем, что структуру такого объёма без паузы трудно или даже невозможно произнести. Но нельзя исключать, что в специальной речи, особенно технической, где часто используются составные термины, такие синтагмы возможны.

В целом же в русской и украинской речи наиболее употребительны синтагмы, включающие от одного до шести компонентов. Они составляют здесь от 96 до 100 % текста. Это показатель, объективно указывающий на близкое родство языков, на общность их грамматического арсенала и культурно-речевых основ.

В английской речи первые по активности шесть видов синтагм составляют 85% наполнения исследуемых текстов. Условная синтагма здесь включает 5 компонентов, что на 2 компонента больше, чем в русской или украинской речи.

Отмеченные различия обусловлены тем, что русский и украинский – языки синтетические, тогда как английский – аналитический. У них разные способы образования грамматических форм слов, в связи, с чем синтагмы с шестью, семью, восьмью и девятью словами в английской речи используются в 5 раз чаще, чем в русской или украинской.

Ситуация такова, что из шести наиболее активных синтагм в русской речи первая по активности синтагма (трёхсловная структура) употребляется в 9 раз чаще, чем синтагма, занимающая шестое место (шестисловная). В украинской речи показатель ещё выше: первая по активности синтагма (двухсловная) используется в 16 раз чаще, чем шестая (шестисловная). Очевидна закономерность: в речи этих языков по мере увеличения объёма синтагм их использование резко сокращается – уже с четырёхсловных синтагм.

В английской речи картина совершенно иная: в ней шесть самых активных синтагм распределились так: на каждые сто синтагм текста трёхсловных – 19, четырёхсловных – 18, пятисловных – 13, двухсловных – 12, шестисловных – 11 и семисловных – 11. Если в русской речи диапазон различий по использованию между первой и шестой синтагмами – от 28 до 3 употреблений, в украинской речи – от 33 до 2, то в английской речи – от 19 до 11. В ней плавное сокращение использования синтагм при увеличении их объёма.

Обращая внимание на структуру и объём синтагм в речи разных языков, можно отметить не только различия в объёме и использовании исходных единиц речи, но и сходство, которое заключается в том, что в любом тексте предполагается чёткое и последовательное разграничение синтагм, как авторских единиц речи, определение их границ и осознание интонации. Лишь в этом случае можно точно понять содержание.

Если учитывать, что основной запас знаний о мире человек получает благодаря чтению, несложно осознать, насколько важно правильно понимать авторское содержание текста, чему способствуют знания о его синтагматической структуре.

Синтагматическая теория речи в полной мере соответствует всем видам речевой деятельности, поэтому последняя должна формироваться и развиваться на синтагматической основе. Сведения о синтагмах как исходных речевых единицах, их структуре и объёме важны для развития умений и навыков установления авторской синтагматической структуры текста, что будет способствовать адекватному пониманию содержания при чтении и переводе его на другие языки.

Не менее важны они при изучении языков, способствуя выяснению того, какие слова в предложении сочетаются в единые грамматические или структурно-смысловые группы с конкретным ситуативным значением, составляющие реальную его структуру и определяющие его содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влавацкая М. В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2009. № 1. С. 36-42.
2. Вихованець І. Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови. Київ: Наукова думка. 1992. 224 с.
3. Жданова Л. М. Синтагма как единица текста // *Сборник научных трудов Московского педагогического института иностранных языков*, 1987. Вып. 267. С. 45-60.
4. Жданова Л. М. Функции обращенности в тексте // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 2010. Вып. 589. С. 211-221.
5. Кузьмина Е. С. Научный текст в синтагматической последовательности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика преподавания*, 2004. Вып. 1. С. 56-67.
6. Потапова Р. К. Система делимитативных средств звучащего текста // *Звучащий текст: сборник научно-аналитических обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин, Р. К. Потапова*. М.: ИНИОН, 1983. С. 22-60.
7. Разговорный стиль речи: пример текста. Доступ: <http://ycilka.net/tvir.php?id=294>. (дата обращения: 11.11.2015).
8. Родионова О. С. К вопросу о единицах членения текста // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 2008. № 1. С. 81-84.
9. Філатова О. В. Мовні і мовленнєві одиниці та їх відношення до породження, структурування і сприймання мовлення // *Лінгвістичні студії*, 2012. Вип. 25. С. 21-27.
10. Филатова Е. В. Синтагма как реальная единица порождения и восприятия речи. Донецк: ДонНУ, 2013. 330 с.
11. Филатова Е. В. Минимальная единица речи, её признаки и функции // *Русская речь*, 2013. № 6. С. 39-46.
12. Филатова Е. В. Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2015. № 10. Ч. 2. С. 173-176.
13. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 471 с.
14. Шмелёв Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 152 с.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
16. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol, 2001. 312 p. (Modern linguistics series).
17. Filatova Elena. *Syntagma in the English speech: structure, meaning and functions* // *Лінгвістичні студії*, 2013. Вип. 27. С. 117-122.

REFERENCES

1. Vlavatskaya, M. V. (2009). Uchenie o sintagmaticeskikh svyazyakh slov v istoricheskom rassmotrenii [The study of syntagmatic bonds of words in historical consideration]. In *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Pp. 36-42. (In Russ.).
2. Vyhovanets, I. R. (1992). *Narysy z funktsionalnogo syntaksysu ukrainskoi movy* [Features of functional syntax of Ukrainian]. Kyiv: Naukova dumka. (In Ukr.).

3. Zhdanova, L. M. (1987). Sintagma kak edinitsa teksta [A syntagma as a text unit]. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov*. Vol. 267. Pp. 45-60. (In Russ.).

4. Zhdanova, L. M. (2010). Funktsii obrashchennosti v tekste [The textual function of addressivity]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Vol. 589. Pp. 211-221. (In Russ.).

5. Kuzmina, E. S. (2004). Nauchnyy tekst v sintagmaticheskoy posledovatelnosti [The scientific text in the syntagmatic line]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika prepodavaniya*. Vol. 1. Pp. 56-67. (In Russ.).

6. Potapova, R. K. (1983). Sistema delimitativnykh sredstv zvuchashchego teksta [The system of delimitative means of sounding text]. In F. M. Berezin, R. K. Potapova (eds) *Zvuchashchiy tekst: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov*. Pp. 22-60. (In Russ.).

7. *Razgovornyy stil rechi: primer teksta* [Colloquial speech: text sample]. Available at: <http://ycilka.net/tvir.php?id=294>. (accessed: 11.11.2015). (In Russ.).

8. Rodionova, O. S. (2008). K voprosu o edinitsakh chleneniya teksta [About units of text division]. In *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region*. No 1. Pp. 81-84. (In Russ.).

9. Filatova, E. V. (2012). Movni i movlennevi odyntsi ta yikh vidnoshennya do porozhennya, strukturuvannya i spryumannya movlennya [Language and speech units and their relations with speech creation, formation and perception]. In *Lingvistychni studii*. Vol. 25. Pp. 21-27. (In Ukr.).

10. Filatova, E. V. (2013). *Sintagma kak realnaya edinitsa porozhdeniya i vospriyatiya rechi* [Syntagma as a real unit of speech creation and perception]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).

11. Filatova, E. V. (2013). Minimalnaya edinitsa rechi, ee priznaki i funktsii [A minimal speech unit, its features and functions]. In *Russkaya rech*. No 6. Pp. 39-46. (In Russ.).

12. Filatova, E. V. (2015). Avtorskaya delimitatsiya rechi kak sposob predstavleniya ee realnykh iskhodnykh edinits [The author's speech delimitation as a way to represent its real initial units]. In *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 10, Ch. 2. Pp. 173-176. (In Russ.).

13. Ciceron, M. T. (1972). *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [Three treatises about eloquence]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

14. Shmelev, D. N. (1976). *Sintaksicheskaya chlenimost vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactical division of utterance in modern Russian]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

15. Shcherba, L. V. (1974). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

16. Aarts, B. (2001). *English Syntax and Argumentation*. 2nd ed. Great Britain, Aarontype Ltd, Easton, Bristol. (Modern linguistics series).

17. Filatova, E. V. (2013). Syntagma in the English speech: structure, meaning and functions. In *Lingvistychni studii*. Vol. 27. Pp. 117-122.

Филатова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей (e-mail: taranushchenko@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Filatova Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Acting Head of Department of English for Natural Sciences and Humanities (e-mail: taranushchenko@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 15 июня 2016 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистики.

1.2. Журнал печатает только оригинальные ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words: .....

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ....
2. ....
3. ....

REFERENCES

1. ....
2. ....
3. ....

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: *Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofonetičeskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@mail.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Домашний адрес автора (с указанием почтового индекса)		
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Адрес личной страницы в Интернете или сайта (если имеются)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

1 / 2016

Язык издания: русский, украинский, английский и др.

Компьютерная верстка О. А. Гринёва

Подписано в печать 22.07.2016 г.
Формат 60×84/8. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14,06
Тираж 300 экз. Заказ № 16-Ил157
Донецкий национальный университет
28301, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.